ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 23 15 декабря № 23

МОСКВА
Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
1934

С. М. КИРОВ И О КИРОВЕ

1. **КИРОВ, С. Ленинградские большевики между XVI и XVII с'ездами ВКП(б).** Доклады и речи 1930—1933 гг. Партиздат. 1934. 414 стр.

2. **КИРОВ, С. М. Статьи и речи 1934 г.** Партиздат. 1934. 189 стр. 2 р. в перепл.

3. **КИРОВ, С. Марксизм-ленинизм — это единственная наука, которая учит трудящихся побеждать своих врагов.** Речь на пленуме Ленинградского обласкома и горкома ВКП(б) 10 октября 1934 г. Партиздат. 1934. 32 стр.

4. **С. М. КИРОВ (1886—1934). Материалы к биографии.** Партиздат. 1934. 110 стр. 50 к.

5. **Памяти С. М. Кирова (1886—1934).** Партиздат. 1934. 46 стр. 25 коп.

6. **Траурный митинг памяти С. М. Кирова на Красной площади 6 декабря 1934 г.** Партиздат. 1934. 31 стр. 20 к.

7. **Памяти руководителя, товарища, друга.** «Молодая гвардия». 1934. 62 стр. 25 к.

8. **Жизнь, отданная революции. Юным пионерам о Сергее Мироновиче Кирове.** «Молодая гвардия». 1934. 59 стр. 20 к.

9. **Sergej Mironowitsch Kirow.** Verlagsgenossenschaft Ausländischer Arbeiter in der UdSSR. 1934. S. 110. 70 k.

10. **Sergej Kirow — Der Kämpfer und Führer.** Verlagsgenossenschaft Ausländischer Arbeiter in der UdSSR. 1934. S. 46. 20 k.

11. **Sergey Mironovich Kirov.** Cooperative Publishing Society of Foreign Workers in the U. S. S. R. 1934. P. 96. 70 k.

12. **S. M. Kirov. In memoriam.** Cooperative Publishing Society of Foreign Workers in the U. S. S. R. 1934. P. 39. 20 k.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

Политико-экономический ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

XI ГОД ИЗДАНИЯ

Адрес редакции: Москва, ул. Горького, 48 Тел. 1-21-16. Кремль 2-80

№ 23 15 ДЕКАБРЯ 1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАВЕРШЕННЫЙ КРУГ ИЗМЕН И ПРЕДАТЕЛЬСТВА

Уже немного дней отделяют нас от VII с'езда советов, к которому с величайшим под'емом готовится вся страна. От берегов Тихого океана до пограничных районов Белоруссии и Украины, от заполярных просторов Кировска (Хибиногорска) до советских субтропиков, до «пламенной Колхиды» — всюду заканчиваются выборы в советы, идут районные, областные и краевые с'езды советов. Выборы в советы явились подлинным смотром той гигантской работы, которая проделана за последние годы во всех областях социалистического строительства.

Когда лучшие ударники Москвы во время выборов об'езжали на автомобилях фабрики, заводы, до неузнаваемости преображенные, прекрасные улицы социалистической Москвы, они с гордостью и восторгом смотрели на дело своих рук. Не зря было потрачено столько героических усилий за годы первой и второй пятилеток! Нет уже такой машины, которую мы не смогли бы произвести на наших заводах. Наша черная металлургия 16 декабря выполнила свой годовой план, дав стране 10 миллионов тонн чугуна, увеличив за год свою продукцию на 48 процентов. Наша черная металлургия прочно заняла первое место в Европе и второе — в мире. А ведь недавно еще она была отстающим участком.

Социалистическому земледелию пришлось весной этого года выдержать серьезный бой с природой, с неблагоприятными климатическими условиями. Благодаря преимуществам социалистической системы хозяйства мы вышли с честью из этого испытания. Урожай в целом по всей стране оказался примерно на уровне прошлого года, а за счет лучше организованной уборки, за счет уменьшения потерь было фактически собрано даже на 250—300 млн. пудов хлеба больше, чем в прошлом году.

Крупнейшей победой социализма является решение ноябрьского пленума ЦК об отмене карточек на хлеб и некоторые другие продукты. Оно показывает, насколько мы продвинулись вперед, какие огромные материальные фонды мы создали. Оно ведет к полному расцвету всех тех возможностей, которые заложены в социалистической экономике, в советской торговле. С каждым днем увеличивается количество и разнообразие товаров, необходимых для населения. Страна наша с каждым днем становится все более могучей и обильной. Это вынуждены признать даже буржуазные журналисты — люди, которых нельзя заподозрить в особых симпатиях к коммунизму. Как никогда, полнокровен пульс жизни нашей великой родины. Всюду кипит творческая работа. Спокойно, уверенно строят рабочие, колхозники и все трудящиеся СССР прекрасную, светлую, радостную жизнь. Они строят эту жизнь под руководством своей родной коммунистической партии во главе с ее любимым и мудрым вождем, учителем и другом трудящихся товарищем Сталиным. И никакие силы в мире не смогут помешать трудящимся СССР закончить построение великого здания социализма.

Но наша радость омрачена злодейским убийством любимца всей партии— товарища Кирова, которого вырвали из наших рядов гнусные подонки зиновьевской антипартийной группы, скатившиеся в клоаку белогвардейско-фашистской контрреволюции. Кто они, эти трижды проклятые и презренные убийцы из «ленинградского центра»? Здесь сошлись те, кто годами вынашивал в своих мелких, грязных душонках звериную злобу и ненависть к партии, к руководству Центрального Комитета. Девять—десять лет назад большинство из них было молодыми людьми из числа «подающих надежды». Зиновьев своей отвратительной демагогией развращал этих зеленых юнцов, внушал им мысль, что они-де соль земли, «настоящие революционеры 96 пробы». Среди них лидеры зиновьевской антипартийной оппозиции еще накануне XIV с'езда, не стесняясь, вели контрреволюционную болтовню насчет «термидора», внушая им мысль, что старые партийные кадры якобы «переродились». Уже тогда в них сеялись семена злобы и недоверия к руководству Центрального Комитета, им доказывалось, что построение социализма в нашей стране невозможно. Среди них распространялись всевозможные «синие тетрадки» и другие фракционные документы зиновьевской оппозиции. Стремясь противопоставить комсомол партии, зиновьевская оппозиция пыталась в 1925 г. созвать в Ленинграде почти что всероссийскую конференцию комсомола без ведома ЦК партии и ЦК комсомола. Как известно, попытки превратить ленинградскую партийную и комсомольскую организации в центр борьбы против Центрального Комитета кончились позорным крахом зиновьевской оппозиции. Ленинградская партийная организация, ленинградские пролетарии уже в ходе XIV с'езда убедились в антипартийных замыслах зиновьевской оппозиции. Отбросив ее, ленинградская парторганизация под руководством товарища Кирова сплотилась вокруг Центрального Комитета и заняла подобающее ей место в борьбе за построение социализма в нашей стране.

Вопреки капитулянтам и дезертирам, не верящим в дело социалистического строительства, вырос новый Ленинград. Его прекрасными заводами, кузницей индустриальной мощи СССР, гордится вся страна. Но презренные перебежчики в лагерь капитализма не видели этих достижений. Ослепленные злобой к партии, контрреволюционные выродки на все смотрели глазами наших заклятых врагов. Гнусные подонки зиновьевской антипартийной и антисоветской группы, сколотившие свой «ленинградский центр», с ненавистью смотрели на каждый новый завод, на каждый новый дворец культуры, на крепнущие совхозы и колхозы, на колхозные базары. Ибо все это говорило, кричало об их измене революции, все это било по их контрреволюционной установке «чем хуже, тем лучше».

Они продолжали цепляться за старую антипартийную троцкистско-

зиновьевскую платформу, они болтали о «непосильности» темпов индустриализации, о ненужности колхозов и совхозов, они оплакивали кулачество, ликвидированное в основном как класс. Но могли ли они придти с этой программой восстановления капитализма в нашей стране к рабочим и колхозникам? Конечно, нет. Вот почему среди фашистской банды убийц из «ленинградского центра» нет ни одного рабочего, ни одного колхозника. Гнусные подонки бывшей зиновьевской антипартийной и антисоветской оппозиции вынуждены были вариться в собственном соку, в узком кругу людей, связанных долгими годами борьбы против партии и диктатуры пролетариата.

Не питая никаких надежд свернуть партию и рабочий класс с пути победоносного социалистического строительства, проклятые контрреволюционные выродки стали мечтать об интервенции, о вооруженном нападении империалистов на СССР. Они надеялись, что таким путем сорвется выполнение планов второй пятилетки, что таким путем удастся свергнуть ненавистную им советскую власть. Нужно ли более яркое доказательство белогвардейско-фашистской сущности так называемого «ленинградского центра»?

Л. Николаев заявлял близким людям, что «свергнуть Советскую власть возможно только путем нападения на нее иностранных капиталистических государств и что он будет всеми мерами помогать, будучи за границей, всякому капиталистическому государству, которое нападает на Советский Союз, чтобы свергнуть Советскую власть».

Гнусные подонки зиновьевской антипартийной и антисоветской группы связались с представителями капиталистического окружения, не раз ходили к ним за помощью, предлагали им различные шпионские «материалы». Контрреволюционная шайка «ленинградского центра» получала крупные денежные подачки от консула одной из иностранных держав, через этого консула стремилась связаться с матерым контрреволюционером Троцким.

Вот что говорит об этом в своих показаниях Л. Николаев:

«На следующей встрече — третьей или четвертой в здании консульства — консул сообщил мне, что он согласен удовлетворить мои просьбы, и вручил мне пять тысяч рублей.

При этом сказал, что установить связь с Троцким он может, если я вручу какое-либо письмо от группы к Троцкому.

О своем разговоре с консулом я сообщил Котолынову, передав ему полученные деньги в размере четырех тысяч пятисот рублей, а пятьсот рублей оставил себе».

Нет никакой разницы между целями и методами борьбы контрреволюционных подонков зиновьевской оппозиции и между целями и методами открытых врагов народа — эмигрантских белогвардейских помещичье-капиталистических организаций «Российский Общевоинский Союз» и «Братство Русской Правды» (деникинцы), открыто пропагандирующих террор, систематически перебрасывающих на территорию СССР своих агентов в целях организации и совершения террористических актов против представителей советской власти и осуществивших убийства тов. Воровского и тов. Войкова.

Фашисты из «ленинградского центра», эти подлые перебежчики в лагерь капитализма, мечтавшие об интервенции, готовые помогать самым лютым врагам СССР, также встали на путь террора. Путем злодейских убийств руководителей партии и правительства они думали дезорганизовать партию, дезорганизовать руководство советского правительства.

«Расследованием установлено, — говорится в сообщении Народного комиссариата внутренних дел СССР от 22 декабря, — что эта антисоветская группа представляла собой замкнутую группу, потерявшую всякую надежду на поддержку масс, политически обреченную и ставшую, ввиду безнадежности осуществления своих целей, на путь террора».

Не случайно и то, что подлые убийцы направили свою пулю в тов. С. М. Кирова. В злобных душонках участников бывшей зиновьевской антипартийной и антисоветской оппозиции гнездилось низкое чувство мести к пламенному трибуну революции, который разбил идейно и политически зиновьевскую оппозицию в Ленинграде.

«Что касается убийства т. Кирова,—говорится в сообщении НКВД,—то здесь, по заявлению обвиняемых, имел место дополнительный мотив мести в отношении т. Кирова, разбившего идейно и политически ленинградскую группу бывших зиновьевцев. Николаев говорит в своих показаниях: «с Кировым у бывшей оппозиции имеются свои особые счеты в связи с той борьбой, которую он организовал против ленинградских оппозиционеров».

* * *

Кто воспитал убийц из «ленинградского центра»? Кто был в течение многих лет учителями, идейным знаменем этой контрреволюционной банды? Их учителями и воспитателями были Зиновьев и Каменев.

Не лишне сейчас вспомнить некоторые страницы истории большевистской партии. Они говорят, что много раз в решающие, поворотные моменты революции Зиновьев и Каменев позорно изменяли нашей партии и делу революции.

1915 год. Идет царский суд над депутатами Государственной думы и другими большевиками, захваченными на подпольной конференции в ноябре 1914 г. В отличие от мужественного поведения тов. Петровского и других депутатов-большевиков Каменев постыдно трусит, старается доказать царскому суду свою солидарность с социал-патриотом г. Иорданским, свое несогласие с Центральным Комитетом. В своей статье «Что доказал суд над Р. С. Д. Р. фракцией?» Ленин клеймил позором это поведение Каменева на суде.

Март 1917 г. Февральская революция докатилась до сибирского захолустного городка Ачинска. Каменев выступает на митинге с либеральной, социал-патриотической речью (не даром он на суде солидаризировался с Иорданским!), лобызается с именитыми ачинскими купцами и посылает вместе с ними приветственную телеграмму... Михаилу Романову.

Апрельская конференция 1917 г. Каменев выступает с содокладом против Ленина, против его гениальных апрельских тезисов, против лозунга перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. Каменев самоуверенно заявляет:

«На мой взгляд, неправ товарищ Ленин, когда он говорит, что буржуазно-демократическая революция закончилась. Я думаю, она не закончилась. В этом наше расхождение».

Каменев поет хвалебные гимны буржуазной демократии: «Рано еще говорить, что буржуазная демократия исчерпала все свои возможности».

Октябрь 1917 г. Дважды повторяют Зиновьев и Каменев самую черную измену, штрейкбрехерство, дезертирство в великие Октябрьские дни 1917 года.

Под руководством Ленина и Сталина партия усиленно готовила Октябрьский штурм. 23 (10) октября ЦК партии выносит историческое решение о вооруженном восстании. Зиновьев и Каменев бешено боролись против этого решения. Потерпев поражение, они изменнически выступили в непартийной печати с полемикой против решения ЦК о вооруженном восстании, предательски раскрывая перед буржуазией планы нашей партии. Ленин в письме к членам партии большевиков говорил о «безмерной подлости, настоящем изменничестве» Зиновьева и Каменева, требовал их исключения из партии.

«Каменев и Зиновьев выдали Родзянке и Керенскому решение ЦК

своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания, выбора срока для вооруженного восстания», — гневно писал Ленин (т. XXI, стр. 355).

Но на этом не кончилась предательская роль Зиновьева и Каменева в Октябрьские дни. Они признали на словах свою ошибку, их оставили в партии. Однако не прошло нескольких дней, еще не закончилась вооруженная борьба с юнкерами и казаками, как Зиновьев и Каменев совершают новое предательство. Они требовали от ЦК образовать правительство из всех так называемых «социалистических партий», во что бы то ни стало пойти на соглашение с правыми эсерами и меньшевиками. Они готовы были принять ультиматум правых эсеров и меньшевиков, требовавших не более не менее как снятия Ленина с поста председателя Совнаркома и замены его Авксентьевым или Черновым!

Убедившись, что им не удастся поколебать твердую волю ленинского ЦК, Каменев и Зиновьев с жалкой кучкой своих сторонников (Шляпников, Рыков и др.) дезертируют с постов, подают заявления об отставке, надеясь этим создать кризис в рядах партии и правительства.

Буржуазия и ее пособники ликовали и злорадствовали по поводу этого заявления, кричали о развале, пророчили гибель большевистского правительства. Но дезертирам и штрейкбрехерам Октябрьской революции не удалось ни на минуту ослабить великий под'ем масс, великий героизм миллионов рабочих, солдат и крестьян, который «отодвинул дезертиров с такой же легкостью, с какою железнодорожный поезд отбрасывает щепки».

Ленин указывал, что октябрьский позорный «эпизод» Каменева и Зиновьева, конечно, *не являлся случайным*. Не случайно, что еще накануне XIV партконференции, когда партия под руководством товарища *Сталина* развертывала грандиозный план построения социализма в нашей стране, Зиновьев и Каменев снова выступили с паническими, штрейкбрехерскими заявлениями, будто бы мы «не сможем справиться с внутренними трудностями из-за нашей технической и экономической отсталости, если только нас не спасет международная революция».

Не случайна их бешеная фракционная борьба против ЦК в период XIV с'езда партии. Не случайно, что «идейной базой» этой борьбы явилось отрицание ленинской теории возможности победы социализма в одной стране, гениально развитой товарищем *Сталиным*.

Штрейкбрехерство и предательство в Октябрьские дни, гнилая меньшевистская теория, что мы должны погибнуть от технической отсталости, развивавшаяся Зиновьевым и Каменевым в период XIV партконференции, борьба против партии на XIV с'езде под лозунгом невозможности построения социализма в одной стране, беспринципный блок с контрреволюционным троцкизмом и другими антипартийными и антисоветскими группировками, предательские, антисоветские выступления против партии и диктатуры пролетариата перед XV с'ездом, исключение из партии на XV с'езде; после восстановления в партии — двурушническое заигрывание с правыми в 1928—1929 гг., связь с контрреволюционной группой Рютина и других в 1932 г. и, наконец, связь с контрреволюционными последышами зиновьевской оппозиции, «ленинградским центром», — таков завершенный круг предательства и измен партии, проделанный Зиновьевым и Каменевым.

Двурушничество, лицемерные заявления и слезливые покаяния с целью обмана партии стали их второй натурой. Этому они обучали и своих последышей.

* * *

На этих примерах двурушничества и обмана партии, на прямых директивах Зиновьева — подавать фальшивые, обманные заявления, чтобы, восстановившись в партии, удобнее вести борьбу против партии, против дикта-

туры пролетариата, — воспитывались и те, кто потом окончательно скатился на путь белогвардейско-фашистской террористической деятельности «ленинградского центра».

Прикрываясь лживыми заявлениями, как ядовитая змея, вползали они в партию, чтобы готовить свои подлые укусы. Этим презренным выродкам и тупым бездельникам были органически противны упорная, будничная работа и учеба, была ненавистна железная партийная дисциплина. Встречаясь под видом различных семейных торжеств, под видом воспоминаний об истории ленинградского комсомола (которую они всячески фальсифицировали в духе троцкистско-зиновьевской оппозиции) и т. д., они накачивали друг друга дикой злобой к партии, к ее руководству. Плодом этой контрреволюционной, фашистской «работы» явился выстрел 1 декабря.

Раздавить контрреволюционную, фашистскую гадину! Смерть убийцам и их пособникам! — таков единодушный голос масс рабочих и колхозников, до глубины души потрясенных злодейским убийством тов. Кирова. Выкорчевать с корнем все контрреволюционные подонки бывшей зиновьевской антипартийной и антисоветской группы! Еще больше надо усилить классовую, политическую бдительность, чтобы издыхающая контрреволюционная змея не могла больше укусить партию. Еще больше надо усилить бдительность и на идеологическом фронте.

Мы ни на минуту не можем забывать указания товарища Сталина:

«Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков... Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсеров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов».

Помнить о враге, всюду выкорчевывать его остатки, усилить во много раз нашу идейно-политическую и организаторскую работу!

Об этом говорил в своем докладе об итогах ноябрьского пленума ЦК ВКП(б) тов. Каганович:

«Бдительность требует не только помнить о враге. Бдительность требует, чтобы мы удесятерили свою борьбу, чтобы мы удесятерили свою идейно-политическую и организаторскую работу. Бдительность требует, чтобы мы везде и всюду разили врага, до конца выкорчевывали его остатки».

На убийство тов. Кирова партия и все трудящиеся СССР отвечают усиленной работой по строительству социализма, отвечают беспощадным разгромом классовых врагов и их агентуры, отвечают еще бо́льшим сплочением вокруг ленинского, сталинского Центрального Комитета, вокруг любимого вождя партии и мирового пролетариата товарища Сталина.

О ПРЕОБРАЗОВАНИИ ПОЛИТОТДЕЛОВ МТС

А. Левин

I

План преобразования политотделов МТС, принятый ноябрьским пленумом ЦК ВКП(б), означает поднятие всей работы наших деревенских парторганизаций на новую, более высокую ступень, их дальнейшее организационное укрепление, дальнейший шаг в деле создания боеспособных парторганизаций в деревне на основе грандиозных успехов, одержанных в сельском хозяйстве за последний период.

Отличительной особенностью большевистской партии всегда являлось уменье на каждом этапе развития революции находить правильные организационные формы для разрешения очередных задач.

«Партия революционного марксизма в корне отрицает поиски абсолютно правильной, годной для всех ступеней революционного процесса формы партийной организации, а равно и методов ее работы. Наоборот, форма организации и методы работы всецело определяются особенностями данной конкретной исторической обстановки и теми задачами, которые из этой обстановки непосредственно вытекают»[1].

Политотделы МТС были особой, чрезвычайной формой организации, вызванной к жизни конкретной исторической обстановкой и теми недостатками партийной работы в деревне, которые вскрыл товарищ **Сталин** в своей речи на январском пленуме ЦК в 1933 г. Но за время, протекшее с этого периода, обстановка в деревне радикально изменилась.

Теперь партия приблизила свое руководство к селу, к каждому колхозу, к колхозному производству. Под влиянием практики, приемов и методов работы политотделов улучшилась работа не только первичных парторганизаций, но и районных комитетов партии. Именно под влиянием политотделом МТС большинство райкомов перестроило приемы своей работы. В результате совместной работы райкомов и политотделов МТС очищенные в основном от классово враждебной нечисти, об'единяя $^3/_4$ крестьянских хозяйств и 90% посевных площадей, колхозы стали прочной и непобедимой силой в деревне. В борьбе с правыми оппортунистами, пытавшимися тащить страну назад, на позиции единоличного крестьянского хозяйства, следовательно, к реставрации капитализма; в борьбе с контрреволюционной троцкистско-зиновьевской группой, считавшей крестьянство сплошной реакционной массой и отрицавшей возможность построения социализма,—партия, по гениальному плану товарища **Сталина**, под его водительством провела грандиозную реконструкцию сельского хозяйства, ликвидировала в основном кулачество как класс и в непродолжительный срок незыблемо укрепила колхозный строй в деревне.

На основе организационного укрепления и мощного роста технической вооруженности МТС стало возможным создание целого ряда новых районных центров. Сейчас имеются все предпосылки для того, чтобы невиданно

---

[1] Протоколы X с'езда РКП(б), стр. 605—606. Партиздат. 1933.

улучшить и организационно укрепить парторганизацию в деревне, еще выше поднять качество партийного руководства колхозами, охватить партийным руководством не только колхозное производство, но и все стороны жизни колхозов.

Всем памятна исключительной силы и глубины речь товарища Сталина о работе в деревне; острие этой речи было направлено против стихийности и самотека в руководстве сельским хозяйством, колхозами. Товарищ Сталин ставил вопрос таким образом: нейтральных колхозов быть не может, колхозы могут быть либо под нашим руководством либо под руководством наших классовых врагов. Если в свое время Ленин в борьбе с экономистами ставил вопрос о необходимости активного, организованного привнесения социалистической идеологии в стихийно развивающееся рабочее движение, то с еще большим основанием можно было поставить этот вопрос в отношении колхозников, сознание которых, как говорил товарищ Сталин, отстает от их положения: по положению они коллективисты, а сознание их частнособственническое.

Трудящееся крестьянство, вступая в колхозы, не сразу освобождается от мелкособственнических привычек и традиций, исторически сложившихся в условиях развития капитализма. Мелкособственническая идеология, индивидуализм, рвачество — все эти качества, неизбежно вытекающие из условий конкуренции и анархии капиталистического производства, являлись основными моральными правилами буржуазного общества. Всем ходом развития капитализма крестьянин был приучен рассуждать по формуле «плохое — да мое, хорошее — да чужое». Это «чужое» противостояло крестьянину как некая враждебная сила, и он не мог бережно относиться к этому «чужому», охранять и укреплять его.

Особенностью колхозов является то обстоятельство, что они представляют собой тот единственный путь, через который крестьянство идет к социализму, путь переделки собственнической природы мелких товаропроизводителей. Становясь в новые отношения к основным средствам производства, колхозники в массе своей не перестают сразу быть крестьянами с характерными чертами и привычками, свойственными классу мелких товаропроизводителей. Их идеология, сознание продолжают еще отставать от стремительного хода строительства новых, социалистических форм хозяйства в деревне, организуемого под руководством пролетариата. Вступая в колхоз, крестьянин не сразу отрывается от пуповины, связывающей его с индивидуальным хозяйством, и нужно вплотную и основательно поработать над тем, чтобы приучить его к социалистической дисциплине труда, чтобы «выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества» (Сталин).

Этого не понимали в период, предшествовавший организации политотделов МТС, многие деревенские парторганизации,—в тот период, когда партия уже вплотную занималась организационно-хозяйственным укреплением колхозов. Лишенные зачастую революционной чуткости и бдительности, некоторые деревенские парторганизации не могли осуществлять должного большевистского руководства колхозами. Ошибки ряда районных парторганизаций состояли в том, что они механически перенесли методы работы, сложившиеся в условиях индивидуального хозяйства, в условиях, когда «партия могла ограничивать свое вмешательство в дело развития сельского хозяйства отдельными актами помощи, совета или предупреждения» (Сталин), в принципиально иную обстановку колхозной деревни. В то время, когда нужно было тесно связаться с колхозным производством, влезть во все детали колхозной жизни, целый ряд райкомов партии, проведя первоначальную работу по организации колхозов, добившись определенного уровня коллективизации, задержался на старых методах работы, находился в со-

стоянии оторванности от непосредственных вопросов колхозного производства. В ряде случаев колхозы были предоставлены самим себе. Между тем «переход от индивидуального хозяйства к колхозам должен был привести к усилению руководства коммунистов в деревне. А на деле в ряде случаев этот переход привел к тому, что коммунисты почили на лаврах, козыряя высоким процентом коллективизации, и предоставили дело самотеку, предоставили дело естественному ходу вещей»[1].

Здесь лишний раз подтвердилось известное большевикам положение: всюду, где ослабляется партийное руководство, там усиливается влияние наших классовых врагов. Цепляясь за мелкобуржуазные пережитки и отсталые настроения, пользуясь ослаблением руководства колхозами со стороны ряда деревенских парторганизаций, классовый враг забирался в колхозы, пытался окопаться в них, пытался взорвать колхозы изнутри. «Проникая в колхозы в качестве счетоводов, завхозов, кладовщиков, бригадиров и т. п., а нередко и в качестве руководящих работников правлений колхозов, антисоветские элементы стремятся организовать вредительство, портят машины, сеют с огрехами, расхищают колхозное добро, подрывают трудовую дисциплину, организуют воровство семян, тайные амбары, саботаж хлебозаготовок, — и иногда удается им разложить колхозы» (из постановления январского пленума ЦК).

Идеализацией колхозов со стороны некоторых районных, областных руководящих работников, ослаблением руководства колхозами со стороны деревенских парторганизаций, проникновением в колхозы антисоветских элементов об'ясняются трудности в хлебозаготовках 1932 г. и контрреволюционный саботаж хлебозаготовок, организованный кулачеством на Кубани. Со всей остротой встал тогда вопрос о большевистском руководстве сельским хозяйством, о большевистском руководстве колхозами.

Товарищ Сталин с исключительной яркостью, силой и глубиной вскрыл тогда недостатки и ошибки в руководстве колхозами, показал, в чем состоит новая тактика классовых врагов, и развернул программу практической работы партии по дальнейшей организации и укреплению колхозного движения. «Не в крестьянах надо искать причину затруднений в хлебозаготовках,—говорил товарищ Сталин,—а в нас самих, в наших собственных рядах. Ибо мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне». Товарищ Сталин указывал, что в связи с созданием колхозного строя, как никогда, опасен и вреден отрыв коммунистов от жизни колхозов и что борьба с кулацким влиянием в колхозах будет успешной только тогда, когда парторганизации вплотную подойдут к нуждам и запросам колхозов, по-настоящему возьмутся за руководство колхозным производством; только при этом условии можно исправить недостатки в сельском хозяйстве. «Можно ли исправить эти недостатки?» — спрашивал, далее, товарищ Сталин и отвечал: «Да, безусловно можно. Исправим ли мы их в ближайшее время? Да, безусловно исправим. В этом не может быть никакого сомнения.

Я думаю, что политотделы МТС и совхозов являются одним из тех решающих средств, при помощи которых можно будет устранить эти недостатки в самый короткий срок».

Политотделы МТС, созданные по инициативе товарища Сталина, явились в руках партии мощным оружием в борьбе с остатками кулачества за большевистские колхозы. Впервые за все годы революции в деревню были направлены такие мощные партийные силы. Под непосредственным руководст-

[1] И. Сталин «Доклад на об'единенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 г.».

вом Центрального Комитета партии происходил отбор проверенных большевиков для работы в политотделах МТС. Около 17 тысяч отборных большевиков стали посланцами пролетарского города в деревню. Политотдельцы активно внедряли в колхозы, исходя из опыта промышленных центров и Красной армии, большевистские навыки и уменье в работе, навыки большевистской организованности и пролетарской дисциплины труда. Помогая деревенским парторганизациям приблизиться к колхозам, очищая колхозы от классово чуждых элементов, сплачивая большевистское ядро в колхозах, развертывая массово-политическую работу, политотдельцы помогли внести коренное изменение в сознание миллионов вчерашних единоличников, в их отношение к социалистической дисциплине труда, к общественной собственности, к обязательствам перед государством.

Политотдельцы были новой мощной партийной струей в деревне, которая оживляла и подталкивала работу всей деревенской парторганизации, директоров МТС и председателей советов и райисполкомов. Они явились тем рычагом, который, как сказал тов. Каганович на пленуме ЦК, заставил по-новому работать все наши организации в деревне. Несмотря на то что в работе многих политотделов МТС были крупные недостатки, все же в подавляющем своем большинстве они с самого начала имели значительные достижения в приемах работы по сравнению с районными комитетами партии. Это об'ясняется также и тем, что политотдельцы с самого начала имели значительное преимущество по сравнению с работниками райкомов, заключающееся в том, что они являлись в деревне новыми, свежими людьми и не были, так сказать, связаны цепочкой местнических наслоений, отношений и т. д. Учитывая ошибки, допущенные многими деревенскими парторганизациями, учитывая критику этих ошибок в исторической речи товарища Сталина, политотдельцы сумели быстро примениться к новой обстановке в деревне, тесно, вплотную связаться с колхозами, влезть во все мелочи колхозного производства, овладевая агротехникой, сумели подобрать, изучить и расставить коммунистов на ответственных участках, поднять их на борьбу за организационно-хозяйственное укрепление колхозов.

II

Именно сейчас, когда все лучшие силы деревенского отряда партии сосредоточиваются в районных комитетах партии, в высшей степени важно уяснить себе, что из так называемых «политотдельских методов» должно незыблемо войти в арсенал работы старых и новых райкомов и что требует дальнейшего совершенствования на основе решений ноябрьского пленума ЦК. Некоторые увлекающиеся товарищи любят говорить об особом политотдельском «стиле», об'являют этот стиль «секретом» политотдельцев, забывая, что этот «секрет» известен каждому большевику-организатору, имеющему опыт конкретно-оперативной партийной работы. Вот что пишет в этой связи начальник политотдела Ново-Егорлыцкой МТС (Азово-Черноморский край):

«Конкретность, оперативность руководства—вот, пожалуй, самые основные характерные черты наших методов работы. Мы не издавали циркуляров, не загружали организаций отношениями и бумажным хламом, мы стремились наладить повседневное живое руководство ячейками и колхозами. Если в каком-либо колхозе или бригаде становилось туго,— работники политотделов ехали на места, помогали, инструктировали и обязательно доводили дело до конца. Вообще едва ли не 90% всего рабочего времени политотдельцы проводили в бригадах. Здесь мы проводили беседы, инструктировали бригадиров, помогали расставить тягло и людей, организовать работу. Здесь мы сами вникали в детали колхозного производства».

Работать по-ленински, по-сталински — вот чего сумели добиться передо-

вые политотдельцы, и именно в этом «секрет» их успехов; именно это и составляло содержание так называемого политотдельского стиля в работе. И на пороге нового организационного этапа в жизни деревенских партийных организаций отнюдь нелишне воспроизвести кое-что из методов политотдельской работы, заставивших и райкомы работать по-новому, воспринятых уже большинством райкомов партии.

Изучение организационно-хозяйственного состояния колхозов, знание конкретных хозяйственных деталей колхозного производства позволяли политотдельцам выделить в тот или иной период главное звено в работе, наметить конкретную программу укрепления каждого колхоза в отдельности и наметить мероприятия для проведения в жизнь этой программы. Не в пример некоторым райкомам, которые иногда отмахивались от отстающих колхозов, передовые политотделы в первую очередь шли в отстающие колхозы, сидели там по нескольку дней, выясняли конкретные причины их отставания и там же, на месте, с правлениями колхозов, с парторганизациями, с активом намечали мероприятия для улучшения работы колхозов. Поучителен в этом отношении пример Акржанской МТС (Одесская область):

«Самый крупный колхоз им. Петровского три года подряд не выходил из прорыва. Не проходило почти ни одного заседания райкома, на котором не обсуждался бы вопрос о колхозе им. Петровского; выносились постановления: «принять решительные меры к ликвидации прорыва», «удвоить классовую бдительность с обнаглевшим классовым врагом», «усилить партийно-массовую работу в колхозе», «добиться решительного перелома в работе артели», а колхоз тем не менее находился в прорыве. Иначе действовали политотдельцы. Они безвыездно сидели в этом колхозе, пока не вскрыли контрреволюционное гнездо, сколотили небольшую группу колхозников-активистов, опираясь на них повели широкую массово-политическую работу среди колхозников, посадили крепкого парторга, организовали экскурсию колхозников колхоза им. Петровского в передовые колхозы района. В колхоз были переброшены лучшие ударники из передовых колхозов, которые делали на бригадных собраниях доклады об организации производства и труда в их колхозах. В результате колхоз твердо встал на ноги и занял в 1934 году по качеству работы и урожайности одно из первых мест в районе. Колхоз им. Петровского является серьезным соперником передового в районе колхоза им. Сталина в получении красного знамени» (из сообщения политотдела МТС).

Оперативность и конкретность руководства предполагают не только основательное знание хозяйственных условий в том или ином колхозе, но и основательное знание людей, в первую очередь коммунистов,— такое их знание, которое может обеспечить правильный подбор и расстановку сил на решающих участках.

Несмотря на крупнейшие недостатки в изучении и идейном воспитании членов и кандидатов партии передовые политотделы добились и на этом участке значительных успехов. В результате конкретной, живой работы политотделов МТС с членами и кандидатами партии «повысилась революционная бдительность и большевистская идейная вооруженность деревенских членов партии» (из постановления ноябрьского пленума ЦК). Многие политотделы порвали с практикой сплошного подхода к коммунистам из деревенских организаций, лично узнавали их биографии, их опыт, их индивидуальные склонности, идейно вооружали, поднимали деревенского коммуниста до уровня организатора и политического вожака колхозников.

Многие политотделы МТС перенесли в деревню высоко-квалифицированную пропаганду, агитацию городского типа; партсобрания, организуемые политотделами, являлись крупной воспитательной силой, средством действительной мобилизации деревенских коммунистов вокруг задач партии, сред-

ством политического роста коммунистов. И перед районными партийными организациями, перестроенными на основе решений ноябрьского пленума ЦК, стоит задача—еще шире развернуть партийно-массовую работу, которая сплошь и рядом была наиболее уязвимым местом в работе очень многих политотделов МТС, нередко подменявших собой директоров МТС. Но можно привести огромное количество положительных фактов, взятых из практики передовых политотделов МТС, примеров индивидуального изучения коммунистов, конкретной, диференцированной расстановки их на ответственных участках колхозного производства, живой, практической работы над повышением идейной вооруженности членов партии, над повышением их ведущей организаторской роли в колхозах. В этой связи опять-таки представляют интерес высказывания начальника политотдела Советской МТС (Азово-Черноморский край) т. Орехова, ранее работавшего секретарем райкома:

«Если говорить откровенно, то надо сказать, что работу коммунистов района мы не изучали сколько-нибудь серьезно, сколько-нибудь обстоятельно, коммунистов не знали, подходили ко всем с одной меркой, не знали, на какую работу, почему и кого можно поставить. Я мог бы привести из прежней моей работы секретарем райкома много примеров случайных назначений, выдвижения коммунистов на ту или иную работу. Дело в результате страдало, сельские партийные организации очень слабо или почти не были связаны с беспартийным активом, в производстве не участвовали.

Теперь я знаю производство, знаю, где и какая бригада работает, знаю людей в бригадах, знаю коммунистов, о каждом могу сказать, почему он работает именно на этом, а не на другом участке колхозного производства, может ли он по-большевистски организовать колхозников».

В центре внимания политотделов стояла работа с людьми, их изучение, выискивание лучших людей в колхозах, их отбор, сплачивание их вокруг партии, выращивание и закрепление их на руководящей колхозной работе. Например работники политотдела Тульчинской МТС (Винницкая область) лично знают около 350 активистов-колхозников; работники политотдела Братской МТС организовали вокруг политотдела 560 активистов, из которых начальник политотдела знает лично 270, первый его заместитель — 50, второй заместитель — 200 активистов.

Политотделы МТС подняли новые людские пласты в деревне; совершенно незаметные прежде люди под руководством политотделов МТС, благодаря конкретности их работы с живым человеком стали передовыми ударниками, руководителями колхозов, знатными людьми колхозной деревни.

Знание хозяйственной обстановки, условий в том или ином колхозе, знание людей, их выращивание, повседневное личное инструктирование руководящих работников колхозов дополнялись у большинства политотдельцев самой существенной, решающей чертой конкретно-оперативного, большевистского метода работы: повседневной проверкой исполнения своих указаний и директив. Политотдельцы руководствовались указанием Ленина, прекрасно развитым и конкретизированным Сталиным: проверяйте людей, проверяйте фактическое исполнение дела. В этом и еще раз только в этом гвоздь всей работы, всей политики. У колхозников Сальской МТС уже сложился такой взгляд: «Раз приехал политотдел в бригаду, значит наверняка проверит в первую очередь производственные показатели бригады, учет труда, котел ударника, проверит массовую работу за день и лишь потом поведет разговор с бригадиром, парторгом, руководителем колхоза» (из политдонесения начальника политотдела).

Практика конкретно-оперативного руководства передовых политотделов складывается из целого ряда условий, форм и методов, навыков и уменья, проверенных на опыте работы социалистических промышленных центров и

Красной Армии. Знание деталей колхозного производства, конкретное знание обстановки на том или ином участке работы, конкретное знание людей, уменье правильно расставить их, маневрировать ими в зависимости от обстановки, ежедневная проверка исполнения своих директив и указаний — вот из чего складывалось конкретно-оперативное руководство политотделов. Этим методам научились от политотделов многие районные комитеты партии.

Исключительно интересным и поучительным является сообщение начальника политотдела Токаревской МТС (Воронежская область) тов. Серкина как иллюстрация к указанию ноябрьского пленума ЦК о том, что райкомы перестраивались и улучшали приемы своей работы под влиянием политотделов МТС:

«В короткий срок работники политотдела МТС лично знали всех коммунистов, основной кадр актива, знали настроения в каждом колхозе. Это дало возможность политотделу МТС выдвинуть ряд вопросов на обсуждение бюро райкома, связанных с перестройкой методов руководства колхозами. Перестраивая свою работу, мы заставили перестраиваться всю парторганизацию и в частности перестраивать формы и методы руководства со стороны райкома партии. Наглядная практика нашей работы заставила райком сократить заседательскую суетню, сократить поток бумажных резолюций, не подкрепленных повседневной проверкой исполнения, уничтожить практику случайных наездов работников в колхозы. Райком вместе с нами стал заниматься живым практическим делом по организационно-хозяйственному укреплению колхозов».

Успех в этой области обусловил в частности возможность преобразования политотделов МТС в парторганизации обычного типа, построенные по производственно-территориальному принципу. Это «наследство» политотделов райкомы партии обязаны п р и у м н о ж и т ь умелой оперативной работой, должны поднять партийное руководство в деревне на еще более высокую ступень, сделать его еще более гибким, охватывающим все стороны производственной, политической и культурной жизни.

III

Работа политотделов МТС сыграла огромную роль в коренном изменении отношения колхозников к труду, к общественной собственности, в мобилизации и развитии в колхозных массах сознания незыблемости советских законов, необходимости безусловного первоочередного выполнения всех государственных обязательств.

До 1934 г. в истории нашей революции еще не было года, когда план государственных обязательств в размере около миллиарда пудов продовольственных культур был бы выполнен в ноябре. Выполнение плана хлебосдачи показывает, что огромное, подавляющее большинство колхозников рассматривает свои обязательства перед государством как первоочередную незыблемую заповедь. Среди большинства колхозников укрепляется сознание того, что интересы рабоче-крестьянского государства, освободившего их от помещиков, давшего им землю, вооружившего их передовой техникой, новейшими с.-х. машинами, непосредственно помогающего им двигаться по пути к зажиточной и культурной жизни, выше их личных интересов, домашних и групповых. «В сознание миллионов колхозников внедрилось понимание первоочередности выполнения своих обязательств перед государством.

Лозунг, выдвинутый партией на с'езде колхозников-ударников в феврале 1933 года, о борьбе за большевистские колхозы и за зажиточную жизнь колхозников вошел в сознание и быт десятков миллионов колхозников и стал практической, боевой программой мобилизации широких масс на укре-

пление колхозов, на общий дальнейший под'ем сельского хозяйства» (из постановления ноябрьского пленума ЦК).

Однако опыт выполнения колхозами государственных обязательств в этом году показал, что не сломлена еще окончательно в ряде колхозов антигосударственная подрывная работа классово враждебных элементов, направленная на срыв государственного плана зернопоставок. Будучи построен на учете интересов и нужд всего народного хозяйства, государственный план зернопоставок и твердые сроки его выполнения являются одним из основных методов под'ема социалистической промышленности и социалистического сельского хозяйства. Этим об'ясняется, почему борьба вокруг необходимости выполнения государственного плана хлебосдачи является на данном этапе важнейшей стержневой формой классовой борьбы.

Отдельные работники политотделов МТС (особенно Винницкой, Челябинской областей, Западносибирского края) проявили политическую близорукость, у них притупилось классовое чутье, и они попали в плен антигосударственных тенденций. Не понимая того, что действительная судьба колхозов зависит от большевистской борьбы за урожай и под'ем производительности труда, они стали на путь составления хлебофуражных балансов, они требовали «коррективов», «снижения» плана, отказываясь, по существу, от борьбы за выполнение государственных обязательств. Потребовалось непосредственное вмешательство ЦК партии для преодоления в некоторых партийных организациях оппортунистической успокоенности и надежды на самотек, для того чтобы крепко поправить отдельных работников партийных комитетов и политотделов МТС. Партия сурово подходила к отдельным работникам райкомов и политотделов МТС не потому, что мы были слабы в деревне, а потому, что в период второй пятилетки, когда созданы все об'ективные предпосылки для построения бесклассового общества, от каждого члена партии, тем более от посланца пролетарского города в деревню, требуется несравненно большая ответственность за порученное ему дело, величайшая напряженность, организованность и четкость в работе, беззаветное желание по-большевистски выполнить задачи, поставленные партией.

Классово враждебные, кулацкие элементы в своей борьбе против колхозного строя, особенно против выполнения плана государственных обязательств, цепляются за неизжитые еще целиком мелкособственнические привычки и навыки; не всегда поэтому непосредственным носителем кулацкой тактики является кулак, тем более в его старом обличии. Там, где ослаблена политическая работа с живыми колхозниками, непосредственным носителем кулацкой идеологии очень часто является просто отсталый колхозник как подставное лицо тонко замаскированного, действительного классового врага.

Против трудовой инициативы и самодеятельности ударников выступают сложившиеся тысячелетиями привычки уравнительности, неизжитые еще в колхозах быт и психология мелкого товаропроизводителя. В колхозной деревне сохранилась еще старинная единоличная привычка «жить в мире со своим соседом», иначе говоря, быть нейтральным к плохой работе своего соседа. На эту мелкобуржуазную привычку пытаются опереться сейчас разбитые и недобитые еще кулаки и их агенты. Они всеми способами стараются сохранить и укрепить привычку к уравнительности. Цепляясь за эту привычку уравнительности, кулацкие недобитки стремятся развить мелкобуржуазную распущенность и расхлябанность в колхозах, задержать выдвижение ударников, затормозить развитие новой, социалистической дисциплины труда, развитие сознания, развитие правильного представления об общественной, колхозной собственности, о незыблемости и первоочередности выполнения государственных обязательств. Все это требует от районных комитетов партии, перестраиваемых на основе решений ноябрьского пленума ЦК, особой классовой зоркости и бдительности. Нужно

помнить указания ноябрьского пленума ЦК о том, что «не сломлена еще окончательно в ряде колхозов подрывная, вредительская работа пролезших в них кулацких элементов».

Вот почему воспитание, выдвижение из рядовых колхозников таких ударников, которые чувствуют ответственность не только за себя, но, по крайней мере, за десяток своих товарищей по работе, ударников, которые на деле будут активно драться за выполнение в срок первой заповеди колхозов, является наряду с борьбой за выполнение плана зернопоставок одной из форм классовой борьбы в деревне.

Огромное положительное значение передовых политотделов МТС состояло в том, что они умели отыскивать ударников в колхозах, во-время поддержать их, сплотить их вокруг партии, обеспечить им почет в колхозах, опереться на них при проведении всех хозяйственно-политических мероприятий, особенно в выполнении государственных обязательств, политически закалить их, организовать их для беспощадной борьбы с кулаком, лодырем, рвачем, с мелкобуржуазной распущенностью и расхлябанностью в колхозах.

Вождь нашей партии сказал известные теперь всему миру слова: план — «это живые люди, это мы с вами». Подавляющее большинство политотдельцев под руководством ЦК, под руководством крайкомов и обкомов, бесспорно, оправдало эти мудрые и простые слова великого Сталина. И не только потому, что отборные коммунисты-организаторы должны были показать и доказать, как надо работать, но и потому, что вокруг этих большевиков, отобранных Центральным Комитетом партии, сплачивались лучшие люди колхозов, готовые на деле драться за колхозный строй. Политотделы МТС подошли вплотную к нуждам колхозного производства, окружили себя преданным делу партии колхозным активом, стали центром сплочения лучших людей колхозной деревни. Велика заслуга политотделов МТС в борьбе с остатками кулачества. Вооруженные сталинским анализом, правильным пониманием новой обстановки в деревне, политотделы сумели помочь деревенским парторганизациям рассмотреть «волка в овечьей шкуре», сорвать с врага маску и при помощи честных колхозников очистить в основном колхозы от классово чуждых, вредительских, саботажнических элементов. Политотделы МТС оставили в деревне неизгладимый след, который никогда не будет забыт колхозниками, их работа войдет как одна из замечательных страниц в историю колхозного движения.

Задача райкомов партии — еще неизмеримо выше поднять в глазах колхозных масс авторитет большевика-организатора. Задача райкомов партии, в огромной массе своей скомплектованных сейчас из работников политотделов МТС, — удесятерить, умножить ряды колхозников-ударников. Так же, как лучшие политотдельцы, каждый работник райкома партии должен быть окружен величайшим вниманием и любовью передовых людей колхозной деревни.

IV

Если подвести самый сжатый и общий итог успехам партии в результате организации и работы политотделов МТС, успехам, требующим закрепления непрерывного творческого развития со стороны райкомов партии, то тут раньше всего необходимо подчеркнуть следующее:

Во-первых, деревня располагает, как никогда раньше, проверенными партийными кадрами, прошедшими отличную выучку промышленных центров и Красной Армии и сумевшими за время работы в политотделе приобрести превосходный опыт работы в деревне, в том числе и агротехнический опыт. Деревенские парторганизации вступают в новый организационный этап, при-

обретая «наследство» в виде мощного людского капитала—17 тыс. человек, причем около 70% всего состава начальников политотделов МТС—это люди с партийным стажем 1917—1920 гг., т. е. имеющие не менее 14 лет пребывания в партии; 37% всех начальников политотделов МТС прошли школу военно-политической работы в Красной Армии; 60% всех начальников политотделов МТС — рабочие, т. е. люди, прошедшие фабричную выучку; 22% всего состава — работники с высшим образованием. Этот мощный отряд посланцев пролетарских городов получил также небывалое для деревни материально-техническое оснащение, фундамент для развертывания большевистской пропаганды: 1673 типографии, 2 тысячи радиостанций, 2 тысячи книжных киосков и свыше 2 тысяч кинопередвижек; и такой же фундамент для под'ема оперативных методов работы: 3200 автомашин и свыше 6 тысяч велосипедов.

Во-вторых, являясь лучшими, проверенными практикой социалистического строительства рычагами руководства со стороны пролетариата социалистической переделкой крестьянства, машинно-тракторные станции только после организации политотделов стали действительно выполнять ту роль, которую на них возлагала партия, стали не только организационно-хозяйственным, но и политическим центром руководства колхозным движением и технического перевооружения колхозного производства. «Ополитотделенные» МТС окончательно изжили элементы прокатных пунктов, стали основным и решающим рычагом ликвидации противоположности между городом и деревней, рычагом превращения сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального. Они охватывают теперь все стороны и звенья сельскохозяйственного производственного процесса, всесторонне влияют на всю систему колхозного производства, и это дает возможность вносить смелые поправки в карту районирования страны, создавать на базе МТС новые районы.

В-третьих, являясь величайшим завоеванием революции, способным показать чудеса хозяйственного строительства, колхозы именно в процессе проделанной партией под руководством Центрального Комитета работы, в результате организации политотделов стали активно и быстро наполняться большевистским содержанием, укреплять социалистическую дисциплину труда, освобождаться от обильно присосавшейся к ним и раз'едающей их классово враждебной нечисти. Особенно памятна будет весна 1933 г., когда очищению колхозов и МТС от классово враждебных элементов.

В-четвертых, на основе постановления ЦК ВКП(б) от 15 июля вместо сельской территориальной ячейки, об'единявшей коммунистов многих колхозов наряду с коммунистами, работавшими в сельских советах, кооперативных и других общественных учреждениях, теперь созданы самостоятельные первичные парторганизации или кандидатские группы в колхозах. Расширение партийной сети в колхозах, передвижка сельских коммунистов непосредственно в колхозы, на производство, охват коммунистами и комсомольцами решающих участков колхозного производства, расширение непосредственных связей коммунистов с колхозниками, перенесение центра партийно-массовой работы в производственную бригаду, укрепление «перестроенных по производственному признаку первичных колхозных партийных организаций», повышение революционной бдительности и большевистской идейной вооруженности деревенских членов партии — таков итог работы политотделов над созданием боеспособной партийной организации в колхозах; однако в этой области особенно видна недостаточная работа политотделов МТС, и райкомы партии должны здесь добиться резкого перелома.

В-пятых, под руководством ЦК партии политотделы МТС помогли деревенским парторганизациям вырастить огромную армию новых людей в де-

ревне, закалить политически, сколотить вокруг партии колхозный актив и закрепить его на руководящей работе в колхозах. Беспартийный колхозный актив, выращенный и выдвинутый нашими деревенскими парторганизациями при помощи политотделов МТС, приобрел уже значительный политический и организационный опыт, в подавляющем большинстве колхозов превратился в надежное большевистское ядро. Роль беспартийного актива в деле выполнения государственных обязательств, в борьбе с врагами колхозов значительно выросла.

Наконец, широким фронтом развернулись среди колхозников социалистическое соревнование и ударничество. Вдвое—втрое возросшая армия ударников—бесспорный и непреложный показатель положительных итогов работы политотделов.

«Политотделы... опираясь на силу и авторитет всей партии, на хозяйственную мощь МТС, добились серьезных успехов в деле превращения отсталого участка социалистического строительства—сельского хозяйства—в передовой» (из постановления ноябрьского пленума ЦК).

Но эти великие достижения вовсе не означают, что можно почить на лаврах. Классовая борьба продолжается, меняются лишь ее формы. Чем успешней развертывается социалистическое наступление, тем судорожней и ожесточенней делается сопротивление остатков разгромленных эксплоататорских классов. Ими руководит классовая месть, беспредельная ненависть к социализму, озлобление против его побед, стремление жить за счет чужого труда. Агентура классовых врагов внутри нашей партии еще не уничтожена окончательно, это должен помнить каждый райком партии, каждый его работник. Разбитые в открытой политической борьбе, совершенно изолированные от масс, «гнусные, коварные агенты классового врага, подлые подонки бывшей зиновьевской антипартийной группы» вступили на белобандитский, фашистский путь борьбы с советской властью, на путь индивидуального террора, вырвали из наших рядов тов. Кирова.

Сохраняя порох сухим против остатков разгромленных капиталистических классов и остатков разгромленных антиленинских групп, партия еще настойчивей и упорней будет разрешать все хозяйственно-политические задачи, еще настойчивей и упорней будет организовывать дальнейшее укрепление и дальнейшие победы колхозного строя.

У колхозов есть все необходимое для того, чтобы в самый кратчайший срок достигнуть зажиточной, культурной жизни. Для этого надо только одно: «работать честно и беречь колхозное добро». В этих гениально простых словах товарища Сталина выражена великая историческая правда, вывод из всей многовековой борьбы крестьянских масс за освобождение от ига эксплоатации, указана программа дальнейших побед колхозного строя.

Мобилизуя и используя все внутренние резервы и возможности колхозного строя, укрепляя колхозное производство, райкомы партии должны вплотную заниматься теперь улучшением работы сельсоветов, школ, больниц, кооперации, всей совокупностью вопросов культурного строительства и благоустройства села. На основе достигнутых успехов в деле укрепления колхозов, изгнания в основном из колхозов и МТС антисоветских, классово враждебных элементов, на основе организационно-хозяйственного укрепления колхозов и МТС, сплочения вокруг партии беспартийного актива, значительного улучшения работы районных комитетов партии и перестроенных по производственному принципу первичных колхозных парторганизаций, — на этой основе возникли такие вопросы, разрешение которых настоятельно потребовало преобразования политотделов в нормальные парторганизации, охватывающие своим непосредственным влиянием и руковод-

ством не только колхозное производство, но и все вопросы колхозной жизни, все вопросы в целом, стоящие перед селом. Политотделы МТС никогда не мыслились как постоянная организационная форма, они были чрезвычайной формой организации в деревне, формой, вызванной к жизни теми недостатками работы в деревне, на которые указывал товарищ Сталин в своей речи на январском пленуме ЦК 1933 г. «Вопрос о преобразовании политотделов МТС не был неожиданным. В уставе, принятом на XVII с'езде партии и в постановлении по организационному вопросу было специально подчеркнуто, что политотделы создаются, как ударные органы и что, по мере минования надобности в этих ударных органах, с'езд поручает ЦК преобразовывать их в обычные партийные органы» (Каганович «Об итогах ноябрьского пленума ЦК»). На нынешнем этапе, как указывается в резолюции пленума ЦК, «политотделы сами по себе уже недостаточны... для руководства всей работой в колхозной деревне — политической, хозяйственной, культурно-бытовой (школы, больницы и т. д.) — требуется укрепление нормальных партийных и советских органов, охватывающих всю работу: административную, хозяйственную, культурно-бытовую, финансовую и т. д.». Вот почему задачи партийного руководства сейчас расширяются и ответственность партийных организаций, в первую очередь в лице районных комитетов партии, как никогда раньше, возрастает.

Задача райкомов партии—качественно закрепить те огромные достижения в сельском хозяйстве, о которых говорит резолюция ноябрьского пленума ЦК.

V

Решение ноябрьского пленума ЦК о политотделах МТС подчеркивает, что «преобразование политотделов усиливает ответственность райкомов» (разрядка моя. — *А. Л.*). Если раньше районные комитеты партии отвечали за состояние МТС и колхозов наряду с политотделами, то теперь эта ответственность целиком и полностью ложится только на райкомы. При этом надо иметь в виду, что самые задачи руководства по сравнению с истекшими двумя годами не уменьшаются, а значительно увеличиваются и усложняются. Рост колхозов пред'являет к партийному руководству непрерывно качественно повышающиеся требования. Машинно-тракторные станции, являясь теперь новым сложным энергетическим и организационно-хозяйственным центром колхозной деревни, требуют повседневного, не бумажного, а конкретно-оперативного, качественно высокого партийного руководства. Выросли запросы масс колхозников, колхозного актива, значительно повысились требования к руководству со стороны членов и кандидатов партии. Политотделец, который привык непосредственно соприкасаться преимущественно с производственной стороной колхозной жизни, ныне на работе в райкоме должен взять на себя новую роль организатора и руководителя всех сторон жизни колхоза, села. И это налагает на него обязанность не снизить, а, наоборот, повысить качество партийного руководства, не сбиваясь ни в коем случае с методов конкретно-оперативной работы на методы руководства через соответствующие районные учреждения и организации, попрежнему вникая в детали колхозного производства.

Одно из первых, решающих условий успешной работы райкомов в новых условиях—полностью сохранить на работе политотдельские кадры в старых и вновь организуемых районах. Райкомы должны бороться с текучестью, добиваться устойчивости кадров. Установленный решениями ноябрьского пленума ЦК порядок смещения и назначения секретарей райкомов с утверждения ЦК ВКП(б) способствует устойчивости руководящих кадров деревни и устранению той текучести руководящего состава деревенских

райкомов, которая была характерна для очень многих из них. «Надо с самого начала пресечь настроения: раз политотделы МТС преобразуются — сливаются с райкомами, значит сняты, разрешены те ударные задачи, которые были возложены на политотделы, значит уже везде дело обстоит благополучно, значит можно снизить напряженность, работать поспокойнее, с «прохладцей», отдохнуть, «поспать». Нет ничего вреднее подобных настроений» (Каганович «Об итогах ноябрьского пленума ЦК»). Все без исключения политотдельцы должны, как и подобает большевикам, откликнуться на решение пленума ЦК обязательством с удвоенной энергией продолжать борьбу за большевистские колхозы, за зажиточную и культурную жизнь. Нет сомнений, что политотдельцы оправдают уверенность Центрального Комитета партии в том, что «работники политотделов, показавшие себя в подавляющем большинстве с наилучшей стороны, как действительные большевистские партийные организаторы, и в новых условиях, на работе в райкомах и в качестве заместителей директоров МТС по политчасти, сумеют быть достойными тех великих задач, которые возлагаются на них партией» (из решений ноябрьского пленума ЦК).

Первейшей из этих задач является, как неоднократно указывал тов. Каганович, то, что в центре внимания всей партийной работы должен быть каждый член партии, каждый кандидат партии, их идейное вооружение, повышение их ведущей организаторской роли в колхозном производстве и в культурно-политической жизни колхоза. Надо добиться, чтобы все руководящие работники райкомов сделали решительные организационные шаги в деле дальнейшего изучения коммунистов, их опыта, их индивидуальных склонностей, их культурно-политических запросов. Зимний период, который должен быть использован «для дальнейшего укрепления колхозов, сплочения беспартийного актива, улучшения работы правлений и председателей колхозов, повышения роли и значения общих собраний колхозников» (из решений ноябрьского пленума ЦК), в особенности должен быть использован для действительного укрепления партийной работы, повышения идейного уровня коммунистов и умножения их связей с беспартийными активистами и рядовыми колхозниками.

Из числа отдельных вопросов, которые, на наш взгляд, особо остро встают в области партийной работы в деревне, следовало бы остановиться на вопросе о работе с коммунистами-одиночками. За последние полтора года количество деревенских коммунистов-одиночек, не об'единенных партгруппами и парткомсогруппами, выросло с 15 до 105 тысяч (при уменьшении числа первичных парторганизаций с 52 425 до 48 667). Во многих МТС в колхозах отсутствуют первичные партийные организации, и все коммунисты распылены по-одному, по-два в колхозе. В этом огромном увеличении числа коммунистов-одиночек мы видим неизбежные, так сказать, «издержки» процесса производственной перестройки, которые можно и должно умело перекрыть всеми теми огромными преимуществами, которые дает перестройка по производственному признаку. Политотделы МТС, порой чересчур узко-производственно понимая свои задачи, не сумели в ряде случаев развернуть нужную политическую и партийную работу среди коммунистов-одиночек. В Западной области насчитывается свыше 6 тысяч одиночек, причем уровень их партийной жизни снизился в результате их распыления, вызванного перестройкой деревенских парторганизаций по производственному признаку; стали редкими партийные собрания одиночек, ослабла политическая информация и т. д. Это тем более опасно, что коммунисты-одиночки в большинстве своем чрезвычайно молоды по партстажу,—это главным образом кандидаты. В Бельском районе той же Западной области из 90 одиночек—57 кандидатов; из 96 одиночек Дорогобужского района — 55 кандидатов; из 80 одиночек Темкинского района—53 кандидата. При этом

несмотря на свой молодой партийный стаж большинство коммунистов-одиночек работает на руководящей колхозной и советской работе. Сводные данные по 17 районам Западной области показывают, что из 1 648 коммунистов-одиночек председателей колхозов—665 (40%), председателей сельсоветов—312 (19%), бригадиров и заведующих фермами—114 (7%) и т. д. Рядовых колхозников всего 329 (20% всех одиночек). Эти факты свидетельствуют о том, что коммунист-одиночка в целом ряде районов стал центральной фигурой внутрипартийной работы в деревне. И говоря о задачах райкомов в области дальнейшего укрепления партийной организации в деревне, нельзя ни на минуту забывать об этой распыленности коммунистов в деревне, из чего вытекает необходимость сделать во всей системе нашей партийной работы, в частности партийного просвещения, ясный упор на гибкое, умелое и «доходчивое» обслуживание коммунистов-одиночек (термин, кстати сказать, не совсем удачный: коммунист, связанный с массой, никогда не бывает «одиночкой»).

Руководить партийной организацией деревни—это значит, теперь в особенности, руководить каждым членом партии в отдельности, памятуя, что в этих условиях особенно неправильно рассматривать члена партии, так сказать, «узко-функционально», т. е. лишь как некоего исполнителя определенных хозяйственных функций, и только, забывая о той политической ответственности, которую несет каждый коммунист.

Вот почему необходимо по-новому сделать упор на созыв регулярных кустовых собраний партийцев-одиночек, ибо коммунист не может расти и развиваться вне партийной атмосферы. По-особому назрел вопрос о партийном дне для одиночек. В этих случаях не следует опасаться об'единенной работы колхозных и территориальных коммунистов-одиночек; в работе с отдельными членами партии нужно всесторонне использовать опыт промышленных, в особенности транспортных парторганизаций.

И новые и старые райкомы, вступая в новый этап работы, должны учесть все ошибки тех политотделов МТС, которые не занимались своим главным делом, а именно, партийно-массовой работой, действительным укреплением первичных парторганизаций в колхозах, забывая, что именно здесь решается успех всех больших и малых производственных задач колхозного строительства.

Особо большим вопросом является вопрос об укреплении парторганизаций МТС и МТМ. Следует подчеркнуть то важнейшее обстоятельство, что при общем уменьшении количества членов деревенской парторганизации (в результате чистки) за эти полтора года количество коммунистов в МТС и МТМ выросло с 40 800 до 61 700, а количество первичных организаций в них — с 2022 до 4867. Парторганизации МТС и МТМ должны быть ведущими парторганизациями в деревне, так сказать, идейными и организационными крепостями, на которые должны опираться райкомы партии в выполнении стоящих перед ними задач.

* * *

Постановление ноябрьского пленума ЦК о преобразовании политотделов МТС в обычные партийные органы, отмечая гигантские победы, одержанные в сельском хозяйстве, в то же время подчеркивает, что впереди еще немало работы, борьбы за дальнейшее превращение наших колхозов в большевистские и колхозников — в зажиточных. Нет сомнений, что в выполнении всех этих задач передовую и решающую роль сыграет тот отряд партии, который был сконцентрирован в политотделах МТС и который сейчас переключен на руководящую работу в районных партийных организациях.

Новый организационный этап в жизни деревенских парторганизаций начинается в условиях, когда в деревне имеется небывало крепкий кадровый костяк — мощный отряд посланцев пролетарского города. Преобразование политотделов МТС создает базу для такого развертывания партийной работы, которое обеспечит непрерывное и органическое укрепление боеспособной партийной организации в колхозной деревне.

Ответственность районных комитетов партии за дальнейшее укрепление колхозов возрастает, и они выполнят свои задачи, если будут работать конкретно и оперативно, если будут так же, как лучшие политотдельцы, соединять в практике своей работы революционный размах, революционный порыв с настойчивой деловитостью большевистских строителей, как тому учит нас вождь партии товарищ Сталин.

ОТ ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА К ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ И БЕСПОВОРОТНОЙ ПОБЕДЕ КОЛХОЗНОГО СТРОЯ

К ПЯТИЛЕТИЮ ВЫСТУПЛЕНИЯ ТОВАРИЩА СТАЛИНА НА КОНФЕРЕНЦИИ АГРАРНИКОВ-МАРКСИСТОВ

А. Никаноров

Наступление на кулачество есть серьезное дело. Его нельзя смешивать с декламацией против кулачества. Его нельзя также смешивать с политикой царапанья с кулачеством, которую усиленно навязывала партии зиновьевско-троцкистская оппозиция. Наступать на кулачество — это значит сломить кулачество и ликвидировать его как класс.

Сталин

Теперь мы имеем возможность повести решительное наступление на кулачество, сломить его сопротивление, ликвидировать его как класс и заменить его производство производством колхозов и совхозов.

Сталин

...Придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, выправить его индивидуалистическую психологию и сделать из него настоящего труженика социалистического общества.

Сталин

В мировой истории классовой борьбы, величественную картину которой дали Маркс и Энгельс в «Коммунистическом Манифесте», последующая история большевизма, история нашей партии, занимает и будет занимать наиболее яркое место. Без всякого преувеличения можно сказать, что история большевизма, история нашей партии, является глубочайшим источником, из которого пролетариат всех стран черпает и будет черпать опыт в своей борьбе за социализм. История большевизма с ее героической борьбой масс и отдельных ее представителей служит и будет служить неисчерпаемым источником творчества для лучших представителей искусства во всех его областях. Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», отмечая историческое международное значение большевизма, указывает, что марксизм в нашей стране выстрадан и завоеван как господствующая идеология в результате борьбы в течение десятков лет, при самых разнообразных и тяжелых условиях. Наша партия — передовой отряд мирового большевизма, — организованная более 30 лет назад на прочной базе марксизма-ленинизма, по своему богатому опыту борьбы, огромному разнообразию форм движения, лозунгов, фронтов и участков, разнообразию организационных форм (от подпольных кружков до руководства первым социалистическим государством на огромной территории) не имеет равной себе во всем мире.

Социализм в нашей стране победил, и победил именно потому, что партия всегда неизменно была на своем передовом посту вместе с массами и впереди миллионных масс, борющихся за социализм. Вся история большевизма показывает, что наша партия не только своевременно улавливала сдвиги, перемены в соотношениях борющихся классов, в ходе классовой борьбы, изменения форм этой борьбы и соответственно намечала свою тактику, изменяла формы своей организации, но и ускоряла эти сдвиги, орга-

низовывала их, неизменно боролась с врагами рабочего класса и трудящегося крестьянства за диктатуру пролетариата, за социализм.

В арсенале марксизма-ленинизма имеется целый ряд документов, наиболее ярко и отчетливо показывающих эти сдвиги и переломы в классовой борьбе, дающих конкретную программу борьбы пролетариата, его партии на данном этапе, программу дальнейшего движения вперед, к конечной цели — коммунизму. Это прежде всего такие работы великого Ленина, как «Что делать», «Две тактики», апрельские тезисы «О задачах пролетариата в данной революции» (1917 г.), выступление Ленина на VIII с'езде партии по вопросу об отношении к середняку, его работа «О продналоге». Несмотря на все особенности различных этапов, когда были созданы перечисленные документы большевизма, общим для них является: во-первых, наличие анализа переломных моментов, переживаемых рабочим движением, а также переломных сдвигов в многомиллионных слоях крестьянства в тот или другой период; во-вторых, все эти работы ярко и исчерпывающе говорят об исторической роли рабочего класса, показывая для каждого данного этапа конкретные пути осуществления этой исторической роли, пути борьбы за диктатуру пролетариата, ее организационные формы и конкретные задачи пролетарского государства.

В этих работах, как и в других своих трудах, Ленин, развивая основной тезис учения Маркса о диктатуре пролетариата, все время указывает пролетариату на его роль гегемона по отношению к многомиллионным массам трудящегося крестьянства в революционном движении. На всем протяжении революционного движения как до Октябрьской революции, так и после сдвиги и переломы в классовой борьбе захватывали и не могли не захватывать огромные, миллионные массы крестьянства. И правильным ответом на вопрос о задачах рабочего класса в его борьбе за коммунизм мог быть только такой ответ, который четко указывал и на задачи пролетариата по отношению к крестьянству, к различным слоям крестьянства, который указывал на задачи пролетариата после завоевания власти в разрешении труднейшего вопроса социализма — вопроса о переводе миллионов мелких и мельчайших крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического хозяйства.

Выступление Сталина по вопросам аграрной политики в СССР является таким же великим документом марксизма-ленинизма. И так же, как в истории большевизма, апрельские (1917 г.) тезисы Ленина имеют величайшее значение документа, сформулировавшего конкретные задачи пролетариата в его непосредственной борьбе за диктатуру пролетариата, за советы, за советский строй,—такое же величайшее значение в истории мирового большевизма имеет выступление товарища Сталина на конференции аграрников-марксистов. В этом выступлении Сталин сформулировал как основную политическую задачу рабочего класса и его партии переход от политики ограничения и вытеснения кулачества к ликвидации его как класса на основе сплошной коллективизации.

Еще в ноябре 1929 г. Сталин в своей статье «Год великого перелома» указывал на тот огромной важности факт, что в колхозы пошли не только отдельные бедняцкие и середняцкие хозяйства, но что в колхозы пошли основные массы крестьянства. И на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. Сталин, указывая на факт колоссального роста колхозного движения, дает такую исчерпывающую характеристику этого великого перелома советской деревни:

«Характерная черта нынешнего колхозного движения состоит в том, что в колхозы вступают не только отдельные группы бедноты, как это было до сих пор, но в колхозы пошел в своей массе и середняк. Это зна-

чит, что колхозное движение превратилось из движения отдельных групп и прослоек трудящихся крестьян в движение миллионов и миллионов основных масс крестьянства. Этим между прочим и следует об'яснять тот колоссальной важности факт, что колхозное движение, принявшее характер мощной, нарастающей антикулацкой лавины, сметает на своем пути сопротивление кулака, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне»[1].

Товарищ Сталин не только указал на великий перелом в советской деревне и вскрыл его огромное политическое значение, которого не понимали и не могли понять оппортунисты из правого и «левого» лагерей, но дал и политическую формулировку новой политики по отношению к кулачеству. Переход от политики ограничения эксплоататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации является одним из величайших и решающих поворотов политики партии на всем протяжении ее истории.

«До последнего времени партия стояла на позиции ограничения эксплоататорских тенденций кулачества. Известно, что эта политика была провозглашена еще на VIII с'езде. Она, эта самая политика, была вновь возвещена при введении нэпа и на XI с'езде нашей партии. Всем памятно известное письмо Ленина на имя Преображенского (1922 г.), где он вновь возвращается к вопросу о необходимости проведения такой именно политики. Она была, наконец, подтверждена XV с'ездом нашей партии. Ее и проводили мы до последнего времени»[2].

Сейчас, спустя пять лет после начала великого перелома, когда колхозы уже стали прочной, непобедимой силой, нам трудно представить себе любую советскую деревушку без колхоза. Сейчас, когда колхозы стали непобедимой силой, об'единяющей три четверти крестьянских хозяйств и 90% посевных площадей, мы должны еще и еще раз подчеркнуть, что вопрос о переводе миллионов мелких и мельчайших крестьянских хозяйств на рельсы крупного социалистического хозяйства есть наиболее трудный и сложный вопрос социализма. Этот вопрос в нашей стране разрешен окончательно и бесповоротно. Но нужно было гениальное предвидение Сталина, чтобы во-время уловить этот перелом, вскрыть его действительное социалистическое содержание, своевременно очистить его от различного рода извращений в практике местных партийных и советских организаций и отдельных коммунистов, во-время предупредить от «головокружения от успехов».

«Революция — локомотив истории», — говорил Маркс. Темпы революционных событий, как отмечал не раз Ленин, во много превосходят темпы «нормального» развития истории. Таким величайшим революционным событием явились процессы, происходившие в советской деревне во второй половине 1929 г. Для партии этот революционный перелом не явился неожиданностью, так как он был подготовлен всей предшествующей политикой партии. Партия Ленина—Сталина очень много сделала для того, чтобы добиться этого перелома, борясь со всеми, кто сопротивлялся, кто старался задержать этот перелом. В результате этой борьбы партии мы и имеем массовый переход трудовых слоев крестьянства на рельсы социализма.

«Поворот крестьянства в сторону коллективизации начался не сразу,— говорит товарищ Сталин. — Он, этот поворот, и не мог начаться сразу. Правда, лозунг коллективизации был провозглашен партией еще на XV с'езде. Но для массового поворота крестьянства в сторону социализма недостаточно еще провозглашения лозунга. Для поворота требуется, по крайней

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 442. 9-е изд.
[2] Там же, стр. 456—457.

мере, еще одно обстоятельство, а именно, чтобы сами крестьянские массы убедились в правильности провозглашенного лозунга и приняли его как свой собственный лозунг. Поэтому поворот этот подготовлялся исподволь. Подготовлялся он всем ходом нашего развития, всем ходом развития нашей индустрии и прежде всего развитием индустрии, поставляющей машины и тракторы для сельского хозяйства. Подготовлялся он политикой решительной борьбы с кулачеством и ходом наших хлебозаготовок в его новых формах за 1928 и 1929 гг., ставящих кулацкое хозяйство под контроль бедняцко-середняцких масс. Подготовлялся он развитием с.-х. кооперации, приучающей индивидуального крестьянина к коллективному ведению дела. Подготовлялся он сетью колхозов, где крестьянин проверял преимущество коллективных форм хозяйства перед индивидуальным хозяйством. Подготовлялся он, наконец, сетью разбросанных по всему СССР и вооруженных новой техникой совхозов, где крестьянин получал возможность убедиться в силе и преимуществах новой техники. Было бы ошибочно видеть в наших совхозах только лишь источник хлебных ресурсов. На самом деле совхозы с их новой техникой, с их помощью окружающим крестьянам, с их невиданным хозяйственным размахом явились той ведущей силой, которая облегчила поворот крестьянских масс и двинула их на путь коллективизации» [1].

Таково исчерпывающее об'яснение подготовки величайшего, невиданного в истории поворота трудового крестьянства от мелкособственнического хозяйства к хозяйству крупному, социалистическому.

Огромную роль сыграла также отмена частной собственности на землю. Национализация земли, осуществленная диктатурой пролетариата, облегчила «дело перехода индивидуального крестьянина на рельсы коллективизации». Уничтожение частной собственности на землю, уничтожение земельной ренты открыло свободный путь для колхозов (а также для совхозов) в деле освоения бывших помещичьих и кулацких земель.

Для многих наиболее дальновидных представителей буржуазии этот массовый поворот крестьянства в сторону социализма прозвучал надгробным звоном. Слова Маркса о том, что пролетариат является могильщиком буржуазии, еще раз подтвердились.

Буржуазия пыталась опорочить действительное значение великого перелома всякого рода гнусными инсинуациями. Приложили свои руки к гнусной кампании против под'ема коллективизации в 1929—1930 гг. верный слуга буржуазии Каутский и контрреволюционер Троцкий. Каутский для утешения буржуазии пытался найти об'яснение великого перелома в том, что большевики путем административного нажима на многомиллионное крестьянство якобы загнали его в колхозы, а так как административные меры — вещь непрочная в истории, то и колхозы, мол, созданные большевиками, скоро рухнут, как карточный домик. Троцкий, который много истратил сил в борьбе против нашей партии, доказывая, что середняк никогда не перейдет на сторону социализма, а, наоборот, является прочной реакционной силой, от которой диктатуру рабочего класса может спасти только во-время подоспевшая революция на Западе, — Троцкий также пытался отрицать значение великого перелома и его социалистическое содержание. Ход аргументации Троцкого чрезвычайно прост: ничего социалистического колхозы собой не представляют, классовое расслоение и классовая борьба в колхозах будут идти своим чередом, никакого повышения производительности труда колхозы как об'единения на базе простейших крестьянских орудий не дадут. А следовательно, утешал Троцкий буржуазию, колхозы не являются прочной силой и исчезнут так же быстро, как они возникли.

Непонятен и неприемлем был великий перелом и для правых оппортунистов. В самом деле, какой для них мог быть перелом, если правые оппор-

---

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 514

тунисты, эта агентура кулачества, представляли себе развитие социализма не иначе, как путем мирного врастания кулака в социализм. Теория мирного врастания кулака в социализм, теория равновесия и мирного сосуществования двух секторов — капиталистического и социалистического — ввиде своего рода движения двух ящиков по параллельным линиям, как выразился об этой правооппортунистической теории товарищ Сталин на конференции аграрников-марксистов; теория самотека, отрицающая активную роль за рабочим классом и его партией в деле насаждения совхозов и организации колхозов,—эти теории правых оппортунистов, конечно, находились в непримиримом противоречии с правильным пониманием великого перелома. Правые в своей борьбе против партии прибегали к гнусной клевете на колхозы, на партию, создающую эти колхозы и оказывающую им всяческую организационную и финансовую поддержку. Всем еще памятны высказывания правых оппортунистов против колхозов, за индивидуальное хозяйство, за развертывание производства в кулацких хозяйствах.

Основной причиной, обеспечившей переход советского трудового крестьянства под красное знамя социализма, как мы уже видели из приведенных выше слов товарища Сталина, является борьба партии на два фронта за диктатуру пролетариата, за ее правильное ленинское понимание. Это правильное понимание диктатуры пролетариата товарищ Сталин следующим образом формулирует при характеристике трех основных сторон диктатуры пролетариата:

«1) Использование власти пролетариата для подавления эксплоататоров, для обороны страны, для упрочения связей с пролетариями других стран, для развития и победы революции во всех странах.

2) Использование власти пролетариата для окончательного отрыва трудящихся и эксплоатируемых масс от буржуазии, для упрочения союза пролетариата с этими массами, для вовлечения этих масс в дело социалистического строительства, для государственного руководства этими массами со стороны пролетариата.

3) Использование власти пролетариата для организации социализма, для уничтожения классов, для перехода в общество без классов, в общество без государства» [1].

Эти три основные стороны диктатуры пролетариата исчерпывающе вскрывают существо диктатуры пролетариата, ее задачи.

Диктатура пролетариата — не самоцель, говорит Сталин, а средство и орудие для построения социализма. Социализм же есть уничтожение классов, следовательно, задачей диктатуры пролетариата является уничтожение классов. А уничтожение классов не может не происходить без самой ожесточенной классовой борьбы.

В приведенной формулировке Сталина о содержании и сущности диктатуры пролетариата дается четкое указание об отношении пролетариата и его диктатуры к различным классам. Острие диктатуры пролетариата направлено на подавление всякого сопротивления буржуазии, на окончательное уничтожение буржуазии. Но остаются огромные, многомиллионные массы трудящихся крестьян, и по отношению к ним задачи диктатуры пролетариата определены как союз пролетариата с этими массами. Причем задача этого союза, в котором пролетариат играет руководящую роль, сводится к тому, чтобы привести к полному уничтожению классов. Именно на основе такого, единственно правильного понимания задач диктатуры пролетариата построен прочный союз рабочего класса с середняком, при опоре на бедноту и при непримиримой борьбе с кулаком. Именно потому, что партия под руководством Сталина последовательно проводила такую политику; именно потому, что вся практика партийных и со-

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 201. 9-е изд.

ветских организаций основывалась на такой политике, был обеспечен великий перелом 1929 г., массовый переход крестьянства на сторону социализма.

* * *

Великий перелом 1929 г. является огромной победой марксизма-ленинизма в его основном, решающем пункте, именно в учении марксизма-ленинизма о диктатуре пролетариата. В свете этой величайшей победы особенно ярко видна предательская роль II интернационала, его равнодушное и отрицательное отношение к крестьянству. В свете великого перелома также особенно ярко видна предательская позиция контрреволюционера Троцкого, бравшего все крестьянство за одни скобки, как одну сплошную реакционную силу, и вместе со своими союзниками из зиновьевского лагеря отрицавшего возможность построения социализма в нашей стране. Здесь можно перефразировать слова товарища Сталина: для того, кто боится революции, кто не верит в пролетарскую диктатуру, не верит в возможность построения социализма в одной, отдельно взятой стране, — такой, как наша страна; тот, кто настроен пораженчески по отношению к возможности создания бесклассового общества, а тем самым к созданию твердой, незыблемой базы мировой революции, — для того, конечно, вопрос о союзниках пролетариата не существует и крестьянство представляет только сплошную враждебную среду. То же самое можно сказать и по отношению к правым. Тот, кто не видит и не понимает, что социализм есть уничтожение классов, а диктатура пролетариата является наиболее острым орудием классовой борьбы пролетариата; тот, кто не видит, что крестьянство — это не сплошная, однообразная масса, а состоит в свою очередь из различных социальных групп; тот, кто не видит внутри этого крестьянства жестокой классовой борьбы и не видит ярого сопротивления кулаков наступающему социализму, — для того, конечно, все проблемы диктатуры пролетариата сводятся к плоской, либеральной теорийке мирного врастания кулака в социализм.

По существу, все проблемы, поставленные товарищем Сталиным в его выступлении на конференции аграрников-марксистов: проблемы воспроизводства, о природе колхозов, критика «теорий» равновесия, устойчивости мелкого крестьянского хозяйства, самотека и т. д. — направлены на то, чтобы разгромить буржуазные и мелкобуржуазные попытки извращения основного в марксизме-ленинизме учения о диктатуре пролетариата.

Возьмем, например, проблему воспроизводства. Товарищ Сталин при изложении этой проблемы развивает следующее основное положение марксистской теории воспроизводства: в процессе общественного производства не только создаются, воспроизводятся ценности, но и воспроизводятся присущие данной общественной форме производства общественные отношения. Для капиталистического воспроизводства Маркс формулирует это положение следующим образом: «Как простое воспроизводство непрерывно воспроизводит и само капиталистическое отношение, — капиталистов на одной стороне, наемных рабочих на другой, — так воспроизводство в расширенном масштабе или накопление воспроизводит капиталистическое отношение в расширенном масштабе: больше капиталистов или более крупных капиталистов на одном полюсе, больше наемных рабочих на другом» [1].

Таким образом, расширенное капиталистическое воспроизводство непрерывно порождает богатство эксплоататоров, капиталистов на одном полюсе и нищету, наемное рабство — на другом.

Социалистическое расширенное воспроизводство принципиально противо-

[1] Маркс «Капитал». Т. I, стр. 696—697. 1934.

положно, ибо оно воспроизводит, накопляет все в большем и большем масштабе социалистические производственные отношения, ограничивая развитие капиталистических отношений, вытесняя их, а затем и целиком уничтожая. Социалистическое воспроизводство направлено на уничтожение нищеты, на полное освобождение всех трудящихся и эксплоатируемых. Ясное дело, что ни о каком «равновесии» не может быть и речи. Между социализмом и капитализмом идет ожесточенная борьба по принципу «кто кого».

Но социалистическое расширенное воспроизводство происходит в условиях, когда, кроме социалистического хозяйства и хозяйства капиталистического, имеется огромная масса крестьянских хозяйств, бедняков и середняков, по отношению к которым партия проводила политику вовлечения в дело социалистического строительства. «Наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства, ибо она растет ежегодно в своем об'еме, имеет свои накопления и двигается вперед семимильными шагами. Но наша крупная промышленность не исчерпывает народного хозяйства. Наоборот, в нашем народном хозяйстве все еще преобладает мелкое крестьянское хозяйство»[1].

Следовательно, проблема построения социализма означает организацию **всего** народного хозяйства на социалистических принципах. Следовательно, социалистическое расширенное воспроизводство есть воспроизводство социалистических производственных отношений и в городе и в деревне. И товарищ **Сталин** со всей силой подчеркивает здесь два момента: во-первых, пролетарское государство и социалистическое строительство не могут базироваться на двух разных основах—«на основе самой крупной и об'единенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства»; во-вторых, процесс социалистического расширенного воспроизводства, охватывающий все народное хозяйство в целом, не есть стихийный процесс, как при капитализме, когда «капиталистическое хозяйство города и мелкотоварное хозяйство крестьянина являются в своей основе **однотипным** хозяйством». Мелкотоварное крестьянское хозяйство, не являясь еще капиталистическим, однако, «**рождает** капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» (Ленин). Следовательно, процесс социалистического воспроизводства не есть явление стихийное, происходящее самотеком, а есть процесс, вызываемый политикой пролетарской диктатуры, ею организуемый и направляемый. «Теория «самотека» в социалистическом строительстве есть теория антимарксистская. Социалистический город должен **вести** за собой мелкокрестьянскую деревню, **насаждая** в деревне колхозы и совхозы и преобразуя деревню на новый, социалистический лад»[2].

Повторяем, теория социалистического расширенного воспроизводства, созданная товарищем **Сталиным**, есть могучее оружие большевизма в его борьбе за социализм с классовым врагом, с различного рода буржуазными «теориями», как буржуазная «теория» невозможности построения социализма в нашей стране (Троцкий, Зиновьев, Каменев), «теория» «пожирания» мелкого крестьянского хозяйства крупной социалистической промышленностью (Преображенский), «теории» мирного врастания кулака в социализм, равновесия, самотека (Бухарин и другие правые оппортунисты) и т. д.

Товарищ **Сталин** в своем выступлении 27 декабря 1929 г. подвел итоги богатейшему этапу в истории большевизма и развернул программу огромных перспектив борьбы рабочего класса и его партии за построение бес-

[1] **Сталин** «Вопросы ленинизма», стр. 444. 9-е изд.
[2] Там же, стр. 446—447.

классового общества. Здесь чрезвычайно важно отметить ту основную мысль речи товарища Сталина, которая красной нитью проходит через все его работы, относящиеся к вопросам строительства социализма: борьба за превращение трудящихся крестьян в работников социалистического общества есть одновременно и борьба против кулака; и наоборот: борьба с кулачеством на базе коллективизации есть одно из важнейших и решающих оружий перевода мелкого крестьянского хозяйства на рельсы крупного социалистического хозяйства и переделки многомиллионных масс трудящегося крестьянства в сознательных работников социализма. И величайшее преступление правых оппортунистов перед партией и всем рабочим классом заключается именно в том, что они вытравляли эту основную задачу борьбы с кулачеством и тем самым об'ективно стояли за увековечение капиталистических отношений в деревне. Проповедуя о том, что колхозы не являются столбовой дорогой к социализму, что социализм вырастет из таких кооперативных об'единений, как потребительская кооперация, правые оставляли нетронутой самую базу, порождающую капитализм, а именно, мелкое крестьянское производство. В этой системе, сконструированной в свое время тов. Бухариным, находил удобное место кулак, который должен мирно врасти в социализм.

В выступлении товарища Сталина избавление от капитала дано в диалектическом единстве, а именно: ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации. Кулака нужно ликвидировать как класс, но его нужно ликвидировать на основе создаваемого колхозного производства. Нужно создавать колхозы и организовывать в них массы крестьянства, вступившие на социалистический путь развития сельского хозяйства. Но это нужно делать при одновременном уничтожении кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Политика нашей партии по отношению к кулачеству в условиях диктатуры пролетариата исходит из опыта революционного движения как в нашей стране, так и во всех других странах Европы.

«Опыт всех революций, — говорит Ленин, — которые до сих пор были в Европе, наглядно подтверждает, что революция неизбежно терпит поражение, если крестьянство не побеждает кулацкого засилья» [1].

Кулаки со всей яростью выступили против диктатуры пролетариата, против советской власти.

«Кулаки — бешеный враг советской власти. Либо кулаки перережут бесконечно много рабочих, либо рабочие беспощадно раздавят восстания кулацкого, грабительского меньшинства народа против власти трудящихся. Середины тут быть не может. Миру не бывать: кулака можно и легко можно помирить с помещиком, царем и попом, даже если они поссорились, но с рабочим классом никогда» [2].

Позднее, в своем выступлении на VIII с'езде партии, Ленин, приводя слова Энгельса о том, что пролетариату, быть может, удастся обойтись без репрессии по отношению к крупному крестьянству, указал, что в России это предположение не оправдалось: мы состояли, состоим и будем состоять в прямой гражданской войне с кулаком. Но одновременно с этим Ленин всегда подчеркивал различие в отношении пролетариата к деревенской буржуазии, т. е. кулаку, и в отношении к помещику, к капиталисту. Если партия с первых же дней диктатуры пролетариата провела национализацию земли,

[1] Ленин. Т. XXIII, стр. 280. 3-е изд.

[2] Там же, стр. 206.

помещичьих хозяйств, заводов, фабрик, банков и т. д., то по отношению к кулаку, даже в самый острый период борьбы с контрреволюционными выступлениями кулаков, партия не проводила полной экспроприации кулацкого производства. Борьба была направлена на подавление контрреволюционных выступлений кулачества, на ограничение его эксплоататорских тенденций. Наиболее полно политика партии по отношению к кулачеству после победы пролетариата сформулирована в известном ленинском документе «Первоначальные наброски тезисов по аграрному вопросу» для II конгресса Коминтерна. Здесь Ленин указывает на необходимость для пролетариата, после его победы, немедленно начать подготовку, чтобы нанести решительный, беспощадный удар кулаку при первом же его сопротивлении, и говорит:

«Однако, экспроприация даже крупных крестьян никоим образом не может быть непосредственной задачей победившего пролетариата, ибо для обобществления таковых хозяйств нет еще налицо материальных, в частности технических, а затем и социальных условий»[1].

Своеобразие классовой борьбы в деревне требует и своеобразия в применении тактики партии пролетариата по отношению к различным враждебным классам. Однако основная цель ясно показана в приведенном документе: обобществление кулацких хозяйств, т. е. ликвидация кулачества как класса, не отрицается, а лишь отодвигается ее срок, пока «нет еще налицо материальных, в частности технических, а затем и социальных условий». Вся политика партии была направлена на то, чтобы создать эти условия — материальные и социальные. Политика социалистической индустриализации страны, укрепление социалистических элементов деревни в виде кооперативов, организация и сплочение бедноты, борьба с кулаком, политика ограничения и вытеснения капиталистических элементов, работа с середняком, сплочение его вокруг партии, борьба партии на два фронта по этому важнейшему вопросу — все это как раз и явилось материальными и социальными условиями великого перелома и поворота в политике партии, т. е. перехода от старой политики ограничения и вытеснения кулачества к его ликвидации как класса на базе сплошной коллективизации.

Чтобы еще сильней подчеркнуть все огромное значение успехов партии в подготовке великого перелома, т. е. начало массового под'ема коллективизации, на основе которого был поставлен вопрос о ликвидации кулачества, необходимо указать, что еще в 1925 г. в результате еще неизжитых остатков военного коммунизма как в области экономической, так и политически-административной практики середняк в ряде районов Союза оказался на стороне кулака, против бедноты. И решение XIV партийной конференции было направлено к тому, «чтобы сплотить середняков вокруг пролетариата, завоевать их вновь»[2].

А в 1929 г., т. е. после четырех лет борьбы партии за сплочение середняка вокруг пролетариата, середняки вместе с бедняками, вступая массами в колхозы, уже сами под руководством рабочего класса проводили раскулачивание и, таким образом, уже представляли собой антикулацкую лавину. Не нужно забывать при этом, что еще в 1927 г. кулаки имели в своих руках 13% валового хлеба и 20% товарного хлеба. Пользуясь этими запасами плюс большое количество хлеба, скупленного ими у бедняков и середняков, кулаки выступали как серьезная сила против советского государства, против политики снабжения хлебом индустриальных центров страны.

Для мирового пролетариата, борющегося за власть, этот период истории нашей партии дает исключительно богатый опыт. Не декламация про-

[1] Ленин. Т. XXV, стр. 273.
[2] Сталин «К итогам работы XIV партконференции». «Вопросы ленинизма», стр. 127—128. 9-е изд.

тив кулака, не царапанье с кулаком, предлагавшиеся зиновьевско-троцкистской оппозицией, не мелкобуржуазная реакционная утопия всеобщего равенства (Зиновьев), а действительно большевистская, упорная и в то же время терпеливая работа с середняком, окружение и изоляция кулака — вот итог политики партии под руководством Сталина за этот период.

Выступление в этот период Зиновьева с предложением дать каждому безлошадному крестьянину лошадь особенно ярко выявило кулацко-оппортунистическую сущность оппозиции. Под прикрытием «левой» фразы Зиновьев — этот лидер презренной троцкистско-зиновьевской оппозиции, докатившийся в своей борьбе против партии до вдохновления террористических актов, направленных на ее вождей,—защищал условия увековечения мелкого хозяйства—самой прочной базы возникновения и развития капитализма.

Партия под руководством Сталина разбила вдребезги антиленинские взгляды всех врагов коммунизма, и победа была обеспечена как в городе, так и в деревне.

Колхозы созданы. Ставится в порядок дня практическая, конкретная задача дальнейшего социалистического перевоспитания колхозников, изжития той индивидуалистической психологии, с которой колхозники приходят в колхоз. В порядок дня ставится конкретная задача социалистического перевоспитания вчерашнего мелкого хозяйчика и превращения его в настоящего труженика социалистического общества. Но и эта задача может быть разрешена только при условии самой непримиримой и упорной борьбы с остатками кулачества, с кулацкими недобитками, с кулацкими, антигосударственными тенденциями, просачивающимися в колхозы.

Следовательно, учение марксизма-ленинизма о том, что классы и классовая борьба «остались и останутся в течение эпохи диктатуры пролетариата» (Ленин), сохраняет всю свою силу и после того, когда кулачество разгромлено и в основном ликвидировано как класс. Но формы классовой борьбы меняются. Меняются потому, что соотношения классов в стране коренным образом изменились. Не понять этого — значит совершить грубейшую ошибку по отношению к основам марксизма-ленинизма. Не видеть коренного изменения в соотношении классовых сил в стране и утверждать, что классовая борьба в колхозах происходит и будет происходить так же, как и до организации колхоза, — значит не видеть великого перелома, отрицать этот великий перелом, не видеть разгрома кулачества, отрицать величайшую победу партии.

С другой стороны, глубочайшей ошибкой было бы забыть о классах и классовой борьбе, которая не исчезает в колхозах. Это значило бы обезоружить себя в борьбе с классовыми врагами, которые не прекращают и не прекратят попыток использовать колхозную форму в своей борьбе против социализма.

Товарищ Сталин в своем выступлении 27 декабря 1929 г. с исчерпывающей ясностью вскрыл эти ошибки и предупредил против опасности извращения марксизма-ленинизма в этом вопросе. Товарищ Сталин разгромил троцкистские утверждения о том, что колхозы не имеют ничего общего с социалистической формой хозяйства, и указал, «что колхозы в целом, взятые с их противоречиями и недостатками, колхозы как хозяйственный факт, представляют в основном новый путь развития деревни, путь социалистического развития деревни, в противоположность кулацкому, капиталистическому пути развития»[1].

Окончание следует

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 454.

ЗА БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ПРЕПОДАВАНИЕ ИСТОРИИ

А. Панкратова

Постановление ЦК партии и правительства от 16 мая 1934 г. о преподавании гражданской истории в школах СССР по своему исключительному значению выходит далеко за рамки средней школы, которой оно в первую очередь касается.

Это постановление переводит все дело исторического образования в нашей стране на новую, высшую ступень и влечет за собой перестройку исторического образования во всех его звеньях.

Центральный Комитет партии констатировал неудовлетворительную постановку преподавания истории в средней школе и подчеркнул необходимость «историко-хронологической последовательности в изложении исторических событий».

«Только такой курс истории, — указывало решение ЦК и СНК, — может обеспечить необходимую для учащихся доступность, наглядность и конкретность исторического материала, на основе чего только и возможны правильный разбор и правильное обобщение исторических событий, подводящие учащегося к марксистскому пониманию истории».

Одновременно было постановлено подготовить к июню 1935 г. пять новых учебников: по истории древнего мира, по истории средних веков, по новой истории, по истории СССР, по новой истории зависимых и колониальных стран.

Майское решение, представляющее образец конкретного партийного руководства, явилось непосредственным результатом той суровой критики, какой товарищ Сталин подверг крайне неудовлетворительную постановку преподавания истории в нашей массовой школе.

Товарищ Сталин обратил внимание на тот факт, что ни наша школа, ни школьные учебники истории не дают подрастающим поколениям конкретных исторических знаний и не помогают им выработать историческую перспективу, без чего нельзя воспитать марксистски образованного и политически боеспособного строителя социалистического общества.

Указания товарища Сталина и решения ЦК от 16 мая являются настоящей программой большевистского преподавания истории. Эта программа приобретает международное значение в настоящее время, когда вопросы преподавания истории стали предметом особого внимания буржуазии во всех странах, что весьма ярко отразили международные конгрессы последних лет (особенно варшавский конгресс историков в августе 1933 г. и базельская конференция по преподаванию истории в июне 1934 г.). В целом ряде стран проведена школьная реформа, направленная к усилению правительственного контроля над постановкой преподавания и программами по истории.

Советский Союз является единственной страной, где историческое образование имеет не только научную базу, но и перспективы развития, небывалые и невозможные ни в одной из буржуазных стран.

В своих указаниях товарищ Сталин не только развернул критику недостатков преподавания истории, но одновременно заострил вопрос о роли и значении исторической науки и исторического образования во всей системе марксистских общественных наук и во всей системе революционного воспитания молодых поколений в СССР. Без исторического знания нет подлинного марксизма. Историзм является всеобщим и обязательным методом научного марксистского знания во всех его областях. Именно это имел в виду Маркс в «Немецкой идеологии», требуя исторического познания природы и общества, когда писал: «Мы знаем только одну единственную науку, науку истории»[1]. Не только специалисты-историки, но и философы, экономисты, естественники, политики должны обладать серьезными научными знаниями в области истории.

Пролетариат является единственным классом в мировой истории, заинтересованным в действительном и глубоком познании мира, революционное преобразование которого является его исторической задачей. Наоборот, буржуазия, которая стремится упрочить свое положение и об'являет его вечным, в своем миросозерцании антиисторична.

Вот почему именно в СССР, в стране победившего пролетариата, изучение конкретной истории, ее об'ективного хода и ее закономерностей является боевой, политической задачей.

Ни в одной стране не сделано и не могло быть так много сделано для расцвета исторической науки, как в стране пролетарской диктатуры. За время существования советской власти значительно выросли кадры историков-коммунистов, создан ряд крупнейших научно-исследовательских институтов для изучения истории, выходит большое количество исторических журналов и т. п. Все это дало возможность провести успешную борьбу с буржуазными и мелкобуржуазными историческими концепциями (Платонов, Петрушевский, Виппер, Добш, Матьез и др.), а также с меньшевистскими, троцкистскими и националистическими концепциями и их пережитками и влияниями в марксистской исторической литературе. Мы имеем ряд крупнейших достижений и в области творческой разработки важнейших проблем истории (например истории западноевропейских революций, истории крестьянских движений, истории пролетариата СССР, истории революции 1905 г., истории Октябрьской революции и гражданской войны, истории эпохи империализма и т. п.).

Однако эти достижения еще отчетливее подчеркивают отмеченные товарищем Сталиным недостатки нашей научной работы в области истории, такие, например, как отсутствие серьезных марксистских работ по истории древнего мира, средних веков, истории колониальных и зависимых народов, истории народов СССР, которые Октябрьская революция вывела на широкую историческую дорогу. Но даже те научные работы, которые историческая наука в СССР числит в своем активе, очень часто не давали достаточного конкретного материала, обращая все свое внимание на социологический анализ, на изучение общественных формаций и т. п. Именно таковы, например, были многочисленные работы по истории западноевропейских буржуазных революций, по истории Парижской коммуны, революции 1905 г. и т. п. В них анализ социально-экономических предпосылок, движущих сил, характера революции, причин поражения и т. п. почти исключал конкретно-историческое изложение классовой борьбы, без чего социологические характеристики и обобщения часто превращались в голые схемы. Эти серьезные недостатки и пробелы в области научно-исследовательской работы по истории, естественно, не могли не сказаться на качестве нашей учебной исторической литературы и на общей постановке преподавания истории, что и было отмечено в выступлении товарища Ста-

[1] «Архив Маркса и Энгельса». Т. I, стр. 214. 1924.

лина. Без решительного поворота нашей научной работы по истории нельзя достигнуть быстрых и прочных успехов в области преподавания истории.

А между тем историческое образование является неот'емлемой частью марксистско-ленинского воспитания масс. Его правильная постановка чрезвычайно важна для осуществления намеченной XVII с'ездом партии задачи переделки всего трудящегося населения страны в активных и сознательных строителей социалистического общества. Под влиянием грандиозных достижений пролетарской диктатуры произошла и происходит огромная ломка старого мировоззрения. Выросли и растут новые поколения, которые надо воспитать в духе революционного марксистско-ленинского мировоззрения. Эти поколения не знали капиталистической эксплоатации, не испытывали на себе экономического, политического и национального гнета; они не знали той боевой, революционной практики, которая учила старые поколения борцов за социализм понимать величайшие теоретические истины марксизма-ленинизма.

Глубоко неправильными и оппортунистическими являются рассуждения, что в наше время горячей практической стройки вопросы теории отступают на второй план, что чем ближе мы к победе, тем меньше мы нуждаемся в марксистско-ленинской теории. Никогда, ни в одну эпоху эта теория не приобретала такого исключительного значения, как в нашу.

В борьбе за построение социализма в нашей стране, в условиях крайнего обострения классовой борьбы, общественные науки вообще и историческая наука как самая политическая из наук, в особенности нередко использовались врагами пролетариата как прямое оружие борьбы с ленинизмом.

Одно из самых замечательных высказываний Ленина, касающихся истории, прямо говорит о политической роли истории в классовой борьбе пролетариата:

«Мы должны, — указывает Ленин в статье «Революционные дни», — ...писать историю современности и стараться писать ее так, чтобы наше бытописание приносило посильную помощь непосредственным участникам движения и героям-пролетариям там, на месте действий, — писать так, чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты» [1].

Значение исторической науки особенно велико на данном этапе борьбы партии за бесклассовое, социалистическое общество. История должна показать массам при помощи свойственного ей метода конкретно-исторического анализа длинный и трудный путь борьбы классов, ведущий человечество к бесклассовому, социалистическому обществу, организатором которого становится самый передовой и революционный класс буржуазного общества — пролетариат. История должна подвести миллионы подрастающих строителей социалистического общества к тому общему выводу, что без пролетарской революции, без организации и укрепления пролетарской диктатуры, без победы социализма человеческое общество не может развиваться и прогрессировать, что всем ходом исторического развития пролетариат поставлен перед задачей борьбы за победу социализма во всем мире.

Вопрос о характере и роли исторического знания в общей системе коммунистического воспитания и обучения в СССР приобретает сейчас значение одного из важнейших принципиальных вопросов политики партии в деле строительства социалистической культуры в нашей стране.

«Пролетарская культура, — не раз говорил Ленин, — должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества...» [2].

---

[1] Ленин. Т. VII, стр. 83. 3-е изд.

[2] Ленин. Т. XXX, стр. 406.

Знать завоевания культуры, созданной всем развитием человечества, усвоить его исторический опыт — вот обязательное условие марксистско-ленинского образования как оружия партии в борьбе с пережитками капитализма в сознании людей и в процессе переделки людей в сознательных строителей социализма.

Одним из самых важных и решающих моментов перестройки исторического образования является вопрос об учебнике истории. Товарищ Сталин в своей критике существующих стабильных учебников и конспектов новых учебников направляет внимание партии на вопрос об учебнике как на актуальнейшую проблему и центральное звено всего вопроса о преподавании истории в школах СССР.

И это естественно! Учебник сейчас становится самой ответственной книгой. Ведь ни одна книга, за исключением работ классиков марксизма-ленинизма, не может иметь такого количества читателей, как школьный учебник. Учебником пользуются миллионы читателей, из него они усваивают «основы науки», из него черпают свои первые, основные знания по истории, влияющие на формирование мировоззрения молодых поколений. Материал учебника воспринимается детьми как неоспоримая истина. Вот почему к учебнику надо пред'являть самые высокие научные, педагогические и политические требования. Именно это и подчеркивал товарищ Сталин в своих выступлениях, особенно в своих критических замечаниях по поводу конспекта учебника истории СССР.

Выработанное на основе предложений товарища Сталина решение ЦК и СНК от 16 мая центральным вопросом ставит вопрос о создании новых учебников истории.

На очереди стоит задача написать такой учебник, в котором сочетались бы требования научности содержания, принципиально-политической выдержанности, заостренности и высокого педагогического качества. Новые марксистские учебники истории должны принципиально отличаться от старых, дореволюционных, и от современных буржуазных учебников, о которых Ленин говорил, что они не столько учат, сколько развращают молодежь.

Необходимость новых марксистских учебников Ленин подчеркивал давно и неоднократно. В заключительном слове на XI с'езде РКП(б), в спорах с Лариным, Ленин советовал нашим литераторам поменьше уделять внимания политической трескотне и побольше — воспитанию молодого поколения. «В самом деле — на чем оно учится общественным наукам?» — спрашивал Ленин. — «На старом буржуазном хламе. Это — позор! И это тогда, когда у нас сотни марксистских литераторов, которые могут дать учебники по всем общественным вопросам, но не дают, потому что не тем заняты, не туда устремляются» [1].

Рекомендуя книгу Степанова об электрификации как настоящее «пособие для школ», Ленин снова с возмущением подчеркивал, что «почти пять лет спустя после завоевания политической власти пролетариатом, в его, пролетариата, государственных школах и университетах учат (вернее, развращают) молодежь старые буржуазные ученые старому буржуазному хламу» [2].

Ленин с большим вниманием отнесся к «Русской истории в сжатом очерке» М. Н. Покровского, подчеркнув при этом основное требование к марксистскому учебнику: учебник должен быть конкретен, давать факты и даты. Чтобы «сжатый очерк» мог стать учебником, Ленин предложил восполнить недостаточный в нем фактический материал особыми синхронистическими таблицами. Ленин писал по этому поводу М. Н. Покровскому: «Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было

[1] Ленин. Т. XXVII, стр. 261.
[2] Там же, стр. 195.

верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую»[1].

Создание марксистского учебника истории — крупнейшая политическая задача, разрешение которой возложено постановлением ЦК от 16 мая на специально подобранные авторские коллективы.

Каково же должно быть содержание советского исторического учебника и в чем его принципиальное отличие от старого, дореволюционного, или современного буржуазного учебного пособия по истории? На этом вопросе необходимо остановиться подробнее.

Первым и основным требованием, которое пред'являет товарищ Сталин к содержанию всякого учебника истории, написанного марксистом-большевиком, является требование подлинной научности.

В своих указаниях, сделанных при просмотре конспектов будущих учебников истории СССР и новой истории, товарищ Сталин критикует авторов за то, что они оперируют затасканными, трафаретными, совершенно ненаучными терминами и определениями, некритически заимствованными из арсенала буржуазной историографии, не умея противопоставить им научно обоснованные определения.

В стране социализма, строящей всю свою жизнь на прочном научном фундаменте, не может быть разного подхода и разных требований к научности в исследовательских работах и популяризациях.

Ленин требовал, чтобы популярная литература, выпускаемая партией, была такого высокого научного и политического качества, чтобы ее пригодность измерялась долгими годами.

«...Популярная литература, — писал он, — только та хороша, только та и годится, которая служит десятилетия. Ибо популярная литература есть ряд учебников для народа, а учебники излагают азы, не меняющиеся по полустолетиям»[2].

Популярную литературу, которая издавалась при царизме пудами для затемнения революционного сознания народа, Ленин называл «макулатурой и шарлатанством».

Беззастенчивым шарлатанством являются и те популяризации и учебники, которые изготовляют для школы буржуазные историки.

Буржуазия не может создать действительно научного исторического учебника, поскольку для нее и сама история, по существу, не является наукой.

«Всякая попытка научно трактовать историю есть нечто в последней основе совершенно противоречивое; поэтому всякое прагматическое историческое описание, на какой бы высоте оно ни стояло, есть компромисс. Природу должно трактовать научным образом; напротив, история должна быть предметом поэтического творчества», — так вещает самый популярный в послевоенное время «мыслитель» буржуазии Шпенглер в своей широко известной книге «Закат Европы»[3].

Шпенглер прямо заявляет, что исследователь истории «тем значительнее, чем меньше он принадлежит науке в собственном смысле слова».

Шпенглер не открыл ничего принципиально нового для буржуазии. Еще со времен Фихте и Шеллинга буржуазная историческая мысль склонна была рассматривать свой предмет «по образу эпоса, который не имеет никакого определенного начала и никакого определенного конца» (Шеллинг).

Обострение классовой борьбы в настоящее время заставило буржуазных историков отбросить устаревшие для нашей эпохи рассуждения об истории как «об'ективной», «аполитичной», «надклассовой» и т. п. науке.

---

[1] Ленин. Т. XXIX, стр. 442.
[2] Ленин., Т. V, стр. 232. (Примечание).
[3] O. Spengler «Der Untergang des Abendlandes». I. S. 139.

В прошлом и во имя прошлого современная буржуазия все чаще ищет теперь «исторических» оснований для борьбы с пролетарской революцией. Это обращение к прошлому, к «истории», нисколько не мешает ей отрицать закономерность исторических событий. «Отыскивать в истории тенденции развития является устарелым рационализмом», — заявляет «ведущая» до сих пор в буржуазной исторической науке школа Риккерта, имевшая, кстати, горячих адептов и среди русской буржуазной историографии (Петрушевский и др.).

После краткого блестящего расцвета буржуазной истории в период господства гегелевской школы научный уровень буржуазных исторических работ резко снизился, — началась фабрикация исторических диссертаций и учебных пособий, иногда интересных и богатых своим фактическим материалом, но теоретически беспомощных и ненаучных.

В свете этой краткой характеристики кризиса буржуазной исторической науки, науки, которая неспособна подняться от плоского эмпиризма, эклектики и идеализма на высоту подлинного научного знания, особенно ответственной является общественная роль марксистской историографии как подлинно и единственно научной.

Таким образом, требуемая товарищем Сталиным в письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» высота научной принципиальности в исторических исследованиях чрезвычайно важна и актуальна именно потому, что марксистская историческая наука является единственным представителем подлинно научного исторического знания.

В своей критике существующих стабильных учебников и конспектов будущих учебников истории товарищ Сталин нагляднейшим образом показал, что надо включать в требование подлинной и высокой научности марксистского учебника истории. Основная критика нынешних стабильных учебников шла по линии их схематизма, перегруженности социологизмом, недостаточности в них конкретного, фактического, исторического материала. Однако представленные конспекты выявили преобладание в них исторического эмпиризма, голой конкретики. Товарищ Сталин развернул решительную и резкую критику конспектов за отсутствие в них ясно выраженных принципиальных проблем, четких историко-методологических установок, необходимых политических выводов и обобщений.

Неправильно понятая «социология» привела одних авторов к фактической ликвидации изучения конкретной истории и к замене ее изучением общественно-экономических формаций.

Увлечение конкретикой, без сопутствующей и вытекающей из нее принципиальности, без общих выводов на основе уже изученных фактов, могло привести авторов учебников к вредным извращениям марксизма, идущим по пути эмпиризма буржуазных историков.

Понятие общественно-экономической формации, — одно из плодотворнейших открытий Маркса, явившееся фундаментальной теоретической категорией исторической науки, обусловившей возможность создать историю как науку, — никогда не исключало для марксиста конкретно-исторического анализа. Наоборот, Маркс и Ленин всегда подчеркивали обязательную для марксиста задачу изучения общественных формаций во всей их исторической конкретности. Каждая историческая эпоха должна изучаться во всех своих особенностях, с учетом свойственной именно данной эпохе закономерности развития.

Еще в одной из самых первых своих работ «Что такое «друзья народа» Ленин, указывая, что краеугольным камнем учения Маркса об историческом развитии общества является учение об общественно-экономических формациях, подчеркивал обязательную необходимость конкретно-исторического анализа, дающего возможность выделить то, что отличает одну страну от другой, и исследовать то, что обще им.

Однако на практике наша школа стержнем своих программ сделала изучение общественных формаций и преимущественно экономической истории. Если обратиться в порядке иллюстраций к существующим школьным учебникам истории, то самый беглый анализ их содержания подтвердит отмеченный выше «социологизм» и «академизм» этих работ, трудных для понимания не только учащегося, но нередко и учителя. Таково, например, в учебнике Никольского исключительно трудное изложение происхождения языка по Марру и т. п.

Учебник древней истории акад. Никольского сразу же начинается с такого самого общего утверждения: «Изучение классовой борьбы — это самая главная задача истории. Классовая борьба — это движущая сила исторического развития, всех исторических изменений, всех исторических событий» (стр. 3). Затем дается общая схема исторического процесса без всякого конкретного содержания, перечисление всех формаций, характеристика феодализма, изучать который учащиеся будут только в следующем году, и т. п.

Самая же история Древнего Востока, Греции и Рима дается почти исключительно как экономическая история.

Еще больше, чем в учебнике Никольского, отвлеченных социологических схем имеется в учебнике Гуковского и Трахтенберга: «История эпохи феодализма». Фактический материал в нем служит лишь иллюстрацией для социологических обобщений.

С первых же страниц дается социологическая характеристика основных классов феодального общества и определение феодализма как общественного строя, выросшего на почве распада рабовладельческого строя Римской империи и изменений в хозяйственном строе древних германцев. При этом почти совершенно отсутствует конкретный материал о германских завоеваниях, об истории франкского государства, об империи Карла Великого и т. п. История феодального города начинается также с трудного социологического обобщения: «Выделение ремесленного производства из сельского хозяйства означало развитие общественного разделения труда» (стр. 34). И лишь после нескольких общих параграфов о развитии ремесла, рынков, городов даются некоторые (все же недостаточные) факты о борьбе городов с феодалами. Именно потому, что вместо конкретной истории учебник дает социологическую характеристику феодализма, в учебнике нет, например, конкретной истории Англии. Факты же из истории Англии приводятся в трех различных местах учебника для иллюстрации различных сторон процесса феодализации общества и последовавшего затем разложения феодализма в Европе.

Учебник Ефимова и Фрейберг по истории нового времени также дает социологически схематическое изложение истории промышленного капитализма. И в нем преобладает изложение экономической истории с небольшим добавлением отдельных моментов из истории рабочего движения. Вся политическая и культурная история нового времени, таким образом, остается вне учебника.

В учебнике Ванага по истории СССР (для рабфаков и комвузов) в основном весь материал сводится к истории экономического развития России и истории революционного движения.

Учебники истории даже носили соответственные названия: «История феодализма», «История промышленного капитализма» и т. п. Товарищ Сталин предложил проводить преподавание систематического курса всеобщей истории (начиная с 5-го класса и до последнего) в определенной последовательности по следующим курсам: история древнего мира, история средних веков, история нового времени, история СССР и новая история колониальных и зависимых стран. Соответственно изменятся названия всех выходящих сейчас новых учебников. Эта перемена названий должна еще более подчеркнуть радикальную перемену содержания исторических учеб-

ников, посвященных истории определенных конкретно-исторических эпох и стран. Эта перемена названий подчеркивает необходимость дать в учебнике не просто и не только экономическую историю, как делалось до сих пор, а широкую и конкретную гражданскую историю, включающую историю экономического, политического, культурного развития изучаемой страны, ход классовой борьбы в ней, характеристики ее исторических деятелей и т. п.

Показать, что «люди сами делают свою историю», является безусловным требованием научности для любого марксистского исторического исследования, а тем более для учебника истории.

Товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Людвигом довольно подробно остановился на этом известном тезисе Маркса:

«... Люди,—говорил товарищ Сталин,—делают историю не так, как им подсказывает какая-нибудь фантазия, не так, как им придет в голову. Каждое новое поколение встречается с определенными условиями, уже имевшимися в готовом виде в момент, когда это поколение народилось... Именно люди, но лишь поскольку они правильно понимают условия, которые они застали в готовом виде, и лишь поскольку они понимают, как эти условия изменить, — делают историю»[1].

Этот творческий, действенный подход к роли личности в том историческом процессе, в котором она участвует, является для нас обязательным.

Весь исторический процесс должен быть связан в сознании учеников с конкретными историческими личностями — выразителями интересов и стремлений определенных общественных классов.

Подводя итоги требованиям научности исторической марксистской работы, необходимо запомнить следующее чрезвычайно выразительное замечание по этому поводу Ленина.

«Марксизм, — писал Ленин, — отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе об'ективного положения вещей и об'ективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс, — а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами»[2].

Следует, наконец, остановиться и еще на одном требовании товарища Сталина к учебнику — на вопросе о хронологии. Требуя от авторов будущих учебников методологического продумывания и правильного употребления таких понятий, как «эпоха», «период» и т. п., товарищ Сталин подчеркивает большое значение хронологии для изучения конкретной истории. Без хронологии трудно получить понимание исторической перспективы. Изучение хронологии дает возможность учащимся наглядно представить локализацию исторических фактов во времени. Такое же значение для выработки исторической перспективы имеют и исторические карты, помогающие наглядно и конкретно изучать исторические факты, представляя их локализацию в пространстве. Борьба за точные исторические знания, которых требует майское решение ЦК, должна начаться с учебника. Составление массового образцового учебника истории для школы должно отразить достижения марксистско-ленинской исторической науки. В учебнике должны быть использованы наиболее ценные научные результаты исторических исследований, приведены результаты наиболее обоснованного решения новых проблем истории, собраны такие факты, которые были

---

[1] И. Сталин «Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом». «Большевик» № 8. 1932. Разрядка моя. — А. П.

[2] Ленин «Против бойкота». Т. XII, стр. 32.

ранее погребены в архивах, факты, мимо которых проходили буржуазные историки.

Работа над марксистскими учебниками истории должна, таким образом, стать настоящей научной работой, хотя, разумеется, ни в коем случае мы не должны превращать учебники в «академические», ученые труды, мало доступные школе.

Требование доступности, популярности, живости изложения, красочной конкретности — это непременное требование, без которого нельзя представить себе настоящего школьного учебника. Это требование решительно подчеркнуто в майском решении ЦК.

II

Создать научный исторический учебник, — значит создать большевистский учебник, ибо наша историческая наука — большевистская наука.

Задача большевистского учебника истории любой эпохи — показать эту историю в аспекте нашей грандиозной эпохи, в свете исторической борьбы рабочего класса за пролетарскую диктатуру и социализм во всем мире. Именно эта задача делает возможным и необходимым в наших учебниках историю вчерашнего дня увязать с теми грандиозными новыми задачами социалистического строительства, которые стоят перед нами сегодня и еще будут стоять завтра.

Ленин в своих заметках на тезисы Н. К. Крупской, касаясь вопроса о конкретном содержании учебного плана по истории в нашей советской школе и предлагая составить программу по годам, намечал в учебных планах школы историю вообще, историю революций, историю революции 1917 года.

Требуя конкретного изучения всеобщей истории, Ленин выделял при этом историю революций, и особенно историю Октябрьской социалистической революции. Подчеркивая, что всемирная история неуклонно идет к диктатуре пролетариата, что «вопрос о диктатуре пролетариата есть коренной вопрос современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах», Ленин считал проблему диктатуры пролетариата, как и ее историю, центральной проблемой, подлежащей нашему изучению.

«...История всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров является самым главным материалом и источником наших знаний по вопросу о диктатуре», — писал Ленин по этому поводу[1].

Товарищ Сталин, подходя к критике установок конспектов по новой истории и истории СССР, чрезвычайно остро подчеркнул ленинское положение о том, что история пролетарской диктатуры есть стержень всей мировой истории в том именно смысле, в каком подчеркивали эту мысль Маркс и Ленин, анализируя историческую перспективу развития человеческого общества.

То, что Маркс внес нового в мировую науку, заключалось прежде всего в создании целостной концепции исторического развития человеческого общества от первобытного коммунизма, через классовое общество, через диктатуру пролетариата к коммунистическому строю.

Выделение революционных этапов этой мировой истории означало изучение путей, какими шла и идет борьба человечества за коммунизм. Именно в такой перспективе должны показать исторический процесс наши учебники истории — посредством конкретной истории человеческого общества, отдельных его народов и стран и в древние, и в средние века, и в новое время включительно до нашей, современной борьбы и ее перспектив.

Имея в виду такую общую историческую перспективу, Сталин, как и Ленин, предложил выделить в качестве гигантской исторической вехи Октябрьскую социалистическую революцию и диктатуру пролетариата.

[1] Ленин. Т. XXV, стр. 431 и др. «К истории вопроса о диктатуре».

Центральной задачей учебников и новой истории и истории СССР товарищ Сталин выдвинул необходимость исторического обоснования Октябрьской революции, как социалистической революции пролетариата, и ее противопоставления французской революции, как революции буржуазной.

Основной осью учебника, развивает эту мысль товарищ Сталин, должна быть именно эта идея противоположности между революцией буржуазной и социалистической, показ того, что французская и всякая иная буржуазная революция, освободив народ от цепей феодализма и абсолютизма, наложила на нее новые цепи — цепи капитализма и буржуазной демократии, тогда как социалистическая революция в России разбила все и всякие цепи и освободила народ от всех форм эксплоатации. Вот что должно составлять красную нить учебника новой истории. Нельзя допустить, чтобы французскую революцию называли просто Великой. Ее надо трактовать как революцию буржуазную, а революцию Октябрьскую надо рассматривать и трактовать как революцию пролетарскую.

Это важнейшее замечание товарища Сталина дает ориентировку и определяет большевистский подход к изучению любой исторической проблемы и любого отрезка новой истории или истории СССР. А главное, оно дает ключ к пониманию актуальнейшего вопроса о борьбе двух систем — капитализма и социализма, их происхождении, развитии и столкновении. Октябрьская социалистическая революция—исторический рубеж этих двух систем. Французская буржуазная революция достигла максимума возможных для буржуазной революции побед. Буржуазные историки безоговорочно называют ее Великой революцией. Но Великой она была, как неоднократно подчеркивали Ленин и Сталин, лишь постольку, поскольку в ней участвовали плебейские массы, превращавшие буржуазную революцию в мощное народное движение. Но этот кульминационный пункт Великой буржуазной революции во Франции — якобинская «плебейская» диктатура — не мог на том этапе развития рабочего класса закончиться победой революционных, демократических элементов.

«Буржуазная революция не может сплотить вокруг буржуазии на сколько-нибудь длительный период миллионы трудящихся и эксплоатируемых масс именно потому, что они являются трудящимися и эксплоатируемыми» [1], — писал товарищ Сталин в своем известном определении различия между буржуазной и пролетарской революцией.

Требуя от историков установления различия между буржуазными и буржуазно-демократическими революциями, товарищ Сталин ставит перед ними прежде всего задачу конкретного анализа подлинной роли плебейских элементов и перспектив перерастания революции буржуазной в революцию пролетарскую, социалистическую.

В учебнике должна быть четко подчеркнута и конкретно показана историческая ограниченность буржуазной революции, ее неспособность расчистить до конца «авгиевы конюшни» старого режима. Ленин подчеркивал, что буржуазия, стремясь утвердить свое господство как класса-собственника, естественно, не может бороться с такой последовательностью, как пролетариат, который является наиболее самоотверженным борцом в буржуазной революции.

Вот почему «буржуазии, — писал Ленин, — выгодно опираться на некоторые остатки старины против пролетариата, например, на монархию, на постоянную армию и т. п.» [2].

Еще более верно это положение для поздних буржуазных революций, когда угроза со стороны пролетариата толкает буржуазию на сделки со ста-

---

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 107. 10-е изд.

[2] Ленин. Т. VIII, стр. 57.

рым режимом, как это было в русской революции 1905 года. Таким образом, в результате буржуазных революций, даже самых радикальных, создается как венец достижений режим парламентской демократии, означающей для масс только замену одних цепей (феодальных) другими цепями (капиталистическими).

Две системы, два мира — вот что должен показать учебник новой истории. Поэтому он должен включить в свой план специальные разделы об Октябрьской революции, о создании Советского Союза, о победе социализма в СССР, противопоставляя систему победоносного социализма системе капитализма, вступившего после войны и Октябрьской революции в период общего кризиса капиталистической системы.

Это общее замечание товарища Сталина дает возможность установить принципиальные основания для научной периодизации нового времени.

Товарищ Сталин намечает три основных периода в истории нового времени:

1) от французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской коммуны — период победы и утверждения капитализма в передовых странах;

2) от Парижской коммуны до победы Октябрьской революции в России и окончания империалистической войны — период начала упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской коммуны, перерастания старого, «свободного» капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР силами Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества;

3) от 1918 г. (года окончания войны) до конца 1934 г. — период послевоенного империализма, экономического и политического кризиса в капиталистических странах, период фашизма и усиления борьбы за колонии, с одной стороны, и с другой — период гражданской войны и интервенции в СССР, период первой и второй пятилеток в СССР, период победоносного строительства социализма в нашей стране.

Деление всей новой истории на указанные три периода, конечно, далеко выходит по своему громадному научному и политическому значению за рамки периодизации учебника и вообще за рамки вопроса о периодизации. Это — сжатая большевистская схема всей новой истории, основным содержанием которой является борьба пролетариата с буржуазией за установление диктатуры пролетариата и в основу которой положена идея противоположности буржуазной и пролетарской революций.

Отправным пунктом, с которого товарищ Сталин предлагает начать историю нового времени, является история французской буржуазной революции. Именно французская буржуазная революция установила господство буржуазных отношений в Европе, утвердила политическую роль буржуазии как класса, хотя борьба за установление буржуазного порядка исторически началась гораздо раньше, и в истории имеется ряд буржуазных революций до французской буржуазной революции. История этих революций, как и весь процесс формирования буржуазного общества, должна быть показана в заключительных главах по средней истории и в вводной главе по новой истории.

На основе этих указаний и переработан сейчас план содержания учебника истории нового времени.

Через весь конспект проведено резко принципиальное отличие всех буржуазных революций от социалистической, показана историческая ограниченность буржуазного парламентаризма и демократии, на конкретном историческом материале по истории отдельных стран в эпоху империализма дано разграничение революций буржуазных и буржуазно-демократических, усилен конкретный материал по истории колониальной политики в эпоху империализма, даны особые главы по истории революций в Китае, Персии и Тур-

ции в начале XX в., по истории Японии и Индии в эпоху довоенного империализма.

Замечания по новой истории необходимо иметь в виду и при составлении нового, большевистского учебника истории СССР.

Ленин еще в апреле 1920 г. напоминал о необходимости приступить к созданию истории Советской республики. «...Можете ли собрать материалы для истории гражданской войны и истории Советской республики?» — спрашивал Ленин в письме к Адоратскому[1].

Международное значение книги по истории СССР огромно. История советской власти, история того, как пролетариат, ведя за собой эксплоатируемые трудящиеся массы, под руководством партии Ленина—Сталина совершил победоносную социалистическую революцию и в условиях жесточайшей классовой борьбы со своей и мировой буржуазией сумел привести к победе социализма в Советском Союзе, — эта история должна стать достоянием широчайших масс не только в СССР, но и в странах капитала.

Все прежние буржуазные историки, начиная от Чичерина и Соловьева, кончая Платоновым, Ключевским, Корниловым и Пресняковым, составляли учебные курсы истории, давая исключительно историю великорусского народа. У Корнилова в его «курсе» дана особенно четкая формулировка великодержавной позиции «русской истории»: «Я буду излагать главным образом историю русского народа, останавливаясь на истории прочих частей населения лишь постольку, поскольку события, составляющие эту историю, вопросы, тут возникающие, и процессы, среди этих народностей развивающиеся, касаются интересов всего русского государства»[2].

История «русского государства», для которого история народов, входивших в его состав, была лишь дополнительным материалом, а сами эти народы рассматривались как «прочие части населения», была стержнем русской буржуазной историографии. «Общий курс» Ключевского, вышедший в конце XIX в., курс Платонова, появившийся в начале XX в., и курс Любавского, вышедший в начале второго десятилетия XX в.,—все они стержнем русского исторического процесса делают историю государства. Сконструированная ими историческая схема сводила всю историю к созданию и развитию Российского государства, сложившегося на великорусской основе.

Эта концепция русской буржуазной историографии не заслуживала бы упоминания, если бы ее традиции не были такими жизнестойкими, если бы они не оказали влияния на обучавшихся по этим историческим курсам и до и после Октябрьской революции. Эти концепции русского исторического процесса не только определяли содержание всей школьной истории, но и оказывали непосредственное влияние на выработку определенной, враждебной пролетариату меньшевистской политической идеологии (Плеханов, Троцкий). Наши университеты довольно широко используют исторические труды Ключевского — этого наиболее популярного историка и любимца русской буржуазной интеллигенции до революции. Его эклектическая схема, в которой сочетались и чрезвычайно талантливо преподносились и чичеринская теория закрепощения и раскрепощения, и соловьевская схема борьбы со степью, и щаповские теории о влиянии географического фактора, и элементы экономического материализма,—находила широкое распространение. Мы не отказываемся от использования исторического наследства буржуазии, но для правильного его использования необходимо, во-первых, уяснить себе основные черты буржуазного исторического мировоззрения и, во-вторых, противопоставить ему наше мировоззрение и определяемую им марксистско-ленинскую схему русского исторического процесса.

---

[1]. Ленин. Т. XXIX, стр. 436.

[2] «Курс». Ч. I, стр. 4.

М. Н. Покровский с большим блеском выполнил первую часть этой задачи, оставив нам ряд исключительно ярких и острых критических страниц, разрушающих буржуазные и мелкобуржуазные схемы русских историков. Но во второй, положительной части этой задачи—в собственной исторической концепции М. Н. Покровского—был ряд таких существенных ошибок, которые не могли сделать его схему приемлемой.

Сам М. Н. Покровский подверг свою схему о торговом капитале как стержне русской истории довольно серьезной критике[1], но преодолеть ее до конца он все же не мог.

Общую схему истории СССР, которой необходимо руководствоваться авторам учебника истории СССР, выработали вожди мирового пролетариата Ленин и Сталин. Фундаментальные работы в области истории В. И. Ленина, как «Развитие капитализма», «Что такое «друзья народа», лекция свердловцам о государстве, «Аграрный вопрос» и многие другие, теоретические работы товарища Сталина, как «Основы ленинизма», «Октябрьская революция», «Марксизм и национальный вопрос», письмо в редакцию «Пролетарской революции» и его замечания на оба конспекта, — вот чем должны руководствоваться работники большевистской исторической науки.

Критические замечания товарища Сталина вместе с другими его высказываниями на основе громадного ленинского наследства должны помочь нашей исторической науке конкретизировать в целом ряде специальных исследований и учебных пособий сформулированную Лениным и Сталиным схему исторического процесса.

Центральной осью содержания учебника истории СССР, как и всей новой истории, является Октябрьская социалистическая революция. Все историческое развитие дооктябрьской России должно привести к обоснованию неизбежности и закономерности пролетарской революции в России, сразу же принявшей международный характер.

Товарищ Сталин предлагает изучать весь процесс исторического развития России и отдельные его этапы в международном аспекте как часть мировой истории. При этом необходимо показать, как сложилась после победы Октября принципиально новая система, вступившая в единоборство с системой международного империализма.

Вот почему ряд критических замечаний товарища Сталина идет по линии указаний международной роли и положения русского царизма, русского капитализма, русской революции.

Учебник истории СССР прежде всего должен дать конкретное историческое освещение и обоснование роли царской России как тюрьмы народов. В учебнике должна быть подчеркнута аннексионистско-колониальная роль русского царизма вкупе с русской буржуазией и помещиками, подчинившими русскому царизму целые народы и громадные территории. Должна быть освещена история Украины, Белоруссии, Финляндии, прибалтийских народов, Северного Кавказа, Закавказья, народов Средней Азии, Дальнего Востока, а также волжских и северных народов: татар, башкир, чувашей и т. п.

Одновременно в учебнике должна быть показана и контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике, особенно со времен Екатерины II до 50-х гг. XIX в. и позже. Царизм играет роль активного палача буржуазных революций на Западе и превращается в международного жандарма, помогающего феодальной реакции в Европе громить революции.

Товарищ Сталин подчеркивает тот исторический рубеж, каким было в истории царизма его поражение в крымской войне, после которой царизм лишился своей прежней самостоятельной роли в международной поли-

[1] См. статью «О русском феодализме, происхождении и характере абсолютизма в России», представляющую переработку его выступлений в семинарах ИКП истории в 1931 г.

тике и превратился постепенно в резерв западно-европейского империализма.

Чрезвычайно важно конкретно выяснить исторические корни первой империалистической войны и роль в ней царизма, а также показать зависимую роль как русского царизма, так и русского капитализма от капитализма западно-европейского. Без учета этого факта значение Октябрьской революции в части освобождения России от ее полуколониального положения останется немотивированным, тогда как основная задача учебника заключается именно в конкретно-историческом показе величайшего и всеоб'емлющего освободительного значения Октябрьской революции в истории человечества. Под этим углом зрения товарищ Сталин требует конкретного показа в учебнике условий и истоков национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России. Без этого Октябрьская революция как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, как немотивированным остается и создание Советского Союза.

Товарищ Сталин требует, чтобы учебник отражал роль и влияние западно-европейских революций и социалистического движения на формирование буржуазного революционного движения и пролетарского социализма в России.

Эту же связь западно-европейской и русской революционной мысли (на примере другой эпохи и других задач) товарищ Сталин подчеркивает и в своем требовании отобразить в учебнике наличие общеевропейского политического кризиса перед мировой войной. Упадку буржуазного парламентаризма и демократизма должны быть противопоставлены Советы как носители пролетарского демократизма.

Товарищ Сталин заостряет вопрос о необходимости показать в учебнике борьбу внутри правящей партии различных оппортунистических течений, подрывавших единство ее рядов, без которого партия не могла бы привести пролетариат к победе социализма.

В настоящее время, когда подонки зиновьевской оппозиции завершили свой путь измены, штрейкбрехерства и политического двурушничества подлым террором против вождей пролетарской революции, особый политический смысл приобретает требование товарища Сталина показать в учебнике весь ход борьбы партии с троцкизмом как с проявлением мелкобуржуазной контрреволюции.

Все эти указания явились базой полной перестройки плана будущего учебника истории СССР. Учебник истории СССР пишется как учебник истории народов СССР. В учебнике должны быть конкретно показаны основные этапы исторического развития СССР. Товарищ Сталин указал на недопустимость сваливания в одну кучу феодального и дофеодального периода, самодержавного строя государства и строя феодального, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств.

Период феодализма в России в учебнике должен быть изложен, в соответствии с высказываниями товарища Сталина, по основным этапам развития: период феодальной раздробленности, период самодержавия и образование Российской империи. На этой основе должны быть показаны классовые битвы и особенно крестьянские войны, подавление которых создало основу для укрепления феодально-крепостнического самодержавия.

В следующих разделах должны быть показаны крепостная Россия в борьбе с буржуазной революцией в Европе, развитие промышленного капитализма, начало марксизма и рабочего движения, борьба за раздел мира между капиталистическими странами и роль царской России, военно-феодальный империализм и борьба пролетариата за гегемонию в революционном движении, буржуазно-демократическая революция 1905 г., царская Россия до и во время империалистической войны, борьба за диктатуру пролетари-

ата, Октябрьская социалистическая революция, создание советского государства, гражданская война и империалистическая интервенция, образование СССР, история Союза ССР в восстановительный период и победа социализма в СССР.

На основе указаний товарища Сталина необходимо создать высококачественный научный учебник истории СССР, который осветил бы историю угнетения царизмом народов России и историю расцвета национальных республик в условиях диктатуры пролетариата. Такой учебник должен помочь разоблачению великодержавного и местного национализма и стать одним из активных средств воспитания подрастающих поколений в духе пролетарского интернационализма.

Огромное политическое значение будет иметь и создание учебника истории колониальных и зависимых стран.

Еще Маркс и Энгельс уделяли большое внимание истории классовой борьбы и процессам экономического развития в колониальных странах.

В письмах Маркса и Энгельса постоянно встречаются оценки и характеристики таких исторических событий, как сипайское и тайпингское восстания, как борьба в Индии против английской колонизации, раздел Турции и т. п.

В эпоху империализма, когда национально-колониальный вопрос становится частью общего вопроса о мировой пролетарской революции, Ленин и Сталин посвящают этому вопросу особое внимание, внося в сокровищницу марксизма новое теоретическое богатство ввиде теории национально-колониального вопроса в пролетарской революции.

На этой ценнейшей теоретической базе и должен быть построен конкретно-исторический учебник истории колониальных и зависимых народов Востока, Азии, Африки, Америки и др.

Такие страны, как Китай, Индия, Афганистан, Персия, Турция, арабские страны, Латинская Америка, Южная Африка и т. п., должны быть показаны как об'екты колониального грабежа с начала колониальной экспансии европейских держав, с XV—XVI вв. (эпоха великих открытий).

Осветить и об'яснить конкретные факты истории колониальных и зависимых народов, показать их борьбу за освобождение от империализма — значит не только воспитать молодые поколения СССР в духе интернационализма, но и дать боевую книгу интернационального значения в руки мировому пролетариату и угнетенным народам мира.

В нашей школе должно быть усилено также внимание к преподаванию древней истории и истории средневековья. Актуальной и заслуживающей изучения является не только эпоха капитализма и империализма. Политическую актуальность может представлять для нас изучение самых отдаленных исторических эпох. Весьма часто классовые враги пролетариата выступали против пролетарской революции, опираясь на материал из истории очень отдаленных эпох. Крайне характерен, например, тот факт, что буржуазная историческая наука в настоящее время уделяет большое внимание истории древнего мира и средневековья, стремясь именно на материале древности доказать вечность и незыблемость капитализма. Не случайно, например, что Моммзен, как указывал еще Маркс, открывает капитализм в античном мире. Моммзен, а затем и Эдуард Майер положили основу для целой школы современных модернизаторов древности, которые в истории древнего мира пытаются найти формы хозяйства, типичные для современного капитализма. Целевая установка таких историков ясна: доказать незыблемость капитализма и невозможность пролетарской революции и социализма как реальной исторической перспективы. К этому сводятся теории таких видных апологетов капитализма, как Пельман (по истории античного мира) или Добш (по истории феодализма) и буржуазно-исторические концепции, находившие распространение в СССР, как теория феодализации общества за несколько

тысяч лет до нашей эпохи, теория наличия капитализма в античном мире, теория вотчинного капитализма и т. п.

В фашистском преподавании истории древность занимает преобладающее место. Историю древних германцев фашистские историки толкуют как историю развития мировой цивилизации. Германцы, по утверждению фашистских историков, создали индийскую, персидскую, греческую и римскую культуру и повсюду были создателями и организаторами новых общественных порядков.

Подобные исторические фальсификации фашистские историки Германии практикуют повседневно в целях «исторического» обоснования официальной расовой концепции германского фашизма.

Преподавание древней истории в буржуазной школе особенно отчетливо отражает стремление буржуазии превратить историю в орудие своего идеологического господства. Не случайно, что для Моммзена древний Рим эпохи Юлия Цезаря явился только материалом для обоснования политики «сильного человека» современной ему Германии — Бисмарка. Мы потому останавливаемся на этом факте, что влияние буржуазной трактовки истории докапиталистических формаций проникает и в наши советские учебники.

Та дискуссия, которая уже несколько лет ведется по вопросу об «азиатском способе производства» и о том, к какой общественно-экономической формации принадлежит общество Древнего Востока,—было ли там рабство или феодализм, отразилась и на учебнике акад. Никольского, по которому учились и сейчас учатся миллионы советских школьников. Это создает вредную путаницу в головах учащихся. Чего, например, стоит следующая путаная, неряшливая формулировка в учебнике, т.-е. в такой книге, где особенно требуются ясность, четкость и определенность мысли: «На смену родовому коммунистическому обществу пришло классовое общество, феодальное или рабовладельческое» (учебник Никольского, стр. 41).

В № 3 журнала «История в средней школе» опубликованы утвержденные Наркомпросом конспекты учебников истории древнего мира и истории средних веков для неполной средней школы. Эти конспекты дают представление о фактическом материале будущих учебников, создаваемых по решению ЦК от 16 мая 1934 г.

Конспект по истории древнего мира намечает отбор фактического материала по истории Древнего Востока (Египет, древнейшие государства в Двуречье, Ассирия, Халдея и Персия, Древняя Индия и Древний Китай), по истории Древней Греции (древнейший период Греции, Спарта, Афины, Македония) и по истории Рима.

Конспект учебника по истории средних веков дает в первой части историю средневековой Европы до XV в. (древние германцы, Византия VI—XI вв., арабы VI—XI вв., франкское государство VI—IX вв.) и историю отдельных стран Западной Европы в период до XV в.

Вторая часть учебника посвящается концу средних веков и переходу к новому времени; здесь дается история Италии XI—XVI вв., Турции и Испании, история великих путешествий и открытий, реформация и крестьянские войны в Германии, нидерландская революция, тридцатилетняя война, английская революция, установление буржуазного строя в Голландии и Англии, история Восточной Европы конца XVII и начала XVIII веков.

История средних веков должна на конкретном историческом материале показать процесс феодализации общества, генезис и разложение феодализма не в общих схематических и абстрактных рассуждениях, а таким образом, чтобы весь материал приводил учащихся к пониманию закономерностей общественного развития и вырабатывал у них историческую перспективу. В конкретном, исторически складывающемся обществе нет «чистых» общественно-экономических формаций. Учащиеся должны научиться понимать, что «если рассматривать какое угодно общественное явление в процессе его

развития, то в нем всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего»[1] — как писал Ленин в «Друзьях народа».

Правильно понять генезис феодализма можно лишь на основе учения Маркса о рабстве как первой фазе классового общества; точно так же генезис капитализма надо искать еще в эпохе разложения феодализма. Каждый из крупных периодов человеческой истории: рабовладельческий, крепостнический, капиталистический, как писал Ленин, обнимает десятки и сотни столетий. Исключительно важным поэтому является результат изучения истории, который должен привести учащихся к ленинскому выводу: для того, чтобы победить, нужно понять всю глубину истории старого буржуазного мира.

III

Роль и значение исторического образования, однако, недостаточно учитывались в практике нашей школы, которая прежде всего должна была давать исторические знания миллионам учащихся.

Недооценка воспитательного значения исторического образования сказывалась в том, что до недавнего времени история как учебная дисциплина фактически отсутствовала в учебных планах школ. История долгое время входила в курс обществоведения, в котором она преподносилась либо крайне эпизодически либо в виде общих схем и социологических обобщений.

Как сложилось такое положение?

Октябрьская революция, уничтожая старый государственный аппарат, разрушила и старую школьную систему. В новой школе, однако, и после Октября продолжалась острая политическая борьба. Значительная часть учительства старой школы вела активную пропаганду в пользу свергнутых революцией классов в первую очередь при посредстве таких учебных дисциплин, как история. В программах 1918 г. обществоведения, как отдельного предмета еще не было. Вместо него преподавались всеобщая и русская история, история социализма и политическая экономия. Но преподавание шло плохо. По сравнению с дореволюционными программы были обширные и сложные, а преподавать по ним было некому. Марксистские педагоги, как и марксистская учебная литература, почти совершенно отсутствовали. Преподавание истории по Випперу (или Иванову, Карееву, Виноградову) и Платонову (или Елпатьевскому, Скворцову, Иванову), да еще политически враждебными или в лучшем случае «нейтральными» педагогами приводило к превращению истории в предмет антимарксистской пропаганды в школе. К тому же эта школьная история, посвященная преимущественно первобытной культуре, древней истории и средневековью, едва доводила изложение до французской буржуазной революции. Учащиеся не получали никакого представления об истории наиболее близких и богатых событиями эпох. Все это вырабатывало отрицательное отношение к прежней истории как к предмету преподавания в новой школе. Поэтому уже в программах 1920—1921 гг. мы находим положение, что историю как предмет школьного обучения нужно либо «пропитать обществоведческой точкой зрения» либо расстаться с курсом истории как самостоятельным предметом, взяв из него лишь то, что непосредственно помогает об'яснять современность. Чрезвычайно характерны для этого рода установок статьи и публичные выступления покойного методиста-историка М. Н. Коваленского, которые и были положены в основу программы школ 2-й ступени, изданных ГУС в 1923 г.

«Полагаю,—писал М. Н. Коваленский,—что из всего мирового развития культуры в новой школе должны быть обследованы моменты такого значения, как современность и первобытная культура в их особенностях и проти-

---

[1] Ленин. Т. I, стр. 94. (Разрядка моя. — А. П.).

воположностях, с одной стороны, как начала культурного развития человечества, и тот конец, до которого оно дошло в наши дни—с другой, и те основные промежуточные моменты на пути этого развития, как феодализм и капитализм... Все остальное из курса истории культуры, не исключая и Древнего Востока, Греции, средних веков, реформации, гуманизма, татарщины, опричины, Смутного времени и т. д., может быть вынесено за пределы собственной школьной работы...»[1]

Именно «традициями» такого взгляда на исторический процесс, в котором достойны изучения только «начало» и «конец»,—первобытный коммунизм и «современность»,—об'ясняется незнание конкретных исторических фактов и непонимание исторического процесса учащимися. Результаты его мы обнаруживаем в 1932 г. при обследовании состояния преподавания истории. В официальной записке Наркомпроса «История в средней школе», изданной в августе 1933 г., приводятся крайне плачевные результаты таких «традиций» в области преподавания истории. Так, в контрольных работах учеников одной из школ г. Дзержинска имеются примеры, прямо иллюстрирующие вышеприведенные взгляды на «концы» и «начала» истории. В ответ на вопрос преподавателя: «В чем сходство и различие между первобытным и современным (?) коммунизмом?»—ученики давали лишь малопонятные общие формулы или ответы вроде таких: «Первобытный коммунизм отличался от современного тем, что там занимались, например, земледелием не так; дальше не знаю...» Или такой ответ: «Древний коммунизм был из одной семьи, а современный коммунизм состоит из многих семейств» и т. п.

Таков был итог того, что с 1923 г. из учебных планов история как самостоятельный предмет фактически исчезла. Этот факт был тем бóльшим перегибом со стороны органов Наркомпроса, что к 1923—24 г. обстановка в школе и в частности положение на фронте исторической науки совершенно изменилось. Выросли новые советские кадры преподавателей, появились марксистские исторические книги и учебники, развернулась научно-исследовательская работа марксистов-большевиков в области истории. И тем не менее только с 1927 г. история как учебная дисциплина опять начинает появляться в массовой школе, но не ввиде систематического курса, а в «картинном порядке», как гласит об'яснительная записка к программе 1927 г., категорически утверждающая: «Не может быть и речи о том, чтобы дать на первом концентре систематический курс истории, хотя бы новейшей». Почему же? Потому, утверждает составитель «Записки», что если поставить систематический курс истории, то... обществоведению нечего будет делать.

Так история стала преподаваться только «картинно», эпизодически, лоскутно, что исключало понимание исторического процесса в целом и выработку исторической перспективы.

Программы по истории в средней школе, кроме того, стали еще средством насаждения механического понимания марксизма, ибо в них особенно наглядно выступало полное забвение слов Маркса о том, что люди сами делают свою историю. Ни о каких действовавших в истории людях ни в программах, ни в «методразработках», ни в учебных пособиях даже не упоминалось. Абстрактный схематизм, типологическое построение (следуя по стопам курса истории Кареева или Рожкова) или эпизодическое «картинное» построение программ по истории — такова была разноголосица, конец которой положило выступление товарища Сталина и решение ЦК ВКП(б) и СНК от 16 мая 1934 г.

Это постановление находится в связи со всеми предшествующими решениями ЦК относительно перестройки массовой советской школы, которая неизменно была предметом заботы и внимания со стороны партии.

---

[1] «Основные вопросы преподавания в средней школе», стр. 24. 1928.

Ленин еще в первые годы революции подчеркивал гигантскую роль учителя и школы в деле воспитания новых людей. «Это,—говорил он,—есть аппарат, который должен двигать работу, будить мысль, бороться с предрассудками, которые еще до сих пор существуют в массах» [1].

В годы борьбы за первую-и вторую пятилетки, когда вопрос о подготовке кадров культурных и сознательных строителей социализма вырос в большую и решающую проблему, вопросы воспитания, образования и культуры новых поколений встали перед партией во весь рост.

Школа требовала гораздо более непосредственного идеологического руководства со стороны партии еще и потому, что под воздействием школы вырастают сейчас уже не тысячи, а миллионы будущих участников социалистического общества. До революции в начальной и средней школе обучалось всего 5 532 тыс. человек. В настоящее время в массовой школе обучается 26 500 тыс., а в 1937 г. в ней будет уже 36 млн. учащихся. Эти громадные цифры означают живые и растущие кадры новых людей, выработкой революционного мировоззрения которых должна под руководством партии заняться прежде всего советская школа.

Именно по этой линии шли директивы партии, начиная с решения о введении всеобщего обучения (от 25 июля 1930 г.), о перестройке школы в политехническую школу, с постановления об увеличении об'ема общеобразовательных знаний учащихся (от 5 сентября 1931 г.), с предложения Наркомпросу создать новые учебные программы и усилить в них элементы историзма, с директивы ввести специальные курсы всеобщей истории (от 25 августа 1932 г.), с предложения создать стабильные учебники (в начале 1933 г.) и кончая последним историческим решением от 16 мая 1934 г.

Это решение и указания товарища Сталина должны привести к радикальной перестройке всей системы исторического образования, а также к улучшению всего дела подготовки научных и педагогических кадров, без которых невозможна намеченная перестройка.

Именно для этой цели в Москве, Ленинграде и в ряде других крупнейших городов Союза созданы специальные исторические факультеты при университетах. Эти новые факультеты должны на практике реализовать директиву товарища Сталина о повороте к исторической конкретности, о постановке всего дела исторического образования на бо́льшую научную и политическую высоту.

Подготовка высококвалифицированных и политически выдержанных кадров преподавателей является сейчас актуальнейшей задачей в области перестройки исторического образования. Партия и правительство уделяют этой задаче большое внимание. Обязанности органов Наркомпроса, наших педагогических вузов и исследовательских учреждений по отношению к преподавателям средней школы сейчас особенно велики. Повышение квалификации педагогических кадров в области истории является непременным условием правильного преподавания истории.

Учиться и переучиваться—вот что нужно почти всему без исключения преподавательскому составу историков средней школы. Аспирантура наших педагогических вузов и исторических факультетов, университетов должна быть поставлена в совершенно иные условия подготовки к своей будущей преподавательской деятельности, чем это было до сих пор. Директивы партии касаются, однако, не только нашей средней и высшей школы, но и наших научно-исследовательских институтов и организаций, работающих в области исторической науки. Поставить историческое образование на большевистские научные рельсы можно только при еще более вы-

[1] Ленин. Т. XXV, стр. 453.

соких темпах и еще лучшем качестве научно-исследовательской работы, чем до сих пор. Перед учеными-историками возникает целый ряд новых проблем, которые ставятся новыми требованиями преподавания в связи с указаниями товарища Сталина. Научный исторический фронт стоит перед ответственной задачей конкретной помощи школе.

Пересмотр и выработка новых учебных планов уже дают свои положительные результаты. Материалы работы кафедр исторических факультетов, учебные планы и программы наших вузов позволяют отметить успешную работу по перестройке исторического образования в высшей школе.

Материалы обследований преподавания истории в средней школе характеризуют громадные сдвиги по пути выполнения директив товарища Сталина и реализации решения ЦК и СНК от 16 мая.

«Как идет сейчас в школах борьба с коренными недостатками в преподавании истории?»—спрашивает отчет 36-й школы СОНО (Москва) и отвечает: «Прежде всего педагоги восстанавливают в своей памяти или вновь овладевают конкретной историей. Педагогам приходится много и упорно заниматься самим, тщательно готовиться по содержанию уроков. Большое, почетное, основное место заняла в преподавании историческая карта, изготовляемая учащимися под руководством педагогов. Педагоги сообщают учащимся и требуют от них конкретных твердых знаний, основных хронологических дат. Учитель чаще спрашивает учащихся. Ярче стало слово педагога, живее и занимательнее рассказ учащихся. В рассказе учителя встают перед учащимися образы исторических деятелей, в отрывках из исторических документов звучат их слова. Большое место в преподавании истории занимают исторические картины, таблицы, частью вынутые из школьных архивов, частью изготовляемые учащимися в порядке самооборудования педагогического процесса».

Аналогичную картину рисуют и многие другие отчеты. В преподавании истории в средней школе еще много недочетов, много перегибов и трудностей. Но перегибы исправляются, трудности преодолеваются. Здесь, как и во всей нашей грандиозной стройке, решают все живые люди, их творческая инициатива, их большевистское упорство, их горячий энтузиазм.

Преподавание истории имеет твердый большевистский компас—директивы и указания вождя партии товарища Сталина. Научиться двигать вперед наше историческое образование, следуя этому компасу,—такова конкретная и почетная задача всех тех, кто работает над перестройкой исторического образования в СССР.

О зиновьевской оппозиции и ее контрреволюционных подонках

Вся страна, весь пролетарский мир охвачены единодушной ненавистью к фашистским подонкам зиновьевской антипартийной группы и к людям, вырастившим этих негодяев, создавшим контрреволюционную «идеологию» для фашистских убийц.

Широкие круги членов нашей партии знают, что зиновьевская оппозиционная, антипартийная группа оформилась в период между XIII и XIV партс'ездами. Но история зиновьевской антипартийной линии уходит в значительно более далекое прошлое.

Известна оппортунистическая позиция Каменева по вопросу об империализме, когда он скатывался к гильфердинговщине. Известна его позорная роль во время суда над большевистской фракцией Государственной думы, когда он позорно отмежевывался, «страха ради», от последовательно-революционной линии большевиков. Ленин клеймил тогда в центральном органе большевиков — «Социал-демократе» — его недостойное революционера поведение. Недавно опубликованное письмо Ленина к Зиновьеву показывает, как Ленин разоблачал в 1916 г. двуличную политику Зиновьева. Речь шла тогда о необходимости издания самостоятельного теоретического органа партии «Сборник социал-демократа» вместо «Коммуниста», в котором участвовал Бухарин и др., намеревавшиеся протаскивать свои антимарксистские взгляды. «Партийное — и международное — положение теперь таково, — писал тогда Ленин, — что ЦК должен продолжать идти вперед самостоятельно, не связывая себе руки ни в русских, ни в международных делах». Зиновьев, вторя Шляпникову, фактически вел за спиной Ленина другую линию. Считая нужным осуществить соглашение об издании «Коммуниста», они прикрыли шатания Бухарина и давали ему возможность установить фракционные связи с Россией и с заграницей.

Зиновьев подписал письмо (что требовал Ленин) от редакции ЦО группе Бухарина о том, что редакция отказывается от участия в «Коммунисте», так как брать ответственность за таких соредакторов ленинский «Социал-демократ» не мог и не хотел и так как «отношение их к делу непартийное» [1].

Однако вместе с этим за спиной Ленина Зиновьев списывался с Шляпниковым, советуя ему оказать давление на Ленина и добиться от него уступок. Эти махинации Зиновьева вскрыл тогда Ленин, квалифицируя

---

[1] Письмо В. И. Ленина Г. Е. Зиновьеву. «Пролетарская революция» № 4 за 1934 г., стр. 76 — 77.

поведение Зиновьева как «отречение от всей нашей политики». Когда было написано письмо, говорит Ленин, «...Ваш прямой и безусловный долг был после этого всеми силами напасть на издателей, порвать с ними окончательно и употребить всяческие усилия, чтобы доказать Александру невозможность иметь дело с этими г.г., как редакторами руководящего журнала.

Вместо этого Вы предлагаете сдаться им, отказаться от всяких условий, взять назад Вами же подписанное письмо от редакции Ц. О.! И это — под предлогом, что «их не стоит брать всерьез»: на деле Вы предлагаете, чтобы Вашу политику не брали всерьез; Вы сводите письмо редакции чорт знает к чему, отрекаетесь от себя и даете право издателям сделать вывод, что редакция Ц. О. самодурствовала!

Это уже не только колебания, это такие колебания в кубе, которые превращаются в нечто гораздо худшее» [1].

«...Вы знаете,— пишет далее Ленин,— что в Кинтале Радек хотел майоризировать нас среди левых, на совещании левых, пользуясь Фрелихом, Робманшей и т. п., и что потребовался ультиматум для того, чтобы заставить его признать самостоятельность нашего ЦК. Какую еще «игру» поведут на этом люди, когда встанет вопрос об отношении к Junius'у (вопрос этот уже встал) или о «механическом отделении» от каутскианцев и пр.! Вы ручаетесь, что никакой?? Если да, то это равнялось бы с Вашей стороны отречению от всей нашей политики. Если нет, то безумно связывать себе руки после этого в редакции нашего руководящего журнала.

Ни в коем случае я на эту безумную политику не иду. Это мое окончательное решение» [2].

Дальнейшая история показала, что для Зиновьева «отрекаться от себя», от своих заявлений и обманывать партию, как он обманывал Ленина, стало, можно сказать, профессией. Мало того, Зиновьев и Каменев привили подобного рода политику всей своей группе, воспитывая кадры оппозиции в этом духе.

Вся оппортунистическая линия оппозиции теснейшим образом связана с позицией Зиновьева и Каменева в дни Октября. Они тогда выступили против Октябрьского восстания, против социалистической революции в России, исходя из того, что большевистская партия не может и не должна брать власть в свои руки, так как страна не подготовлена для перехода к социализму. Они целиком и полностью скатывались на позицию II интернационала в данном вопросе. В то время как Ленин, Сталин, Центральный Комитет партии звали рабочий класс на борьбу за свержение капиталистического строя, Каменев и Зиновьев предлагали создать правительство из всех так называемых социалистических партий, т. е. включить в него вместе с большевиками злейших врагов пролетариата — меньшевиков и эсеров, уже полностью разоблаченных как прислужники буржуазии. Только Зиновьев и Каменев из всего состава ЦК голосовали против вооруженного восстания в Октябре. И мало того, они выступили в полуменьшевистской газете против решений партии, тем самым открывая врагу решение ЦК о подготовке восстания.

«Каменев и Зиновьев выдали Родзянке и Керенскому решение Ц.К. своей партии о вооруженном восстании и о сокрытии от врага подготовки вооруженного восстания... — писал Ленин. — Это факт. Никакими увертками нельзя опровергнуть этого факта. Двое членов Ц.К. кляузной

---

[1] Письмо В. И. Ленина Г. Е. Зиновьеву. «Пролетарская революция» № 4 за 1934 г., стр. 76 — 77.

[2] Там же, стр. 78.

ложью перед капиталистами выдали им решение рабочих. Ответ на это может и должен быть один: немедленное решение Ц.К:

«Признав полный состав штрейкбрехерства в выступлении Каменева и Зиновьева в непартийной печати, Ц. К. исключает обоих из партии»[1]. «Штрейкбрехеры» — с этой позорной кличкой вошли они в историю великой Октябрьской революции.

Оценивая их позицию в период Октября, товарищ Сталин писал: «Они прямо говорили тогда, что, подымая восстание, мы идем к гибели, что нужно ждать Учредительного собрания, что условия для социализма не назрели и не скоро назреют. Из этой же установки исходил Троцкий, когда он шел на восстание. Ибо он прямо говорил, что ежели победоносная пролетарская революция на западе не подоспеет на помощь в более или менее близком будущем, то глупо было бы думать, что революционная Россия может устоять против консервативной Европы...

Вот почему Троцкий и Каменев с Зиновьевым нашли общий язык на десятом году Октябрьской революции»[2].

Не ограничиваясь борьбой против восстания до победы Октябрьской революции, эти «штрейкбрехеры» снова выступили против Ленина уже в тот период, когда власть была в руках пролетарской диктатуры. Они снова добивались создания коалиционного правительства и были поддержаны в этом вопросе рядом других оппортунистов. Эта позиция означала передачу уже завоеванной власти снова в руки соглашателей, в руки буржуазии. Вместо Ленина, стоявшего во главе первого Совнаркома, они, таким образом, предлагали поставить буржуазных приспешников, злейших врагов пролетариата—Авксентьева или Чернова.

Каменев за свою оппортунистическую линию был снят тогда с поста председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета советов.

В период подготовки к XIV с'езду зиновьевская оппозиция выступила с развернутой атакой на всю линию партии. В этот период Зиновьев и Каменев сочиняли свои оппортунистические теории и платформу, готовили силы для борьбы против ЦК. В этом духе велась вся подготовка к XXII ленинградской конференции. В Ленинграде, где тогда работал Зиновьев, широко практиковались фракционные совещания для пропаганды зиновьевской платформы и «обработки» своих сторонников. На этих совещаниях развертывалась критика линии и работы ЦК и вырабатывались антиленинские теории по всем важнейшим вопросам политики партии. Так, зиновьевцы характеризовали наш строй как госкапитализм, рассматривали новую экономическую политику как сплошное отступление. В то время как Ленин при введении нэпа указывал, что партия временно отступила для того, чтобы перегруппировать силы пролетарской диктатуры и повести новое наступление на капиталистические элементы для построения социализма в нашей стране, Зиновьев в корне извращал это ленинское учение. «Нэп — это отступление, — писал Зиновьев. — Когда созреет пролетарская революция в других странах и пролетариат Запада придет нам на помощь, тогда мы снова начнем наступление. Пока же мы имеем лишь передышку». Эта установка безусловно привела бы нашу страну, первую страну пролетарской диктатуры к поражению. Поэтому и все наши предприятия, которые Ленин называл «предприятиями последовательно социалистическими» и которые составляют крепость социалистической экономики, оппозиционеры характеризовали как «госкапиталистические». Ясно, что госкапиталистические предприятия и их рост не могут привести к со-

---

[1] Ленин. Т. XXI, стр. 355.
[2] Политический отчет XV с'езду партии.

циализму и нет надобности за это бороться — таков был прямой вывод из этой пораженческой зиновьевской идеологии.

В тесной связи с этой антипартийной линией стояли утверждения Каменева и Зиновьева о наших взаимоотношениях с крестьянством. Зиновьев прямо писал, что партия должна проводить политику нейтрализации середняка. Если партия, строго руководствуясь положениями Ленина о взаимоотношениях с крестьянством, считала, что она строит социализм в союзе с середняком, опираясь на бедноту и борясь с кулаком,— то оппозиция выступала против союза с середняком. Вопреки совершенно ясным выступлениям Ленина на X с'езде партии о политике союза с средним крестьянством зиновьевцы клеветнически утверждали, что Ленин стоял за нейтрализацию середняка при диктатуре пролетариата. Зиновьевцы, таким образом, выступали против основного стратегического лозунга Ленина по крестьянскому вопросу. Чтобы «напугать» партию и рабочий класс, чтобы заставить партию отказаться от проводимой ею политики в отношении крестьянства, Каменев и Зиновьев начали панически раздувать кулацкую опасность. Оперируя явно неверными цифрами, они утверждали, что кулачество держит две трети хлеба в своих руках. «Центральной фигурой» деревни является не середняк, а кулак, кулаки «затопили» все низовые сельские органы, вопил Каменев, рассчитывая дискредитировать линию Центрального Комитета, посеять панику в рядах партии и добиться проведения своей оппортунистической линии.

В отношении партийного строительства оппозиция выдвинула явно меньшевистское требование. Желая выставить себя защитниками пролетариата и пролетарского состава партии, зиновьевцы демагогически требовали, чтобы к следующему с'езду партия включила в свои ряды 90% рабочих от станка. Это требование означало, что партия в течение года должна принять 4—5 млн. новых членов, т. е. почти всех рабочих нашей страны. Проведение такой политики нарушило бы все традиции большевизма, уничтожило бы различие между партией как авангардом пролетариата и беспартийной массой, растворило бы партию в классе и привело бы к потере руководства и к ослаблению диктатуры пролетариата.

Требование оппозиции о приеме в партию было направлено прямо против установок Ленина по этому вопросу, которые он выдвигал в марте 1922 г. В письме на имя тов. Молотова «Об условиях приема новых членов в партию» Ленин прямо подчеркивал тогда грубейшие оппортунистические ошибки Зиновьева по вопросу о приеме в партию. «Я считаю,— писал Ленин,— крайне важным удлинить стаж для приема новых членов в партию. У Зиновьева стаж определен в ½ года для рабочих и год для остальных. Предлагаю оставить полгода только для тех рабочих, которые не меньше 10 лет пробыли фактически рабочими в крупных промышленных предприятиях. Для остальных рабочих назначить 1½; 2 года назначить для крестьян и красноармейцев и 3 года для остальных. Особое из'ятие допускается с совместного разрешения Ц.К. и Ц.К.К.

Я считаю крайне опасным оставить без изменения предлагаемые Зиновьевым краткие сроки» [1].

Таким образом, зиновьевские ошибки, а не ленинские указания взяла оппозиция в качестве своей платформы. Мы видим, что при первом же случае Зиновьев вытащил свои оппортунистические взгляды о приеме в партию, разоблаченные Лениным, и выдвинул их в противовес партии.

Зиновьевская оппозиция, организуя своих сторонников перед XIV

---

[1] Ленин. Т. XXVII, стр. 209. 3-е изд

с'ездом партии и пропагандируя извращенные теории о госкапитализме, о нэпе и т. д., не остановилась перед самым гнусным, клеветническим утверждением. Вслед за Зиновьевым его ближайший соратник П. Залуцкий, бывший тогда секретарем ленинградского губкома, выдвинул клевету «о перерождении» партии, о «термидоре», пытаясь, таким образом, создать почву для борьбы против Центрального Комитета и выставляя оппозицию в качестве защитника революционной линии. Однако вся суть их антиленинских взглядов уже тогда показывала, кто действительно перерождался, скатываясь все дальше и дальше в лагерь врагов пролетарской диктатуры. Взгляды и лозунги оппозиции, выдвинутые в тот период, прикрытые «левой» фразой и меньшевистские по существу, отражали напор мелкобуржуазной стихии на нашу партию, стремление этой стихии повернуть развитие страны пролетарской диктатуры по капиталистическому пути.

Всю подготовку к XIV с'езду зиновьевцы вели с тем расчетом, чтобы составить в ленинградском губкоме заранее подобранную группу сторонников оппозиции и составить такую же делегацию на с'езд. С этой целью к тем руководящим работникам ленинградской организации, которые не соглашались с зиновьевской линией, применялись прямые угрозы, и, наконец, их вывели из состава делегации и ленинградского комитета. Все руководящие партийные органы ленинградской организации (райкомы, губком) формировались по признаку подбора сторонников оппозиции.

Однако широким массам партийной организации Ленинграда зиновьевцы не заявляли открыто о своей борьбе против линии партии, о подборе делегации, стоящей против ЦК, и т. д. Все нападки на ЦК велись пока в узких группах оппозиционеров. Партийным массам рассказывали о том, что необходимо усилить борьбу с троцкизмом, что надо вести борьбу с ошибками группы Бухарина, что основная задача ленинградской организации — борьба за ленинизм и зоркость в отношении растущего кулачества в деревне и т. д. Это было сознательным обманом партийных организаций, и только с помощью этого обмана оппозиция могла на некоторое, короткое, время получить большинство в ленинградской организации.

Готовя атаку на линию партии и сорганизовав свою группу на определенной платформе, оппозиционеры тем более скрывали это от ЦК. Вся «работа» зиновьевцами проделывалась тайно, за спиной ЦК, и вследствие этого носила особенно глубоко разлагающий, антибольшевистский характер, выращивая такие кадры, которые привыкают на словах заявлять о солидарности с политикой партии, а на деле готовить удар в спину, готовить атаку на партию. Вся деятельность зиновьевской оппозиции давала пример двурушничества. Она показала путь всем антипартийным элементам, дала пример тайной, подпольной антипартийной борьбы, прикрываемой до поры, до времени разговорами о единстве. Зиновьевская оппозиция была матерью двурушнических групп, образовывавшихся позднее и ведших борьбу с партией.

Особенное внимание зиновьевская оппозиция направила на «обработку» комсомола, стараясь привить ему свои оппортунистические взгляды. С этой целью зиновьевцы через представителей ленинградского губкома КСМ попытались завоевать на свою сторону ЦК ВЛКСМ. Однако эти попытки потерпели крах. Тогда ленинградский губкомол под прямым покровительством и по директивам зиновьевского центра попытался созвать в Ленинграде без ведома ЦК почти всероссийскую конференцию комсомола. Основной задачей этой конференции была мобилизация сил для борьбы против линии партии. Здесь зиновьевцы хотели за спиной Центрального Комитета вести пропаганду своих оппозиционных оппортуни-

стических взглядов, они рассчитывали на то, что среди молодежи будет легче спекулировать на мнимой «левизне» их лозунгов о борьбе с Троцким, о равенстве, о вовлечении в партию 90% рабочих и т. д.

Подрывная работа оппозиционеров была разоблачена ЦК, который запретил созыв этой конференции и предложил снять с руководящих постов ее подготовителей.

Разлагающая идеологическая и организационная работа оппозиции среди комсомола привела к тому, что из среды комсомольских работников Ленинграда выращивались заядлые оппортунисты и враги партии. Была создана целая теория о том, что «одно лишь партийное руководство не может обеспечить пролетарскому ядру союза руководящую роль в комсомоле». Это был прямой призыв к недоверию партийному руководству и к выработке своей политической линии, которая, независимо от партии, должна обеспечить «пролетарскому ядру руководящую роль». Там развивались и такие теории, что «комсомол революционнее партии» и что «молодежь вообще должна быть левее партии». Подобного рода теории и систематическая антипартийная работа в рядах ленинградского комсомола, выращивавшая недоверие к ленинскому руководству ЦК, к генеральной линии партии, дали свои результаты и привели уже вскоре к неслыханному выпаду против партии: на заседании бюро ленинградского губкома комсомола, после XIV с'езда партии, было провалено предложение о том, чтобы «признать решения XIV парт'езда правильными». Это было неслыханным делом во всей истории комсомола. В то время как все организации партии единодушно приветствовали решения с'езда, руководство ленинградского комсомола приняло антипартийное постановление.

Таковы были плоды того политического разврата, в духе которого воспитывали зиновьевцы членов комсомола.

Совершенно ясно, что политическая вина за это решение, как за все другие «деяния» врагов партии, вышедших из рядов ленинградского комсомола того периода, лежит на всей «новой оппозиции» и ее зиновьевско-каменевском руководстве.

На XIV с'езде партии оппозиция выставила в противовес докладчику ЦК — товарищу Сталину — своего содокладчика — Зиновьева, ясно показав всей партии, что все разговоры оппозиции о единстве партийных рядов есть сплошное лицемерие и обман. На деле это было открытым шагом к расколу партии. На XIV с'езде и XV конференции полностью была выявлена и разоблачена платформа зиновьевской оппозиции.

В основе всей ее политической линии лежало отрицание возможности построения социализма в одной стране. Товарищ Сталин, подводя итоги борьбы к XV конференции, писал: «Я думаю, что неверие в победу социалистического строительства является основной ошибкой новой оппозиции. Ошибка эта является, по-моему, основной потому, что из нее проистекают все остальные ошибки новой оппозиции. Ошибки новой оппозиции по вопросу о нэпе, о госкапитализме, о природе нашей социалистической промышленности, о роли кооперации при диктатуре пролетариата, о методах борьбы с кулачеством, о роли и удельном весе среднего крестьянства — все эти ошибки являются производными от основной ошибки оппозиции, от неверия в возможность построения социалистического общества силами нашей страны» [1].

Партия, организуя массы рабочего класса и трудящегося крестьянства на проведение очередных задач социалистического строительства, исходила из незыблемости ленинской теории о возможности победы социа-

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. [illegible]

лизма первоначально в одной стране, о возможности построения полного социалистического общества в нашей стране. Это учение лежало в основе всей генеральной линии партии. Ленин еще в годы империалистической войны, в 1915 г., доказал и обосновал эту теорию. Ленин тогда же разоблачил и разбил Троцкого, который выступил против этого учения. В период борьбы за социалистическую революцию в России, с февраля по октябрь 1917 г., Ленин и Сталин исходили во всей работе по подготовке Октября из возможности победы социализма в России и вели непримиримую борьбу с оппортунистами вроде Каменева, Рыкова, Преображенского, которые пытались отрицать эту теорию.

Ленинское учение о возможности победы социализма в одной стране лежит в основе всей политики нашей партии. После перехода к нэпу, в 1922—1923 гг., незадолго до смерти Ленин снова писал, что в нашей стране имеется «все необходимое и достаточное» для построения полного социалистического общества. Он подчеркивал, что «из России нэповской будет Россия социалистическая».

Зиновьевская оппозиция выступила против этих решающих указаний Ленина, против основного принципа, служившего руководством для всей политики партии в переходный от капитализма к социализму период, для всей практической работы по социалистическому строительству.

Еще накануне XIV партийной конференции Зиновьев и Каменев выступили на одном из заседаний Политбюро с утверждениями о том, что «партия не справится с внутренними трудностями из-за технической и экономической отсталости нашей страны, если нас не спасет международная революция». В своей книге «Ленинизм» Зиновьев, определяя нэп, проповедывал ту же идею. На с'езде и конференции оппозиция выступила с развернутым обоснованием этой антипартийной, антиленинской теории и с атаками на учение о возможности построения социализма в нашей стране. На этой позиции она стояла на всем протяжении своей борьбы.

Нужно сказать, что в рассматриваемый период вопрос о возможности победы социализма в одной стране приобрел исключительное политическое значение. Партия только что потеряла своего основоположника и вождя — Ленина. Это было на труднейшем переломе развития первой страны пролетарской диктатуры. Товарищ Сталин, характеризуя этот период и сравнивая его с кануном Октября, говорил: «Тогда, в 1917 году речь шла о том, чтобы сделать переход от власти буржуазии к власти пролетариата. Теперь, в 1925 году, речь идет о том, чтобы сделать переход от нынешней экономики, которую нельзя назвать в целом социалистической, к экономике социалистической, к той экономике, которая должна послужить материальной основой социалистического общества»[1].

Это был период, когда ясно определилась задержка в ходе мировой пролетарской революции, когда наступила частичная стабилизация капитализма и в связи с этим встал вопрос: не ведет ли эта стабилизация к тому, чтобы ослабить или уничтожить возможность построения социализма в нашей стране? С другой стороны, это был период, когда партия восстановила промышленность, ликвидировала хозяйственную разруху и переходила к реконструкции всего народного хозяйства, осуществляя наступление на путях новой экономической политики. Встал вопрос, в связи с этим, не ослабляет ли нэп возможности строительства социализма в нашей стране.

В силу этих моментов перед партией с особой остротой встал вопрос о перспективах нашей революции. Нельзя строить по-настоящему, не зная, во имя чего строишь, говорил товарищ Сталин, обосновывая величайшее значение теории о возможности построения социализма пер-

[1] И. Сталин «Об октябрьской революции». Партиздат. 1932. 106 стр.

воначально в одной стране: «Строим ли мы для того, чтобы унавозить почву для буржуазной демократии, или для того, чтобы построить социалистическое общество, — в этом теперь корень нашей строительной работы. Есть ли у нас возможность строить социалистическое хозяйство теперь, в условиях нэпа, при частичной стабилизации капитализма, — в этом теперь один из важнейших вопросов нашей партийной и советской работы» [1].

Партия ответила на этот вопрос положительно. Оппозиция отрицала возможность создания социалистического общества в нашей стране. В своих многочисленных выступлениях, платформах, в подпольной агитации оппозиция на протяжении этих лет борьбы всячески нападала на эту теорию, об'являя ее «теорией национальной ограниченности», «разрывом с марксизмом» и т. д.

Величайшей заслугой товарища Сталина является то, что он в сложнейших условиях того периода оценил и показал партии все огромное политическое значение этого ленинского учения, отстоял его в борьбе с оппозицией и развил дальше. Сталин воодушевил рабочий класс идеей о возможности победы социализма в нашей стране. Иначе не могла бы быть проведена мобилизация сил пролетариата на борьбу за те победы социалистического строительства, которые теперь изумляют весь мир.

Вопрос о возможности победы социализма в нашей стране являлся и является программным вопросом, который определил генеральную линию партии, линию всего развития страны пролетарской диктатуры. Оппозиция, выступив против партии по этому вопросу, перешла на меньшевистские позиции.

Зиновьевская оппозиция, проповедуя неверие в победу социализма в одной стране, скатилась полностью к троцкизму и стала ревностной защитницей троцкистской теории и троцкистских нападок на ленинизм. По всем основным вопросам теории и тактики партии зиновьевская оппозиция стояла на позициях троцкизма. Вместе с тем произошло и организационное об'единение обеих групп на идейной основе троцкизма. При этом лидерами обеих группировок была об'явлена взаимная амнистия. «Мы заявляем, — говорил Зиновьев на пленуме ЦК в 1926 г., — что сейчас уже не может быть никакого сомнения в том, что основное ядро оппозиции 1923 г. правильно предупреждало об опасности сдвига с пролетарской линии и об угрожающем росте аппаратного режима». То же самое сделал Троцкий, заявив, что он был неправ в своей критике ошибок Зиновьева и Каменева.

Чтобы оценить весь смысл этих заявлений, свидетельствующих о глубокой политической беспринципности, достаточно вспомнить, что говорили незадолго перед тем зиновьевцы о Троцком, который являлся теперь «вождем» об'единенной троцкистско-зиновьевской оппозиции. Тогда Каменев заявлял: «Как только партия натыкается на какие-нибудь затруднения, как только партии нужно повернуть руль, как только тов. Троцкий попытается парадировать перед партией в роли спасителя и поучителя, он всегда указывает неправильный путь, потому что в основных вопросах он не усвоил большевизма...

Партия знала, и на опыте все более и более убеждалась, что поступить по Троцкому, значит подменить большевизм троцкизмом» [2].

То же самое заявлял Зиновьев, за несколько месяцев до того десятки раз говоривший в ленинградской организации о необходимости «усилить борьбу с троцкизмом».

---

[1] Стенографический отчет VII пленума ИККИ. Т. II, стр. 18. ГИЗ. 1927.

[2] Каменев «Партия и троцкизм», стр. 51—52. ГИЗ. 1924. Разрядка моя.—*Б. П.*

Подлинная цена этих слов сказалась теперь с полной ясностью. Люди, которые еще вчера на всех перекрестках божились, что они являются наиболее непримиримыми врагами троцкизма и будут всегда вести борьбу с этим антиленинским течением, сегодня взяли троцкизм своим оружием, сделали его знаменем в борьбе против партии. Зиновьевская оппозиция проделала прямой прыжок в лагерь заклятых врагов ленинизма, которые в течение многих лет вели борьбу против партии. Этот «перелет» был показателем беспринципности, показателем неслыханной глубины падения оппозиции.

Зиновьевцы показывали пример политики, не стесняющейся никакими средствами для разложения партийных рядов, для борьбы с руководством партии, во главе которого стоял, неустанно, с железной выдержкой, защищая дело Ленина, великий, непоколебимый Сталин.

Зиновьевская оппозиция расчистила своей деятельностью путь троцкизму для его последующей борьбы; ее лидеры выступили, как говорил товарищ Сталин, в роли «дворника у Троцкого, прочищающего ему дорогу». Об'единившись с Троцким, зиновьевская оппозиция влила новые силы в троцкистскую группировку и вместе с ней скатилась на путь антисоветских выступлений накануне XV с'езда.

Этим об'единением руководило лишь одно стремление — собрать все силы, всех противников партийной линии для атак на Центральный Комитет партии.

Подобного рода политикой создавалась, творилась новая «философия» — проповедь использования каких угодно средств для достижения своей цели, для свержения партийного руководства. Вся последующая деятельность оппозиции показывает, что она действовала, исходя из этой установки.

На XIV с'езде партии Зиновьев, будучи жестоко разгромлен, видя это и желая подготовить силы для дальнейшей борьбы, бросил призыв к об'единению всех антипартийных группировок. Он предложил «привлечь к работе все силы всех бывших групп в нашей партии и дать им возможность работать». И вскоре троцкистско-зиновьевская группа сплотила вокруг себя все оппозиционные подонки и включила их в ряды «об'единенной оппозиции». Она привлекла группу «рабочей оппозиции» Шляпникова — Медведева, которую, по предложению Ленина, X с'езд партии осудил как анархо-синдикалистскую и которая снова активно зашевелилась, увидя атаки новой оппозиции против ЦК. Затем оппозицией была привлечена группа «демократического централизма» Сапронова — В. М. Смирнова, явно скатывавшаяся к контрреволюции. Троцкистско-зиновьевская оппозиция всецело поддержала охвостья Оссовского, который выступал за развитие в нашей стране буржуазного парламентаризма и заявлял о необходимости разрешить существование в СССР многих партий, в том числе и партий, могущих защищать интересы капиталистов — нэпманов. Не ограничиваясь собиранием врагов партии в Советском Союзе, оппозиция сколачивала вокруг себя оппортунистов всех мастей в рядах Коминтерна. Пользуясь тем, что Зиновьев работал в Исполкоме Коминтерна, оппозиционеры установили связь с оппортунистическими и исключенными из рядов компартии врагами коммунизма вроде Маслова, Корша, Урбанса Вебера в Германии, Суварина во Франции и т. д.

Так обстояло дело с привлечением и сплачиванием в один блок всех оппортунистических, враждебных партии сил. Так же обстояло дело в отношении средств борьбы. Оппозиция не стеснялась в их выборе, выходя с первых же шагов за рамки партийности. Будучи разгромлена на XIV с'езде, потерпев поражение в ленинградской организации, которая изгнала зиновьевцев как только узнала их подлинные взгляды, оппозиция организует конспиративные собрания своих сторонников, уходит в под-

полье для скрытой борьбы и подготовки новых боев против партии. Летом 1926 г. зиновьевцами было созвано конспиративное собрание в лесу, под Москвой. Были установлены свои клички, пароль и т. д., заслушивался доклад, противопоставленный линии Центрального Комитета, и обсуждались меры борьбы против ЦК. Оппозиция организовывала из своих сторонников тайные кружки, группки, которые снабжались от ее лидеров: Троцкого, Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Залуцкого, Бакаева и т. д. — литературой, платформами, листовками и прочими «материалами». Устанавливалась своя гнусная фракционная мораль о том, как держать себя в случае провала в контрольных комиссиях. Таким образом, создавалась своя, проникнутая идейным маразмом, система тайной, разлагающей и не стесняющейся в методах борьбы против партии и ее руководства.

Центральный Комитет партии, вскрыв ряд фактов антипартийной фракционной деятельности оппозиции («лесное собрание» и др.), резко осудил ее, исключил Лашевича, организатора этого собрания, из состава ЦК и предупредил, что партия будет принимать более резкие меры по отношению к антипартийным элементам, если они не прекратят своей борьбы.

Центральный Комитет широко показал и раз'яснил партии всю антиленинскую, меньшевистско-троцкистскую, ликвидаторскую сущность платформы оппозиции и вредную суть ее фракционной деятельности (решения июльского пленума ЦК 1926 г.).

К концу 1926 г. оппозиция, потерпев еще ряд поражений, будучи жестоко побита на собраниях рабочих ячеек Москвы и Ленинграда, куда она сделала вылазку, подала 4 и 16 октября заявления в ЦК. Она признавала ошибочными свои обвинения ЦК, осудила исключенных из Коминтерна оппортунистов, заявила о недопустимости фракционных методов борьбы и призывала своих сторонников распустить созданные фракционные организации. Однако эти заявления были не чем иным, как обманом партии. Дальнейшая деятельность оппозиции показала, что это был лишь бесчестный маневр с ее стороны. Своей фракционной и раскольнической деятельности оппозиция не прекратила. На XV партконференции и VII пленуме Исполкома Коминтерна лидеры оппозиции снова выступили с защитой своей платформы, своего утверждения о невозможности построения социализма в нашей стране, давая этим сигнал своим единомышленникам к развертыванию борьбы с партией. Одновременно оппозиционеры продолжали вести фракционную, разлагающую работу, нарушая данные партии обещания. В начале 1927 г. Зиновьев на широком беспартийном собрании, посвященном юбилею «Правды», выступил с критикой политики партии. Вскоре после этого оппозиция сфабриковала так называемое «заявление 83» и собирала по всей стране подписи под этой платформой. Подписавшихся оказалась маленькая, ничтожная кучка. Все, что было лучшего в оппозиции, отошло от нее и боролось за линию партии. В своей платформе оппозиция противопоставила свою оппортунистическую линию генеральной линии партии по всем вопросам и скатилась, по существу, на платформу контрреволюции. К концу 1927 г. оппозиция окончательно сорганизовалась в свою отдельную подпольную партию со своим центром, с соответствующими местными комитетами, членскими взносами, своей фракционной дисциплиной и т. д. Не ограничиваясь борьбой против партии, оппозиционеры перешли к явно антисоветской деятельности. Они выступали на беспартийных собраниях, организовывали подпольные типографии, пользуясь при этом помощью прямых врагов советской власти. Оппозиция вступила в союз с буржуазными интеллигентами, которые были прямо связаны с белогвардейцами, подготовлявшими заговор для свержения советской власти. Оппозиция выступила против манифеста о 7-часовом рабочем дне. И, наконец, в 10-ю годовщину Октябрьской революции она вышла на улицу со своими лозунгами и вы-

талась организовать открытую антисоветскую демонстрацию. Все эти факты показывали, что оппозиция скатилась на путь открытой борьбы против пролетарской диктатуры.

XV с'езд партии, собравшийся в декабре 1927 г., исключил из партии 75 активных деятелей оппозиции. Вслед за Троцким и Зиновьевым были исключены Каменев, Евдокимов, Залуцкий, Раковский, Бакаев. Тогда же были исключены Котолынов, Румянцев и др.

С'езд дал следующую итоговую характеристику антипартийной и антисоветской троцкистско-зиновьевской оппозиции:

«XV с'езд констатирует, — говорилось в резолюции, — что, несмотря на предупреждение XIII с'езда партии, отметившего «мелкобуржуазный уклон» группы Троцкого, и несмотря на предупреждение XV Всесоюзной партконференции о «социал-демократическом уклоне» об'единенной под руководством Троцкого оппозиции, последняя продолжала из месяца в месяц углублять свои ревизионистские ошибки, вести борьбу против ВКП(б) и учения Ленина, построив свою особую партию, вынося борьбу за пределы ВКП(б) и апеллируя к непролетарским элементам в стране против режима диктатуры пролетариата. Идеология оппозиции, открыто сблокировавшейся с ренегатами международного коммунизма (Маслов — Суварин и К°), в настоящее время сложилась и оформилась, как меньшевизм в его своеобразной троцкистской формулировке. Отрицание социалистического характера советских государственных предприятий, отрицание возможности победоносного социалистического строительства в нашей стране, отрицание политики союза рабочего класса с основными массами крестьянства, отрицание организационных принципов большевизма (политика раскола ВКП(б) и Коминтерна) логически привели троцкистско-меньшевистскую оппозицию к клевете на СССР как переродившееся термидорианское государство, к отрицанию пролетарской диктатуры в СССР и контрреволюционной борьбе против нее» (резолюция XV с'езда).

Не один раз после с'езда, после заявлений о своих ошибках и клятв о верности партии выплывали в борьбе против партии Каменев и Зиновьев. Всякий раз там, где речь шла о тайной подготовке этой борьбы, о блоке антипартийных сил, там они оказывались участниками. В сентябре 1928 г. Каменев ведет с троцкистами Переверзевым и Каплинским разговоры, направленные против линии ЦК. В тот период, когда правая оппозиция начинала снова свои атаки, Каменев разговаривает с Бухариным, пытаясь сколотить блок. Наконец, когда контрреволюционные последыши правых — Рютин, Слепков и др. — организовали свою группку, они тоже тянулись к Зиновьеву и Каменеву, обсуждали с ними свою контрреволюционную платформу реставрации капитализма.

Ошибки Зиновьева и Каменева, углубленные ими во много раз в период 1925—1927 гг., привели их к гнуснейшей антипартийной и антисоветской борьбе.

Будучи вдребезги разбиты партией и оказавшись жалкой кучкой «генералов без армии», зиновьевцы подавали заявление за заявлением в ЦК партии о своем раскаянии, о том, что они признают правильность всей политики партии и клянутся ее защищать.

Однако вся последующая деятельность зиновьевцев показала, что эти клятвы были направлены к тому, чтобы призвать своих сторонников вернуться в партию и «отсидеться» до более благоприятного момента. В конце 1927 г. Каменев и его присные, разбитые московским пролетариатом на октябрьской демонстрации, заявили, что «их дело на данной стадии развития проиграно». Головка оппозиции, таким образом, давала установку своим сторонникам сейчас внешне согласиться с линией партии

и готовиться к борьбе на следующих стадиях. Зиновьевцы обманным путем проникали в партию; бесконечно клянясь и заверяя о своей солидарности с ней, они «вползали на брюхе» в партию, с камнем за пазухой, с тем чтобы при первом удобном случае запустить этот камень в голову партии.

Таково было прошлое зиновьевской оппозиции.

Такова краткая история той организации, которая вскормила гнусных убийц тов. Кирова. Развитие этой организаций показывает, на каких ликвидаторских идеях оппозиции воспитывались ее подонки и какие разлагающие методы борьбы с партией усваивали они.

История борьбы зиновьевской оппозиции с партией показывает путь ее к трижды проклятому «ленинградскому центру».

* * *

Котолынов, Толмазов, Румянцев, входившие в одну группу с Николаевым и организовавшие убийство тов. Кирова, в рядах зиновьевской оппозиции и на ее платформе приучались к тайной борьбе против партии. Они проходили школу конспирации и обмана, разложившую их до полного маразма, на зиновьевских тайных собраниях в 1925 и 1926 гг. Именно эти люди под прямым руководством Зиновьева и его соратников организовали оппозицию в ленинградском комсомоле и проводили резолюции, отказывающиеся признать правильными решения XIV партийного с'езда.

Из этих ростков, насаженных тогда руками зиновьевцев, взращенных в школе оппозиционной фракционной борьбы, выросли теперь белогвардейско-фашистские убийцы из «ленинградского центра».

В Ленинграде, более чем где-либо в другом месте, оставались корешки оппозиции. Там, более чем где-либо в другом месте, зиновьевцы смогли на первых порах ввести в заблуждение партийцев, и там чрезвычайно остро развертывалась борьба с оппозицией. После XIV с'езда ЦК направил в Ленинград группу руководящих работников партии для раз'яснения решений с'езда и разоблачения оппозиции. Центральный Комитет направил туда тов. Кирова. На собраниях партийных ячеек заводов и фабрик Ленинграда члены ЦК раз'ясняли партийным массам антиленинскую сущность зиновьевщины, вскрывали тот обман, с которым она вела подготовку XXII ленинградской конференции.

В Ленинграде под руководством тов. Кирова быстро был сломлен хребет оппозиции. И затем на протяжении всех лет ленинградская организация, освобожденная Кировым от оппозиционного влияния и выпестованная им, была твердой опорой сталинского Центрального Комитета.

Провалившиеся со своими «теориями» о невозможности построения социализма в нашей стране, разбитые в щепки партией, выброшенные в результате своей борьбы с руководящих постов, они использовали свое пребывание в партии, руководясь примером, преподанным всей историей борьбы оппозиции, для того, чтобы лучше нанести удар партии. Они были уже отравлены зиновьевско-троцкистской идеологией и практикой, заражены ненавистью к партии, к ее руководству. С этой точки зрения подходили они и ко всем великим достижениям нашего строительства, радующим сердца миллионов рабочих.

Поэтому они не остановились перед гнуснейшим преступлением. Они убили любимца всей партии, послали пулю в одну из самых светлых голов руководителей рабочего класса.

Если в 1925—1926 гг. зиновьевская оппозиция отражала напор мелкобуржуазной стихии на партию и сопротивление со стороны классовых врагов пролетариата переходу к развернутому социалистическому наступле-

нию, то теперь подлые подонки этой оппозиции выражают звериную ненависть остатков разгромленных капиталистических классов нашей страны, раздавленных могучим ходом пролетарской диктатуры и осужденных на гибель победами развернутого социалистического наступления. Вместе с тем эти мерзавцы выражают чаяния и стремления всей международной контрреволюции, чаяния и стремления фашизма — заклятого врага первого в мире пролетарского государства.

Обвинительное заключение по делу Николаева и других показывает, что «цели и методы борьбы этой контрреволюционной террористической группы в г. Ленинграде полностью совпадают с целями и методами открытых врагов народа, — эмигрантских белогвардейских помещичье-капиталистических организаций — «Российский Общевоинский Союз» и «Братство Русской Правды» (деникинцы), открыто пропагандирующих террор, систематически перебрасывающих на территорию СССР своих агентов, в целях организации и совершения террористических актов против представителей Советской власти и осуществивших убийства тов. Воровского В. В. и тов. Войкова П. Л.». Участники бывшей зиновьевской антисоветской группы устанавливали связь с мировой контрреволюцией, с матерым контрреволюционером Троцким, об'единяясь, таким образом, со всеми врагами пролетариата. Контрреволюционные зиновьевские последыши из «ленинградского центра» мечтали об интервенции, о вооруженном нападении империалистов на СССР. Они кормились денежными подачками агентов империалистических правительств.

Таким образом участники зиновьевской группы, взращенные зиновьевской оппозицией, стоят в одном ряду с злейшими врагами нашей социалистической родины — помещиками и капиталистами, свергнутыми в Октябре и разбитыми вдребезги пролетарской диктатурой.

Никакой пощады этим врагам! Больше бдительности, зоркости в повседневной работе партии и пролетарской диктатуры!

Б. ПОНОМАРЕВ

ПО СТРАНИЦАМ ЗАРУБЕЖНОЙ ПЕЧАТИ

Откровения социал-предателя

An Autobiography. By Philip Viscount Snowden. London. 1934.

История лейбористского движения в Англии представляет крупный интерес для понимания исторических путей международного рабочего движения.

Вот почему немалый интерес представляет только что вышедшая в Англии двухтомная автобиография одного из крупнейших вождей лейбористского движения в Англии — Филипа Сноудена. Семидесятилетний Сноуден — живая история «буржуазной рабочей партии» в Англии, одна из характернейших фигур ее руководства. У него за плечами 40 лет политической деятельности; он 34 года состоял членом Независимой рабочей партии, в течение 20 лет был членом ее национального совета и шесть раз ее председателем. Сноуден — один из основателей лейбористской партии; в течение 25 лет он представлял ее в парламенте, был одним из членов руководящей «пятерки» лейбористов, занимал важнейший после премьер-министра пост канцлера казначейства (министра финансов) в обоих лейбористских правительствах.

Нынешний виконт Сноуден родился в глухой йоркширской деревушке. Отец его успел сколотить кое-какие средства, чтобы выбиться в мелкие буржуа, стал заведующим местной школой. Сноуден учился в этой школе, родители мечтали сделать из него адвоката, но на дальнейшее образование сына не хватило денег, и Сноуден поступил служащим в контору страхового общества. Среди ткачей безрадостного, глухого Йоркшира еще живы были отклики чартистского движения, в котором кое-какое участие принимал и отец Сноудена, да и сам нынешний лорд Сноуден вспоминает, как он десятилетним мальчиком нес во время демонстрации плакат с надписью «Долой палату лордов!» Рабочее движение, впрочем, находилось под влиянием либеральной партии, которая своим основным лозунгом «свобода торговли» привлекала рабочих, обещая более низкие цены на товары, в первую очередь на продовольственные продукты. Однако среди рабочих уже зарождалось стремление к самостоятельной политической борьбе. Этого было достаточно, чтобы либералы встревожились и принялись усиленно насаждать «либеральных рабочих-политиков». При Гладстоне либералы привлекали рабочих из верхушек профсоюзов на хорошо оплачиваемые должности фабричных инспекторов и на еще более почетные посты мировых судей. В 1886 г. два таких либеральных рабочих-тредюниониста были назначены товарищами министров в либеральном кабинете — факт, до того времени неслыханный в истории Англии.

Молодой Сноуден стал либералом. К тому времени он сдал экзамен на гражданского чиновника и работал в акцизе в одном из маленьких городков Шотландии. Быть может, он так бы и кончил свою жизнь исправным и ревностным акцизным чиновником. «Я был бы счастлив отдать свою

жизнь этой профессии», — пишет он, поясняя, что, мол, жалованье хотя было и невелико, но зато служба — постоянная. Но «не бывать бы счастью, да несчастье помогло»: Сноуден разбился при падении с велосипеда, получил повреждение позвоночника и остался на всю жизнь с полупарализованными ногами. Он вынужден был бросить службу и искать другое поле деятельности. Вместо проверки акцизных сборов с шотландских водочных и пивных заводов этим новым поприщем неожиданно для него самого оказался английский социализм.

«Социализм» молодого Сноудена вполне соответствовал «мещанскому и цеховому духу рабочей аристократии», нашедшему свое политическое выражение в Независимой рабочей партии. «Я осмелюсь сделать признание, — пишет Сноуден в своей автобиографии, — которое могли бы сделать многие социалисты, если бы у них хватило на это мужества: я никогда не читал Карла Маркса» (стр. 62). Откуда же черпали свой «социализм» он и ему подобные социалисты? На это Сноуден дает точный ответ: «Раннее социалистическое движение в Великобритании почерпало свое вдохновение гораздо больше из «Нагорной проповеди» чем из экономических учений» (стр. 63). Сноуден, далее, гордо констатирует, что «в те дни в социалистическом движении было мало материалистического духа. Социализм был... подобен религии — откровением свободной духовной жизни» (стр. 81). Семидесятилетний виконт, член палаты лордов, бывший министр финансов трех правительств, проводивший снижение пособий безработным, чтобы восстановить «доверие», а с ним и кредиты американских банкиров, благочестиво вздыхает: «О, если бы социалистическое движение сегодняшнего дня могло вернуть себе духовную экзальтацию и религиозную веру тех прежних дней!» (стр. 64).

Сноуден был раз'ездным агитатором, потом редактором еженедельной газеты, одновременно работал в своей деревушке в качестве члена церковного и школьного советов. Он стал настолько популярен в партии, что в 1898 г. его избрали членом национального совета, а с 1900 г. он уже выставляется, правда, безуспешно, кандидатом партии в парламент.

Тем временем развивалось движение за единство политической борьбы рабочего класса. И Конгресс профсоюзов, насчитывавших к 1902 г. уже около миллиона организованных рабочих, и мелкобуржуазные социалистические организации, претендовавшие политически представлять английский пролетариат, мыслили это единство прежде всего в форме единого парламентского представительства рабочего класса. Из этих попыток возник сначала Комитет рабочего представительства, а потом и лейбористская партия как «компромисс между социалистической партией и не социалистическими профессиональными союзами», компромисс, порожденный «особенностями английской истории, обособлением аристократии рабочего класса в несоциалистические, либеральные профессиональные союзы»[1]. На созванной с этой целью конференции профсоюзов и всех социалистических организаций лишь британские социал-демократы боролись за создание единой партии рабочего класса, «самостоятельной по отношению к капиталистическим партиям, признающей классовую борьбу и ставящей себе конечной целью национализацию средств производства, распределения и обмена». Независимая рабочая партия, наоборот, предлагала создание рабочей парламентской группы, готовой «сотрудничать с любой другой партией, проводящей в данный момент законодательные меры, отвечающие непосредственным интересам рабочего класса». Предложение Независимой рабочей партии было принято Конгрессом: политика классового сотрудничества была с самого начала положена в основу создания лейбористской партии. Живой свидетель основания лейборист-

[1] Ленин, Т. XVI, стр. 303. «Съезд английской рабочей партии».

ской партии, Сноуден, так и говорит, что «профсоюзы вошли в лейбористское движение не в качестве социалистических организаций, но с целью усилить рабочее представительство в парламенте и не имея никакой определенной рабочей программы» (стр. 114). Лишь в 1905 г. (не без влияния русской революции) ливерпульская конференция, переименовав «Рабочую группу» в парламенте в лейбористскую партию, приняла постановление, гласящее, что конечной целью партии «является свержение существующей капиталистической системы, основанной на конкуренции, и установление системы общественной собственности на все средства производства, потребления и обмена».

Впрочем, подобные формальности мало смущали Сноуденов. Уже в самом начале своей автобиографии, излагая свое политическое «кредо», Сноуден заявляет: «Мой опыт с конференциями научил меня обращать очень мало внимания на их резолюции. Из сотен резолюций, принимавшихся при мне конференциями лейбористской партии и содержавших решительную программу реформ, я вряд ли могу вспомнить хотя бы одну, которая имела какие-либо практические результаты. Конференции хотят болтать: ну и пусть болтают. Правительств, включая сюда и лейбористские правительства, резолюции конференций не касаются» (стр. 88).

С 1903 г. Сноуден избирается председателем Независимой рабочей партии. После ряда безуспешных попыток он, наконец, в 1906 г. проходит в парламент. Это был первый после двадцатилетнего правления консерваторов либеральный парламент, в котором либералы, опрокинувшие на выборах консерваторов по вопросу о введении тарифов Джозефа Чемберлена и одержавшие победу под лозунгом «свободы торговли», получили прочное большинство.

Потянулись долгие годы «органической» парламентской работы; полным ходом работала направляемая либералами и лейбористами машина буржуазной демократии — «широко разветвленной, систематически проведенной, прочно оборудованной системы лести, лжи, мошенничества, жонглерства модными и популярными словечками, обещания направо и налево любых реформ и любых благ рабочим, — лишь бы они отказались от революционной борьбы за свержение буржуазии»[1]. Лейбористские депутаты поддерживали и по мере сил подправляли и подкрашивали куцые реформы либералов, вроде страхования от старости, законопроектов об арбитраже и компенсации рабочих за увечья. Да и то, как меланхолично свидетельствует Сноуден, лейбористы еле посещали парламент, ибо парламентская работа, видите ли, уже «потеряла свою новизну». А между тем наступали иные времена, требовавшие иных песен.

Но «новые» песни реформизма не лейбористы затянули первыми, с ними выступил Ллойд Джордж. В 1909 г. он внес свой знаменитый «революционный» бюджет, борьба за который, перешедшая в борьбу палаты общин против палаты лордов, заполнила своим демагогическим шумом последующие годы. Ллойд Джордж устанавливал в своем бюджете новые налоги на сумму в 14 200 тыс. фунтов стерлингов, в том числе новый налог на земельную собственность. Сумма налога была чрезвычайно невелика даже по тогдашним временам—всего 500 тыс. фунтов стерлингов в год (одно увеличение в том же бюджете кредитов на нужды флота, а именно, на постройку четырех тогдашних морских «новинок» — дредноутов, составляло 3 млн. фунтов стерлингов). Но консерваторы, защищая самый «принцип» необлагаемости земельной собственности, выступили самым решительным образом против введения налога. Обсуждение «революционного» бюджета в парламенте продолжалось 6 месяцев. В стране была поднята невообразимая демагогическая кампания.

[1] Ленин. Т. XIX, стр. 311. «Империализм и раскол социализма».

«Ллойд Джордж, — вспоминает Сноуден, — выступал на больших митингах в стране, атакуя помещиков с силою, которая бы сделала честь коммунистическому агитатору» (стр. 199).

После принятия палатой общин бюджет был немедленно отвергнут палатой лордов. Либеральное правительство ответило внесением законопроекта о лишении палаты лордов права контроля в финансовых вопросах. Были назначены новые выборы, которые хотя и дали большинство либералам, но настолько ослабили их позиции в парламенте, что отныне либералы стали зависеть от голосов лейбористских депутатов. Это еще сильнее толкало лейбористов на тесное сотрудничество с либералами.

Все это питало недовольство рядовых членов партии. В ее рядах нарастал протест против либеральной рабочей политики. Классовая борьба обострялась, вылившись в последние предвоенные годы в огромные стачки (свыше полумиллиона бастовавших в 1910 г., около миллиона в 1911 г. и около полутора миллионов в 1912 г.).

Сноуден подробно рассказывает, как и почему он боролся против стачечного движения. «Я выступал против стачек 1911—1912 гг. по двум соображениям. Мои взгляды на этот вопрос в основном остались неизменными. Во-первых, я не верю, что стачка когда-либо может быть действительным общим средством улучшения условий труда... Во-вторых, эпидемия стачек угрожает разрушить профсоюзное движение...» (стр. 237—238). Аргументы Сноудена, как мы видим, не блещут новизной: это старые, пошлые, плоские аргументы любого предателя, любого наемного штрейкбрехера.

Обострение классовой борьбы, а вместе с тем и подрыв почвы для оппортунизма в английском рабочем движении все усиливались, когда разразился ураган мировой войны. Английский оппортунизм превратился в социал-шовинизм— «открытый, грубый союз с буржуазией и генеральными штабами». Борьба против открытого реформизма в английском рабочем движении воспроизводилась на новой исторической основе.

Война вызвала своеобразное размежевание в рядах английских «рабочих» лидеров. Британская социалистическая партия, так же как и большинство профсоюзных вождей, скатилась к открытому шовинизму, к открытой поддержке войны. Но большинство Независимой рабочей партии заняло антивоенную позицию. Ленин замечал по этому поводу: «Это — действительно исключение из правила» [1]. Однако позиция вождей Независимой рабочей партии не была позицией революционной борьбы против войны. Это была каутскианская позиция с большой примесью мелкобуржуазного, «гуманитарного» пацифизма. Это был тот же оппортунизм, успокаивающий революционные массы пацифистскими речами, оппортунизм прикровенный, робкий, лицемерный и слащавый [2]. Как выглядел пацифизм лейбористских вождей на практике, Сноуден нам показывает на ряде примеров.

Когда разразилась война, Сноуден совершал поездку по Канаде и Соединенным штатам. Этот «вождь» рабочего движения не торопился вернуться на родину, чтобы принять участие либо в войне либо в борьбе против нее. Он спокойно продолжал поездку: из западных штатов Америки направился в Сан-Франциско, оттуда в Новую Зеландию, и в то время, когда германские пушки гремели под Парижем, он об'езжал эту страну, читая лекции... о вреде алкоголя, по поручению какой-то местной «партии трезвости». Затем он проехал в Австралию и вернулся в охваченную войной Европу лишь в феврале 1915 г.

---

[1] Ленин. Т. XVIII, стр. 68. «Положение и задачи социалистического интернационала».

[2] Там же, стр. 346. «Оппортунизм и крах II интернационала».

Какими соображениями диктовалась такая позиция лейбористских вождей? «Мы были против войны,— говорит Сноуден,— не только потому, что она варварство и приносит с собой всеобщие страдания и разорение, но и потому, что война бесполезна» (стр. 362). Гендерсон думал несколько иначе: он считал, что война есть «борьба за демократию и христианство», и на этом основании вскоре вошел в качестве министра в военный кабинет Асквита. По этому вопросу, впрочем, он получил поддержку колебавшихся вначале партийных центров: исполком лейбористской партии был за вхождение, парламентская фракция большинством лишь одного голоса высказалась против, а на об'единенном собрании исполкома и парламентской фракции вхождение в правительство было одобрено семнадцатью голосами против одиннадцати. Не менее примечательна была позиция «рабочих» вождей по вопросу о введении в Англии обязательной воинской повинности. Совет профсоюзов принял резолюцию, в которой резко протестовал против введения воинской повинности, и, чтобы избежать необходимости ее введения, рекомендовал профсоюзным организациям... «удвоить свои усилия» по вербовке добровольцев в действующую армию.

Немного спустя, в январе 1916 г., на очередной конференции лейбористской партии была принята резолюция о том, что «конференция стоит в оппозиции к законопроекту о воинской повинности». Но вторая часть резолюции, гласившая «и в случае проведения закона будет агитировать за его отмену», была отвергнута. Профсоюзные лидеры были против воинской повинности, но не против войны; на той же конференции большинством двух третей голосов была принята самая шовинистическая резолюция, содержавшая выражение «ужаса по поводу немецких зверств», «убийств жен и детей» и т. д. и дававшая обещание «помогать, насколько возможно, правительству в деле успешного проведения войны».

Сноуден спокойно плыл по течению. Выступая вначале против введения воинской повинности, он вскоре стал выступать за ее расширение. «Раз воинская повинность в принципе и на деле уже была принята парламентом, — поясняет он, — не было никаких логических оснований выступать против расширения ее на мужчин всех призывных возрастов» (стр. 400).

Когда в России произошла Февральская революция, лейбористские лидеры поспешили и в этом вопросе придти на помощь своей буржуазии. Вот как рассказывает об этом сам Сноуден: «Правительство одело мистеров Уилла Торна и Джемса О'Грэди (лейбористских депутатов) в военную форму, дало первому чин полковника, а второму — чин капитана и послало их в Петроград с задачей, как ее формулировал Бонар Лоу, «насколько сумеют, вдохновить русское правительство на продолжение войны» (стр. 448). А у себя дома лейбористы подняли демагогическую кампанию сочувствия русской революции, «свергнувшей царя, чтобы успешнее продолжать войну».

Но эти «левые» маневры плохо спасали репутацию лейбористских лидеров в глазах измученных войной и требовавших мира масс. Что Сноудены и Макдональды, а с ними и профсоюзные лейбористские лидеры теряют свое влияние на массы, а, следовательно, и свою ценность для буржуазии, — понимали наиболее дальновидные английские буржуазные политики. Сноуден передает очень любопытный «откровенный разговор», который он имел с Асквитом, специально пригласившим его к себе. «Асквит был чрезвычайно заинтересован узнать от меня, как относятся к войне рядовые члены профсоюзов. Он считал, что профсоюзные лидеры не представляют мнения массы членов профсоюзов... Он с презрением отзывался об усилиях Ллойд Джорджа получить поддержку лейбористских вождей:

Ллойд Джордж подкупает их, раздавая им должности, и думает, что если он имеет поддержку лидеров, то он завоевал и рядовых членов» (стр. 442).

Окончание войны и разгром Германии вызвали новый под'ем шовинизма, усиленно раздувавшегося буржуазией. В день перемирия, 11 ноября 1918 г., Ллойд Джордж торжественно заявил в парламенте: «Сегодня в 11 часов утра положен конец самой жестокой и самой ужасной войне, которая когда-либо постигала человечество. Мы можем сказать, что в это историческое утро положен конец всяким войнам вообще». Учтя настроение масс и иллюзии, вызванные заключением мира, Ллойд Джордж поспешно провел новые выборы в парламент под лозунгами «повесить кайзера» и «Германия заплатит за все». Выборы дали ему подавляющее большинство в парламенте. Лейбористская партия понесла жестокие потери: были побиты как ее пацифистские вожди (в том числе и Сноуден), так и сторонники Гендерсона, скомпрометировавшие себя открытым сотрудничеством с правительством. Массы, как умели, выражали свое недовольство политикой лейбористской партии во время войны.

По вопросу о Версальском мире Независимая рабочая партия вела себя не менее двурушнически. В июне 1919 г. Гендерсон торжественно заявлял: «Мирный договор — не наш договор, и мы никогда не примем его. Мы не удовлетворимся, пока он не будет основательным образом перестроен». Гендерсон требовал «честного демократического мира, основанного на справедливости». «Эта точка зрения, — повествует Сноуден, — была одобрена конференцией партии, собравшейся в Саутпорте на той же неделе».

А когда тот же версальский договор был внесен на утверждение парламента, то, по словам Сноудена, «лидеры лейбористской партии не только не заявили о своей оппозиции по отношению к условиям договора, но фактически одобрили их и восхваляли авторов договора таким языком, который заслужил восторженную благодарность правительства и самых реакционных консерваторов». Лейбористский лидер Клайнс, за месяц до того поддерживавший на конференции приведенную выше резолюцию, выступил в парламенте с речью, в которой заявил:

«Мы должны чувствовать огромное облегчение при мысли, что мир был спасен победой союзного оружия... В течение ближайших лет немцы должны платить тяжелую и горькую плату за все те чудовищные правонарушения, в которых они виновны... Наша точка зрения такова, что мирный договор со всеми его недостатками является делом рук людей, которых побуждали мотивы высочайшего патриотизма и благороднейшей заботы об управлении человечеством» (стр. 529).

Клайнс был единственным оратором, которого лейбористская партия выставила в прениях по вопросу о ратификации версальского договора.

Провалившийся на выборах Сноуден занялся другой работой. Он был переизбран председателем Независимой рабочей партии; его главной задачей было бороться против того революционного духа, который начал проникать в эти годы даже в твердыню английского оппортунизма. «Это были, пожалуй, самые критические годы в истории партии, — пишет Сноуден. — Молодые люди, полные энтузиазма, но мало знакомые с социализмом, в большом числе шли в партию, и требовалось устойчивое влияние, чтобы держать их в разумных границах... Перед национальным советом партии в те годы стояла трудная задача — удерживать Независимую рабочую партию на ее традиционной линии в качестве конституционного средства распространения социализма» (стр. 533).

Спасать старый оплот реформизма было тем более необходимо, что в те годы в Англии уже началось коммунистическое движение. Повествуя об этих трудных временах, Сноуден попутно излагает свои незамысловатые взгляды на коммунистическое движение. Для него «русская коммунистиче-

ская партия является инструментом русского правительства», а «созданный ею Коммунистический Интернационал тратит огромные суммы в других странах для подготовки мировой революции». Эта полицейски-обывательская концепция достаточно характеризует взгляды Сноудена на коммунистическое движение, но Сноуден пытается углубить ее.

«Я расхожусь с коммунистами не только в вопросе о коммунизме как теории, но в вопросе о методах, при помощи которых они стремятся создать коммунистическое государство. Чистый коммунистический идеал — один за всех и все за одного — это великая концепция. Это христианский идеал совершенного общества: когда-нибудь человечество сможет достигнуть такой ступени морального развития, на которой такое общество станет возможным... Упорядоченный прогресс есть закон жизни; это жизненный принцип, двигающий людей и нации вперед. Метод демократического прогресса может быть тускл и малопривлекателен, но он является единственно надежной и верной дорогой к конечной цели» (стр. 540—541).

Чтобы исчерпать идеологический багаж Сноудена, можно привести еще два его руководящих принципа: во-первых, «в мире идет борьба между демократией и диктатурой», причем «нет никакой принципиальной или тактической разницы между правой и левой диктатурой»; во-вторых, «реформы есть самое надежное предохранительное средство от революции» (стр. 540 и 542).

В 1920 г. забастовочное движение, протекавшее во все более и более революционных формах, достигло новой, высшей точки: английский пролетариат, создав Советы действия и выдвинув новую форму массового представительства—рабочих старост, впервые в истории английского рабочего движения осуществил несмотря на противодействие своих вождей единый фронт против буржуазии, пытавшейся вовлечь страну в войну против Советской республики. Сноуден называет этот период «экстраординарной ситуацией». В рабочее движение он никогда не верил и не верит, и решение лондонской лейбористской конференции, на которой вожди профсоюзов и лейбористской партии под давлением масс были вынуждены угрожать правительству всеобщей стачкой в случае об'явления войны Советской республике, по Сноудену, «можно об'яснить только предположив, что вожди действовали под влиянием какого-то эмоциального импульса» (стр. 562).

Трудно без отвращения читать те страницы автобиографии Сноудена, где он рассказывает о крысиной возне, подленьких интригах и борьбе мелких честолюбий, которые сопровождали дележ мест в правительстве между вождями лейбористского движения. Он подробно описывает, например, как Гендерсон торговался с Макдональдом, то предлагавшим ему третьестепенный портфель даже без звания министра, то выдвигавшим его кандидатуру в военные министры, надеясь, что на этом посту Гендерсон, состоявший в то время председателем II интернационала, довольно быстро себя скомпрометирует в глазах рабочих. Первое рабочее правительство было сформировано, как подтверждает Сноуден, в целях успокоения «общественного мнения», боявшегося прихода к власти лейбористских «социалистов»: из двадцати министров пятеро были вчерашние либералы и тринадцать не имели никакого отношения к профсоюзам; последние как раз требовали более сильного представительства профсоюзной бюрократии в кабинете. Лордом-председателем совета был даже назначен лорд Пармур — вчерашний консерватор и известный церковный деятель. Сноуден получил ответственный пост канцлера казначейства.

Образование рабочего правительства было сознательным маневром английской буржуазии перед лицом роста классового сознания рабочего класса. Но все же, опасаясь давления со стороны масс и зная всю политиче-

скую бесхарактерность лейбористских вождей, дальновидные политики английской буржуазии держали первое лейбористское правительство в полной зависимости от поддержки либералов в парламенте. Асквит так формулировал создавшуюся политическую комбинацию: «Рабочее правительство должно кормиться из рук либералов». Под прикрытием мелких уступок, вроде относительного удешевления цен на продовольственные продукты, предусмотренного сноуденовским бюджетом, лейбористское правительство сначала вело по отношению к рабочим политику либеральной терпимости, поскольку рабочие не угрожали прибылям капиталистов; но когда стала подыматься стачечная волна, лейбористское правительство начало впускать в рабочие организации шпиков, посылало штрейкбрехеров, мобилизовало полицию для разгона рабочих демонстраций, подготовляло военные мероприятия против рабочих. Законопроект о национализации копей и о минимальной заработной плате горнякам был засаботирован в парламенте.

Неспособность лейбористского правительства помочь рабочим массам вызывала разочарование среди активного меньшинства пролетариата. Внутри английского профдвижения развивалось левое течение, оформившееся в качестве «движения меньшинства», усиливалось движение за профсоюзное единство, нашедшее свое выражение в англо-русском комитете, росла солидарность рабочих в их борьбе за экономические требования, росло влияние коммунистической партии.

В этих условиях консервативное крыло английской буржуазии решило положить конец эксперименту с рабочим правительством. Эта операция была произведена тремя последовательными ударами. Сначала была выставлена напоказ коррупция лейбористских вождей. Печать подняла большой шум вокруг истории о «подарке» в 30 тысяч акций, который сделал Макдональду владелец одной крупной бисквитной фирмы. Об'яснения, которые давал Макдональд, были довольно сбивчивы: это, дескать, его старый приятель хотел подарить ему автомобиль, чтобы рабочему премьеру не приходилось ходить пешком; но вместо автомобиля он почему-то подарил 30 тысяч акций своей фирмы, якобы только в пожизненное пользование, с тем чтобы Макдональд на проценты мог приобрести и содержать автомобиль. Всем было ясно, что тут дело нечисто, что Макдональд опустился до вульгарного взяточничества, ибо вскоре после этого подарка лейбористское правительство наделило друга и благодетеля Макдональда титулом баронета.

Второй удар был нанесен по вопросу об аресте коммуниста Кэмпбелла. Макдональд, заслушав доклад министра юстиции и главного прокурора, посоветовал им прекратить скандальное дело против Кэмпбелла, которое способно было раздражить рабочих.

На вопросе об аресте Кэмпбелла лейбористское правительство было свергнуто; были назначены новые выборы. Тогда последовал третий удар: за несколько дней до выборов было опубликовано пресловутое «письмо Зиновьева». Роль самого Макдональда в этом деле достаточно известна.

Лейбористская партия все же сумела на выборах несколько увеличить число полученных ею голосов, но благодаря механике английской избирательной системы она потеряла 116 мест в парламенте, оставшись с 42 депутатами. На 4½ года в Англии воцарилось консервативное правительство.

По мемуарам Сноудена трудно дать картину его роли и роли лейбористских вождей в наиболее знаменательном эпизоде наступившего правления консерваторов и в наиболее ярком эпизоде истории классовой борьбы в Англии — всеобщей стачке 1926 г. Из тысячи с лишним страниц своей автобиографии Сноуден посвящает генеральной стачке лишь восемь страничек. Он не скрывает своей радости по поводу неудачи стачки: «Профсоюзам нужен был урок, чтобы показать всю бесполезность и глу-

ность всеобщей стачки». Он с удовольствием констатирует, что «урок этой стачки был усвоен вождями профсоюзов. С тех пор еще не было повторения подобной безнадежной авантюры, да и вряд ли будет, пока сохранится в памяти этот их неудачный опыт» (стр. 731—732).

Всеобщая стачка, бывшая, с одной стороны, выражением ослабления экономического и политического положения английского капитализма, а с другой — проявлением роста классовых противоречий внутри страны и роста классового самосознания рабочих, явилась огромной вехой на пути развития английского рабочего движения. В то же время всеобщая стачка и продолжавшаяся после нее упорная борьба горнорабочих сплотили лейбористскую и профсоюзную бюрократию, толкая ее на еще более открытый союз с капиталистами. Яростная борьба, которую возобновили с новой силой лейбористские вожди против коммунистической партии, являлась показателем еще более тесного сближения их с буржуазией для борьбы против революции.

Однако вождям лейбористской партии более или менее удавалось скрашивать печальный опыт первого лейбористского правительства неизменной ссылкой на то, что это правительство зависело от голосов либералов и потому не смогло развернуть полностью свою программу. Долголетние реформистские иллюзии в английском рабочем движении не могли быть, конечно, рассеяны опытом первого «рабочего» правительства, да и субъективный фактор революционного движения в Англии — компартия — был еще слаб, чтобы суметь вырвать значительную часть рабочего класса из-под власти этих иллюзий. Когда в мае 1929 г. произошли новые выборы, лейбористская партия получила 8 380 000 голосов, став самой сильной партией в парламенте и образовав второе «рабочее» правительство, все же оставшееся в зависимости от голосов либералов.

Сноуден опять дает красочное описание драки лейбористских вождей вокруг распределения портфелей. Никогда не упуская случая рассказать какую-нибудь пакость о своих ближайших соратниках, он подробно живописует, как Гендерсон шантажировал Макдональда и надувал Томаса, добиваясь портфеля министра иностранных дел, как Томас до седьмого пота торговался с Макдональдом, стараясь получить более видный пост в кабинете. Второе «рабочее» правительство отличалось от первого, пожалуй, лишь тем, что, по словам Сноудена, «в подавляющем большинстве оно состояло из представителей п р а в о г о к р ы л а лейбористского движения» (стр. 767). Лейбористы, связанные с профсоюзами, были опять обойдены при распределении портфелей: в кабинет были включены вчерашние либералы и подозрительные авантюристы, вроде Мосли, вскоре ставшего фашистом.

В самом «рабочем» правительстве начали появляться трещины. Макдональд, забыв традиционный для лейбористской партии принцип свободы торговли, начал склоняться к протекционизму и подумывать о блоке с консерваторами. Гендерсон, обладавший, несомненно, более тонким нюхом, сообразил, что пора покидать тонущий корабль, и в мае 1931 г. поразил своих коллег по кабинету заявлением, что он хочет подать в отставку и быть назначенным в палату лордов (конечно, не без соответствующего титула). Сидней Вэбб, занимавший пост министра колоний, также вскоре подал в отставку, получив титул лорда Пассфильда и назначение в палату лордов. Идея открытого блока с буржуазными партиями в форме создания национального правительства уже носилась в воздухе и обсуждалась в парламентских кулуарах.

Наконец, в августе 1931 г. второе «рабочее» правительство было взорвано крупной буржуазией. Роль мины, подведенной под лейбористское правительство, сыграл доклад так называемой Экономической комиссии, назна-

ченной правительством для выяснения положения государственных финансов. Заключение этой комиссии было фактически ультиматумом, который лондонское Сити пред'явило правительству Макдональда. Доклад требовал снижения в ближайшие шесть месяцев государственных расходов на колоссальную сумму в 120 млн. фунтов. Больше половины этой «экономии», 66½ млн. фунтов, должно было быть получено путем снижения пособий безработным.

Сноуден весьма цинично заявляет: «Страхование от безработицы было не только выполнением гуманитарного долга, но и страхованием против революции» (стр. 847). Доклад предусматривал также снижение расходов по здравоохранению, сокращение жалованья учителям на 13 млн. фунтов, сокращение жалованья военнослужащим и полиции.

Но предоставим слово Сноудену: «Макдональд сознательно подготовлял осуществление своего плана о создании Национального правительства, которое позволило бы ему одновременно и сохранить свой пост премьер-министра и связать свою судьбу с политическими деятелями, к которым он питал бóльшие симпатии чем когда-либо по отношению к своим лейбористским коллегам. Он всегда испытывал нечто вроде презрения по отношению к профсоюзным лидерам. Еще задолго до кризиса у него сложилась идея о новой ориентации партии» (стр. 954).

Сноуден вспоминает, как за 2 или 3 года до этого дальновидный Болдуин предсказывал, что недалеко то время, когда Макдональд будет заседать с ним в одном правительстве. Буржуазные политики знали, с кем имеют дело.

«Когда лейбористский кабинет, — продолжает Сноуден, — отклонил снижение пособий безработным, Макдональд слишком поспешно сделал вывод, что это должно повлечь за собой отставку кабинета. Он ни разу не проявил никакого сожаления по поводу столь печального хода событий. Наоборот, он принялся за образование Национального правительства с таким энтузиазмом, который показывал, что вся эта авантюра ему в высшей степени приятна» (стр. 953). И далее Сноуден рассказывает инцидент, рисующий все мелкое, мещанское тщеславие главы «рабочего» правительства:

«Как я уже сказал, я не думаю, чтобы мистер Макдональд чувствовал какое-нибудь сожаление по поводу разрыва со своими лейбористскими коллегами. Дальнейшие события полностью подтвердили это. На другой день после образования Национального правительства Макдональд пришел в мой кабинет на Даунинг-стрит в очень хорошем расположении духа. Я заметил ему, что теперь он станет очень популярен в несвойственных ему кругах. Макдональд ответил, весело потирая руки: «Да, завтра любой герцогине в Лондоне захочется меня поцеловать» (стр. 957).

Впрочем, желчная и циничная оценка, которую дает Сноуден своему вождю и премьеру, вовсе не послужила для него препятствием, чтобы пойти по стопам Макдональда. Сноуден вошел в Национальное правительство и составил новый бюджет, согласно требованиям американских и лондонских банкиров. «После образования Национального правительства государственное казначейство получило в Нью-Йорке и в Париже кредиты на сумму 80 млн. фунтов стерлингов» (стр. 964). Так международная биржа оценила открытый переход лейбористских вождей в лагерь буржуазии.

Сноуден оказался умнее и дальновиднее мелкого, тщеславного карьериста Макдональда. Он не выставил своей кандидатуры в парламент на состоявшихся вскоре после образования Национального правительства парламентских выборах. Он предпочел, чтобы его наградили титулом виконта и пожизненным местом в палате лордов. Во второе Национальное правительство, сформированное после выборов на тех же основах, что и первое, он вошел уже не в качестве министра финансов, а предпочел почетный, но

мало влиятельный пост «лорда-хранителя печати», и вскоре, придравшись к тому, что Макдональд вместе с консерваторами начал проводить протекционистскую политику, он вспомнил, что всю жизнь был фритредером, и подал в отставку.

Но и сданный с почетом в политический архив, Сноуден рассчитывает, что он может еще понадобиться буржуазии.

Из своего политического «кредо» он сохранил готовность служить буржуазии до конца, ненависть к революционному движению, презрение к своим реформистским соратникам, старомодное фритредерство и упрямый пацифизм. Фритредерство в нынешний период империализма и автаркических тенденций годится лишь для музея истории. Но на своем пацифизме, соединенном с ненавистью к революции, Сноуден все же еще хочет политически играть. Не даром он заканчивает свою книгу зловещим карканьем по поводу «преступного безумия» подготовки новой войны.

Книга Сноудена дает выпуклый автопортрет одного из вождей «узкой, себялюбивой, черствой, корыстной, мещанской, империалистски настроенной и империализмом подкупленной, империализмом развращенной «рабочей аристократии»[1]. Лейбористские вожди типа Макдональда, Сноудена и Томаса — характерные фигуры английского социал-шовинизма в период кризиса капитализма и роста фашизма. Их пацифизм не может явиться идеологическим барьером, а скорее может стать составной частью идеологии английского фашизма, который, конечно, не будет импортировать готовыми свои идеологические и организационные нормы из Италии и Германии (как это без большого успеха делает сейчас не очень умный Мосли), но, усвоив уроки и итальянского и германского фашизма, будет пытаться создать свою специфическую английскую идеологию и организацию. На книге Сноудена мы видим, как история английского оппортунизма переходит в предысторию зарождающегося английского фашизма.

Б. МИХАЙЛОВ

Бернард Шоу отчитывает Герберта Уэллса

Перед самой войной Герберт Уэллс опубликовал свой роман «Освобожденный мир», в котором рисует образы распадающегося мира, разгромленного войной. И вот настало время, когда страшные картины будущего стали еще более страшной действительностью. И Герберт Уэллс встал тогда в ряды тех, кто, сами оставаясь в тылу, разжигали мировую бойню: Уэллс возглавил военную пропаганду и тем самым принял на свою ответственность тысячи и тысячи людей, погибших в мировой бойне.

В прошлом году в Англии ему об этом напомнили. Уэллс пытался оправдаться, он пытался снять с себя эту несмываемую ответственность, но это ему не удалось—последнее слово осталось не за ним.

Второго испытания своего отношения к СССР он тоже не выдержал, хотя лучшие умы человечества с честью исполнили свой долг: Ромэн Роллан, Бернард Шоу, Андре Жид, Теодор Драйзер. Им Уэллс ответил своей книжкой «Россия во мгле». Им он ответил своей книгой «Мир Вильяма Клиссольда», беззастенчиво оперируя в 1926 г. лишь теми фактами, которые видел задолго до этого, во время своего первого посещения СССР.

Это не было об'ективно. Это было нарочитым искажением советской действительности.

---

[1] Ленин. Т. XXV, стр. 196. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

С тех пор прошло восемь лет. Герберт Уэллс снова приехал в Советский Союз.

Он выступил по возвращении с речами и статьями, вызвавшими резкий ответ Бернарда Шоу на страницах английского журнала «Нью стейтсмен энд нейшен».

Бернард Шоу подчеркивает, что Уэллс не терпит никакой критики и что «малейшее противоречие повергает его в слепую ярость презрительного и исполненного красноречивой ругани нетерпения». Тем более заслуживает внимания, что Шоу выступил против Уэллса.

Бернард Шоу указывает, что Г. Уэллс встретил в СССР очень хороший прием и имел возможность беседовать с товарищем Сталиным. «Он,—пишет Бернард Шоу о товарище Сталине,—государственный деятель исключительной опытности, сравнение которого с правителями западных держав, привязанными к дикой и автоматической системе, вооруженными пустыми фразами, лживыми баснями и пыльной рутиной, похоже на сравнение с поношенными экспонатами из музея восковых фигур. Привилегия иметь беседу со Сталиным является честью и таким преимуществом, которым мог бы гордиться самый знаменитый философ-социолог».

Как известно, сам Бернард Шоу во время своего пребывания в СССР тоже имел беседу с товарищем Сталиным. Он с гордостью говорит об этом: «Я никогда не видел человека, который умел бы говорить так хорошо и вместе с тем так не спешил бы говорить, как Сталин».

Читая стенограмму беседы Г. Уэллса с товарищем Сталиным, Бернард Шоу находит, что Уэллс своими ответами все время бьет мимо цели, ибо он слишком самонадеян и хочет всех учить, не желая учиться сам: «Сталин внимательно и серьезно слушает Уэллса, правильно воспринимая его аргументацию и неизменно попадая в своих ответах прямо в точку». Бернард Шоу едко высмеивает ограниченность аргументации Уэллса.

Шоу атакует Уэллса за его теорийку, что мир могут спасти только Клиссольды.

Советский читатель может ознакомиться в переводе с романом Уэллса «Мир Вильяма Клиссольда». Уэллс в нем выводит «просвещенного» капиталиста Клиссольда как спасителя мира. Оказывается, выход из всех социальных противоречий найден: капиталисты и интеллигенция организуют «открытый заговор», распространяют свои идеи через книжечки и статейки—и все готово. Люди сделаются лучше, капиталисты перестанут быть капиталистами, пушки перестанут стрелять, аэропланы—бомбардировать, колонизаторы—угнетать колонизуемых.

Бернард Шоу пишет о «клиссольдизме» Уэллса:

«Уэллс намерен спасти мир посредством клиссольдизма. Он не сознает, что Клиссольд — это только морализирующий частный капиталист Конта и что Конт уже не имеет никакого значения потому, что он не смог решить задачу классовой борьбы. «Ротари клубы», основанные, чтобы организовать Клиссольда, почти сейчас же стали клубами, где завтракали люди, никогда не слыхавшие о Конте, о Клиссольде и даже о Герберте Уэллсе. Но Г. Уэллс верит, что клиссольдизму принадлежит последнее слово, и бестактно уверяет Сталина, что классовая борьба—бессмыслица».

«Сталин, который знает по опыту, что стоят Клиссольды, вежливо пытается привести мысли Г. Уэллса в надлежащий марксистский порядок. Но Уэллс, уверенный, что Сталин находится под гипнозом глупой формулы классовой борьбы, относится к его раз'яснениям как к не относящимся к делу скучным отклонениям от беседы и, отделавшись от них благосклонной фразой: «Я согласен со многим, что Вы сказали»,—продолжает свое утверждение значимости Клиссольда».

Шоу правильно вскрывает основу всех высказываний Уэллса: мир нужно «изменить», но с капитализмом не бороться. И Шоу прямо и решительно заявляет:

«Нельзя отрицать предпосылку Сталина, что невозможно изменить мир без захвата политической власти». Но именно этого и не может органически понять Уэллс, как видно по всем его репликам в беседе с товарищем Сталиным. По стенограмме Бернард Шоу заключает, как мягко и тактично Герберту Уэллсу развили правильную систему взглядов на мир. По стенограмме Бернард Шоу заключает, что Уэллс имел такого собеседника, который действительно мог бы его научить понимать вещи, как они есть, а не такими, какими они кажутся Уэллсу. Однако, говорит Шоу, все это производит на Уэллса меньше впечатления «чем на гуся вода».

Как водопад на муху обрушивает Б. Шоу на Г. Уэллса такую аргументацию, которая ничего не оставляет от утверждений последнего.

Б. Шоу заявляет, что «Россия разрешила все проблемы, от которых мы беспомощно пытаемся откупиться пособиями по безработице, или запугать вооружениями, или отмолиться молитвами о возрождении торговли. В ходе решения этих задач были сделаны политические открытия в прикладной политической науке—открытия наиболее животрепещущего характера и жизненной важности».

«Русские государственные деятели открыли,—пишет Шоу,—что в действительно свободной стране, т. е. в стране, которая принадлежит своему народу, чувство ответственности за эту свободу является настолько великим, что Россия была в состоянии произвести такую социальную перестройку в десять лет, которая при нашей системе потребовала бы сто лет, и то, если бы только предложение этой перестройки не привело бы к немедленному заключению ее защитников в сумасшедший дом».

Б. Шоу отмечает, что Уэллс попал в смешное положение, когда, «не замечая существования комитета интеллектуального сотрудничества — Лиги наций и всех Интернационалов—первого, второго, третьего,—предлагает России в качестве замены Пенклуб».

С убийственной иронией разоблачает Б. Шоу оруженосца «клиссольдизма»—Г. Уэллса, полностью опровергая его поспешные и поверхностные суждения.

Да, Г. Уэллс умел красиво мечтать о будущем. Но советское правительство, как пишет Б. Шоу, превратило мечты в действительность, «чтобы мир мог взять пример».

Б. Шоу энергично и решительно разрушает концепцию Уэллса о каком-то несбыточном «мировом государстве» на базе капитализма. Он настойчиво требует, чтобы Г. Уэллс понял до конца, что уже есть действительно свободная страна—СССР.

Б. Шоу заявляет, что «в России народное правительство создано людьми, которые серьезно заботятся о положении народа и посвящают себя работе ради народа».

Что может на это возразить Г. Уэллс? Пока он успешно делает только одно, а именно, ничего не делает, чтобы приблизиться к пониманию того, о чем пишет Б. Шоу и что творится на одной шестой земного шара.

Мы знаем, что на Западе есть не только такие писатели, как Герберт Уэллс, но и такие, как Бернард Шоу, Андре Жид, Ромэн Роллан, Андре Мальро, Джон Дос Пассос и Теодор Драйзер, видящие правду нового мира, питающие ненависть к лжи и лицемерию старого общества и борющиеся за освобождение человечества.

С. Д.

К тридцатилетию революции 1905 года

Ленинский сборник XXVI. ИМЭЛ — Партиздат. 1934. 453 стр. 5 р. 20 к.

К предстоящему тридцатилетию первой русской революции 1905 года Институтом Маркса — Энгельса — Ленина выпущен XXVI Ленинский сборник. Этим в основном заканчивается публикация ленинского наследства, относящегося к 1905 году. Вместе с ранее вышедшими V и XVI Ленинскими сборниками и двумя томами (VII и VIII) сочинений Ленина XXVI сборник завершает опубликование материалов этого периода, показывая нам, как работал Ленин по собиранию сил пролетариата, формированию его партии и выработке ее политической линии в период «генеральной репетиции» Октября.

Материалы, включенные в сборник, охватывают время с 9 января по ноябрь 1905 г. В этот мятежный и бурный год события развивались с исключительной быстротой, показывая непрерывное нарастание революции, невиданные еще в России по своей силе бои восставшего и возглавившего демократическую революцию пролетариата с царским самодержавием. Каждый месяц, неделя, а иногда и день приносили с собой новые проявления революционной борьбы, новые формы революционного движения рабочего класса и крестьянства и их организаций, различную расстановку классовых сил, создание целых новых партий, заявлявших, что их программы составлены «от имени революции», и т. д. После 9 января революция с каждым днем приобретала все больший размах, втягивая в свою орбиту все новые и новые миллионы во всех уголках страны.

Ленину, находившемуся в эмиграции, заграницей, нужно было прежде всего знать обстановку, иметь возможно более подробную информацию о событиях в России. Выработка общей политической линии и тактики партии невозможна была без точного знания и анализа событий. И Ленин внимательнейшим образом следит за каждым фактом революционной борьбы, собирает массу сведений о 9 января и последующем развертывании революции в Петербурге и во всей России.

Каждый Ленинский сборник дает огромный материал, наглядно подтверждающий ту важнейшую черту Ленина как вождя и создателя большевистской партии, которую характеризовал товарищ Сталин в беседе с немецким писателем Э. Людвигом: «Очень немногие из тех, которые оставались в России, были так тесно связаны с русской действительностью, с рабочим движением внутри страны, как Ленин, хотя он и находился долго за границей, — говорит товарищ Сталин. — Всегда, когда я к нему приезжал за границу — в 1907, 1908, 1912 гг., я видел у него груды писем от практиков из России, и всегда Ленин знал больше, чем те, которые оставались в России»[1].

[1] «Большевик» № 8, стр. 40 — 41. 1932. Разрядка моя,—*Б. П.*

Десятки источников использовал Ленин для того, чтобы наиболее полно и глубоко уяснить обстановку в России. Беседы с приезжавшими заграницу партийными работниками, огромная переписка с с.-д. организациями, с отдельными партийными работниками и беспартийными рабочими, русская и заграничная, немецкая, английская, французская печать — все эти источники Владимир Ильич использовал для изучения «русской действительности и рабочего движения».

Выписки из газет, главным образом иностранных, приведенные в VII разделе сборника, показывают один из источников информации о событиях в России, использованных в тот период Лениным [1].

В сборнике особенно полно представлена работа Ленина в связи с событиями 9 января. В IV разделе воспроизведены статьи, корреспонденции и заметки, печатавшиеся в №№ 3, 4, 5 «Вперед». Здесь на основании сообщений из России Ленин дает уже свою оценку событиям и указывает путь, по которому должны идти местные социал-демократические большевистские организации в своей работе.

Обстановка политической жизни в России к началу 1905 г. все больше и больше накалялась. В ростовской забастовке 1902 г., всеобщей стачке на юге России в 1903 г., в первомайских событиях в Харькове и т. д. выросший и сконцентрированный на крупнейших предприятиях рабочий класс России показывал уже тогда всему миру ту новую силу, которая созрела в России и которая призвана была возглавить вековую борьбу народов России с самодержавием и повести их дальше, к борьбе за социализм.

Царское правительство в это время вело войну с Японией и потерпело уже к началу 1905 г. ряд крупнейших поражений. За несколько дней до «Кровавого воскресенья» пал Порт-Артур и ясно выявилось начало общего поражения царского правительства в войне с Японией. Ленин в своей статье о падении Порт-Артура дал блестящую оценку этому событию, в котором «не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению» [2].

Военный крах не мог не оказаться началом глубокого политического кризиса, писал Ленин 14 января 1905 г.; когда 9 января рабочая демонстрация в Петербурге, шедшая к царю с петицией, была расстреляна,— это вызвало всеобщее возмущение. Ленин определяет это как «начало революции в России». «Рабочий класс, как будто остававшийся долго в стороне от буржуазного оппозиционного движения, поднял свой голос. С головокружительной быстротой догнали широкие рабочие массы своих передовых товарищей, сознательных социалдемократов. Петербургское рабочее движение шло за эти дни поистине семимильными шагами. Экономические требования сменяются политическими. Стачка становится всеобщей и приводит к неслыханно колоссальной демонстрации, престиж царского имени рушится навсегда. Начинается восстание. Сила против силы. Кипит уличный бой, воздвигаются баррикады, трещат залпы и грохочут пушки. Льются ручьи крови, разгорается гражданская война за свободу. К пролетариату Петербурга готовы примкнуть Москва и Юг, Кавказ и Польша. Лозунгом рабочих стало: смерть или свобода! — так пишет Ленин в своей статье «Революция в России», помещенной в XXVI сборнике (стр. 107). Материал сборника (раздел IV) показывает, как Ленин следит за ходом событий после 9 января, дает в газете «Вперед» картину их полного разворота

[1] Необходимо отметить, что работа по подготовке сборника к печати проделана недостаточно тщательно.

Допущен, например, ряд искажающих смысл ошибок при переводе ленинских выписок из иностранных газет. Подобного рода недостатки недопустимы в изданиях ИМЭЛ, выпускающего работы классиков марксизма.

[2] Ленин. Т. VII, стр. 49. 3-е изд.

по всей стране и определяет задачи пролетариата и его организованного партийного авангарда в революционной борьбе.

Особенный интерес представляют в этом разделе наряду с заметками, дающими подробное описание событий в Петербурге, статьи №№ 3, 4, 5 «Вперед», характеризующие тот бурный отклик, который нашло по всей стране «Кровавое воскресенье». С особой тщательностью собирает тогда Ленин все факты революционного движения и со страниц большевистского органа сообщает всем социал-демократическим организациям о том громадном размахе, который принимает движение.

«Во вторник, 11 января, забастовали рабочие в Вильне... В Гомеле забастовали ремесленники, приказчики, аптекарские ученики, банковые служащие и прислуга...

Затем стачечное движение стало переходить на юг и на Поволжье. Из Брянска сообщали от 15 января, что забастовали рабочие стекольного завода. Ждут стачки во всем Мальцевском районе и на рельсовом заводе. В Киеве стачка началась 17 января... Про Екатеринослав телеграммы сообщали: Типографии стали. Газет нет. Забастовали рабочие заводов Александровского, Брянского, Днепровского и Юзовского.

... Началась стачка в Тифлисе. Она перекинулась уже (20 января) на Батум.

В Нарве забастовали рабочие прядильной фабрики...» (стр. 133).

И далее следуют подробные сообщения о забастовках в Риге, Либаве, Виндаве, Митаве, Варшаве, Лодзи, Гельсингфорсе и др. городах.

Ленин, таким образом, тщательно собирая факты, показывает на страницах большевистского центрального органа растущую забастовочную волну и переход рабочего класса в наступление против самодержавия и предпринимателей.

Таких сообщений и тем более такой картины борьбы рабочие в тот период не могли получить ни со страниц легальной прессы, ни из других источников. Поэтому собирание всех фактов революционного движения и правильное их освещение имело огромное политическое значение для ознакомления революционного пролетариата и крестьянства с общим положением в стране и для выработки тактики партии в новых условиях разгоравшейся революции.

Особого внимания заслуживает написанная Лениным листовка «Первое мая».

Это было обращение партии, ее открытый призыв к рабочему классу России. Эта прокламация, как и другие, написанные Лениным, является непревзойденным образцом ленинского подхода к массам, раз'яснения сложной обстановки классовой борьбы, общих целей борьбы пролетариата и конкретных задач его практических действий в данный момент.

Ленин писал эту первомайскую листовку несколько месяцев спустя после 9 января. «Никогда еще не переживала Россия такого пробуждения от сна, забитости и неволи, как теперь... Борьба кипит теперь по всей России, бастуют рабочие, требуя свободы и лучшей жизни, льется кровь в Риге и в Польше, на Волге и на юге, поднимаются повсюду крестьяне. Борьба за свободу становится общенародной борьбой» (стр. 69).

Предельно ясно нарисовав картину безысходного положения рабочих и крестьян России, дав об'яснение грабительской войны, которую вело царское правительство, и показав рост революционного движения в стране, Ленин выдвигает конкретный лозунг действия масс: «Пусть первое мая этого года будет для нас праздником народного восстания,—давайте готовиться к нему, ждать сигнала к решительному нападению на тирана. Долой царское правительство!» (стр. 70).

Вслед за этим Ленин дает план конкретных действий по подготовке

восстания и в 10 строчках замечательно излагает программу демократической революции. Но на буржуазно-демократическом перевороте не может остановиться пролетариат и его партия. Партия, создававшаяся Лениным,— это партия пролетарской революции. Ленин воспитывает и партию и рабочий класс как борцов за социализм, за переход от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. «...Мы не остановимся ни перед какими жертвами, мы пойдем через восстание к свободе, через свободу к социализму» (стр. 71. Разрядка моя — *Б. П.)* — так заканчивает прокламацию Ленин в апреле 1905 г., используя всякую возможность для воспитания пролетарских масс в духе революционного марксизма, в духе борьбы за осуществление исторической миссии рабочего класса—создателя социалистического общества.

К вновь разысканным и впервые публикуемым ленинским материалам периода 1905 г. относится большая статья «Между двух битв». Она имеет большое самостоятельное значение и является ценнейшим дополнением к классическим работам Ленина периода 1905 г. Статья написана им 15 ноября, как раз между двумя наиболее высокими точками под'ема революционной волны пятого года: в промежутке между событиями, развернувшимися после 9 января и приведшими к восстанию «Потемкина» и всеобщей политической стачке в октябре, с одной стороны, и декабрьским вооруженным восстанием—с другой.

Ленин прежде всего разоблачает в своей статье попытку царского правительства с помощью манифеста 17 октября, с помощью реформы спастись от революции. «Посмотрите, в самом деле, на манифест 17 октября и на русскую действительность: может ли быть что-нибудь поучительнее этого признания конституции царем на бумаге и—действительной «конституцией», — действительным применением царской власти?» (стр. 98). Манифест содержит ряд обещаний: о свободе собраний, печати, о неприкосновенности личности, а на деле «граждане свободной России», неугодные самодержавию, остаются в тюрьмах, в ссылке, на деле университеты, в которых происходили собрания, закрыты полицией. Газета рабочих «Новая жизнь» конфискована.

Только либеральная буржуазия готова на сделку с царизмом, устанавливает Ленин, подтверждая рядом фактов основную большевистскую оценку роли русской буржуазии в буржуазно-демократической революции. «Переговоры Витте с вождями либеральной буржуазии имеют, несомненно, серьезнейшее политическое значение, но только в том отношении... что они показывают лишний раз, как именно и кто именно собирается хоронить русскую революцию» (стр. 96).

Но эти переговоры не будут успешны. Они обречены на провал, пишет Ленин, «потому, что революция еще жива». Мы переживаем маленький перерыв между двумя битвами—так определяет он положение 15 ноября, и гром декабрьского восстания, грянувшего через месяц, дает блестящее историческое подтверждение ленинскому прогнозу.

Отметая все рассуждения «могильщиков революции» и фактически поддерживавших их меньшевиков, раз'ясняя реакционную сущность всех рассуждений о «конце» и «закате революции» в связи с манифестом 17 октября, Ленин выдвигает в противовес им требование большевизма—развертывать дальше революцию до ее полной победы. «Нам надо завоевать не обещание свободы, не бумажку о свободе, а настоящую свободу. Нам надо добиться не унижения царской власти... а уничтожения этой власти» (стр. 99).

Рабочий класс ни на минуту не забывает о своих социалистических задачах, подчеркивает Ленин, систематически раз'ясняя идею перерастания

буржуазно-демократической революции в пролетарскую и воспитывая пролетариат в соответствии с этой идеей. «В такое время политика революционного пролетариата, сознающего свои всемирно-исторические цели, стремящегося не только к политическому, но и экономическому освобождению трудящихся, не забывающего ни на минуту о своих социалистических задачах,—его политика должна быть особенно тверда, ясна и определенна» (стр. 96. Разрядка моя.— Б. П.). Так определял Ленин линию борьбы пролетарской партии в чрезвычайно сложный период «между двух битв».

В частности необходимо отметить данную в этой же статье характеристику гражданской войны, ее этапов и отличия от других войн.

«Гражданская война,—пишет Ленин,—естественно, отличается от других войн тем, что формы сражений гораздо разнообразнее, число и состав сражающихся на обеих сторонах наименее поддается учету и наиболее колеблется, попытки заключить мир или хотя бы перемирие исходят не от сражающихся и переплетаются самым причудливым образом с военными действиями» (стр. 93).

Эта характеристика гражданской войны десятки раз была подтверждена жизнью за истекшие с того времени годы. Эта ленинская характеристика имеет актуальнейшее значение в настоящий момент и безусловно относится не только к буржуазно-демократическим революциям, но и к гражданской войне, развертывающейся в процессе пролетарской революции.

В непосредственной связи с работой Ленина по организации сил революции для борьбы с самодержавием стоит опубликованный в XXVI сборнике перевод главы из работы генерала Парижской коммуны, Клюзерэ, и набросок его биографии, сделанный Лениным.

Этот материал был помещен в № 11 «Вперед» в марте 1905 г., т. е. вскоре после 9 января и последовавшего за ним бурного роста революционного движения.

События тогда развертывались с чрезвычайной быстротой, бурно и широко поднималась волна революции. Необходимо было развернуть повсеместно подготовку пролетариата к вооруженной борьбе с самодержавием, к восстанию. И Ленин выбирает из международной литературы материал, который помог бы этому. Он организует и редактирует перевод записок генерала Коммуны, Клюзерэ, и печатает их в газете, стараясь передать широким массам рабочих опыт вооруженной борьбы международного пролетариата.

* * *

Особый раздел в сборнике занимают документы, характеризующие работу Ленина на III с'езде партии. Они дают дополнительный материал (см. V и XVI сборники) для характеристики той огромной работы, которую он вел на с'езде. Ленин не только председательствовал на с'езде, писал резолюции по важнейшим вопросам повестки дня, но и участвовал почти во всех комиссиях с'езда, вырабатывая резолюции по вопросам, даже кажущимся на первый взгляд второстепенными, писал резолюции, которые предлагались теми или другими делегатами, редактировал документы с'езда, словом, был всюду, где требовалась его руководящая и направляющая рука.

Материал, помещенный в VI разделе сборника, показывает работу Ленина в организационной и протокольной комиссиях, редакторские изменения и поправки к ряду резолюций с'езда, участие Ленина в выборах ЦК и его работу в качестве автора ряда решений с'езда. Ни одна мало-мальски важная часть работы с'езда не проходила без участия Ленина.

Особого внимания заслуживает отредактированная Лениным резолюция о меньшевистских организациях (стр. 228). Учитывая, на основе антипартийного поведения меньшевиков после II с'езда, что некоторые меньшевистские организации откажутся признать решения III с'езда, Ленин от имени с'езда в специальной резолюции «предлагает Ц. К. распускать такие организации и утверждать параллельные им и подчиняющиеся с'езду организации, как комитеты...»

Здесь с полной силой выступает ленинская твердость и непримиримость в борьбе за партию. Если меньшевики ведут к дезорганизации работы социал-демократии,—их надо беспощадно выкинуть из партии, распустить их организации и создавать свои большевистские.

Эта небольшая резолюция имеет огромное значение для понимания истории нашей партии. Резолюция показывает, как, опираясь на решения III с'езда и разоблачая меньшевиков, Ленин боролся за партию, создавал подлинно марксистскую, большевистскую партию в противовес меньшевистской, созвавшей параллельно с III с'ездом свою конференцию в Женеве.

В свете борьбы Ленина за выковывание партии важно и необходимо обратить особое внимание на те документы, которые показывают, как внимательно относился Ленин к конструированию с'езда. Он участвует в работе Организационного комитета, тщательно просматривая все мандаты делегатов, полномочия местных комитетов и т. д. (стр. 211—215).

* * *

Кроме материалов, охватывающих 1905 год, в XXVI сборнике помещены письмо Ленина к Горькому в 1908 г. и письма к Луначарскому в 1907, 1908 и 1917 гг.

В своем письме великому пролетарскому писателю Ленин всецело одобряет оценку, сделанную Горьким относительно политического упадочничества, ренегатства, охватившего так называемое «общество» и интеллигентскую публику после поражения революции 1905 г. «Я тысячу раз согласен с Вами насчет необходимости систематической борьбы с политическим упадочничеством, ренегатством, нытьем и проч. Насчет «общества» и «молодежи» не думаю, чтобы у нас было разногласие. Значение интеллигентской публики в нашей партии падает: отовсюду вести, что интеллигенция бежит из партии. Туда и дорога этой сволочи. Партия очищается от мещанского сора. Рабочие больше берутся за дело. Усиливается роль профессионалов-рабочих. Это все чудесно, и я уверен, что «пинки» Ваши в том же смысле разуметь надлежит» (стр. 43).

Эта сжатая ленинская характеристика замечательна по своему диалектическому уменью четко видеть процессы выковывания подлинно пролетарской партии и руководить ими. В бегстве интеллигенции, скатывающейся к ренегатству, Ленин видит необходимый процесс очищения партии и усиления роли рабочего партийного ядра. В то время как оппортунисты и примиренцы «ныли» и пессимистически оценивали факт отхода интеллигенции, в ленинских строках звучит исключительная бодрость, и это явление оценивается как полезное для партии. Ленин рассматривает его как очищение от мещанского сора, как усиление роли профессионалов-рабочих. «Это все чудесно»,— подытоживает общую оценку Ленин.

В своем письме, далее, он зовет Горького к участию в «Пролетарии», чтобы в нем «ввести в обычай тот жанр, который Вы начали «заметками» о мещанстве» в Новой Жизни и начали, по моему, хорошо». Необходимо, пишет Ленин, «связать и литературную критику теснее с партийной работой, с руководством партией» (стр. 44—45). Но, стараясь втянуть Горького в работу газеты, Ленин в то же время, внимательно и чутко относясь к работе великого писателя, п[illegible]

ние для рабочего класса имеют большие работы, большие художественные произведения Горького. Ленин пишет: «Если у Вас не лежит душа к небольшим, коротким, периодическим (недельным, двухнедельным) статьям, если лучше чувствуете себя за большой работой,—уж, конечно, я не посоветую прерывать ее. Она больше пользы принесет» (стр. 44).

Из писем к Луначарскому особенно необходимо остановиться на двух, относящихся к 1907 и 1917 гг.

Первое письмо Ленина излагает позицию большевиков по отношению к II интернационалу; оно дает исключительно много для понимания роли большевизма на международной арене и его борьбы со всеми проявлениями оппортунизма и центризма.

Направляя свой удар против оппортунизма и центризма в германской социал-демократии и одновременно против Троцкого, который прислал «одно сплошное славословие по поводу Эссена и немецкой социал-демократии вообще»,—Ленин пишет, что «большевизм, учась не только у немцев, но и на немцах... сумеет взять все живое у синдикализма, чтобы убить русский синдикализм и оппортунизм. Именно нам, бе—кам, всего легче и естественнее это сделать, ибо мы в революции всего больше боролись против парламентского кретинизма и Плехановского оппортунизма» (стр. 32).

То положение Ленина, что надо учиться «не только у немцев, но и на немцах», проходит красной линией во всей его работе как вождя, создавшего партию нового типа, партию, которая не терпит в своих рядах никаких оппортунистов. «Учиться на немцах»—это значило не копировать их, не только учиться у немцев, а перенимать у них все полезное, не перенимая в то же время ошибок немецкой социал-демократии, и вести борьбу с оппортунизмом, откуда бы он ни исходил. Так писал Ленин в 1907 г. В тот период, да и много раньше, для него были ясны все оппортунистические стороны немецкой социал-демократии, и он вел свою партию по другому пути, единственно обеспечивавшему создание партии нового типа, какой не являлась ни одна из партий II интернационала.

Второе письмо Луначарскому написано Лениным в марте 1917 г., вскоре после Февральской революции в России. Это ответ Луначарскому, предлагавшему созвать совещание вместе с группой «Начало». Ленин отвечает ему то же, о чем он писал с самого начала Февральской революции в «Правде», в своих исторических «Письмах издалека». Ленин подчеркивает, что совещание «целесообразно теперь лишь между людьми, готовыми предостеречь пролетариат не только против гвоздевцев, но и против колебаний Чхеидзе». И далее еще резче формулирует недопустимость сближения большевиков с другими партиями. «Именно поэтому я не теряю времени ни на одно совещание с Мартовым и К°,—пишет Владимир Ильич.—Самостоятельность и особность нашей партии, никакого сближения с другими партиями—для меня ультимативны. Без этого помогать пролетариату идти через демократический переворот к коммуне нельзя, а другим целям служить я не стал бы» (стр. 40).

Это последнее положение Ленина, характеризующее задачу развертывания буржуазно-демократической революции, ее немедленного перерастания в революцию социалистическую и задачу построения коммунизма, представляет исключительный интерес. Оно как бы подытоживает на грани двух эпох, накануне Октябрьской революции, весь жизненный путь Владимира Ильича и характеризует те цели, за которые он боролся, которым он посвятил всю свою жизнь. Эту линию борьбы «за коммуну» он проводил с самых первых своих шагов и служил только этой великой цели на каждом этапе своей жизни и борьбы.

* * *

Кроме характеристики тех статей и писем, о которых говорилось выше, необходимо остановиться еще на другом.

От собрания сочинений Ленинские сборники отличаются тем, что в них дается наряду с некоторыми, вновь найденными работами также материал, характеризующий работу Ленина над теми произведениями, которые вошли в собрание сочинений. Огромное место в сборниках занимают ленинские планы, наброски статей, различные заметки, записки о выступлениях, подчеркивания на книгах, выписки из них и т. д. В Ленинских сборниках раскрывается перед нами лаборатория самой работы Ленина.

Опубликованные планы и наброски статей показывают, как работал Владимир Ильич, какую огромную подготовительную работу проделывал он для той или иной статьи, листовки, выступления и т. д.

Ленинские сборники вместе с тем отражают всю разностороннюю, гигантскую по своему размаху деятельность Ленина как вождя и создателя партии, шаг за шагом, день за днем сколачивавшего большевистскую партию.

Огромен об'ем работы Ленина.

XXVI сборник еще раз показывает нам Ленина как создателя и редактора первого (после раскола с меньшевиками) центрального органа партии, редактора, собирающего массу материала, терпеливо и скрупулезно отделывающего все статьи каждого номера, ведущего огромную переписку с местными организациями и т. д.

Ленинская правка статей, в том числе и статей работников редакции — Луначарского, Воровского, Ольминского,—приведенная в сборнике, показывает, с какой тщательностью следил Ленин за политической четкостью всех положений, печатающихся в большевистском органе. С большой тщательностью отделывает Ленин также и свои собственные статьи. Материал, помещенный в IV разделе, показывает, как он старательно подбирает заголовки статей, чтобы наиболее метко и удачно схватить самое важное, основную мысль данной статьи. Он тщательно редактирует текст статьи, устраняя все шероховатости, подбирая более удачные выражения и т. д.

Из Ленинских сборников мы знаем, что ряд статей, вошедших в сочинения, имеет 4—5—6 вариантов, написанных Лениным, прежде чем эти статьи были окончательно отделаны и сданы в печать. Работа Ленина как автора и редактора является замечательным образцом и лучшим примером для каждого работника партии.

Ленинские сборники показывают далее всю грандиозную организационную работу Ленина. Каждая книжка сборников, раскрывая и характеризуя все новые и новые моменты этой работы, рисует нам образ величайшего организатора, какого когда-либо знала история.

Вся эта огромная работа была направлена на выковывание той силы, которая призвана была, по выражению Ленина, «перевернуть весь мир».

И сейчас можно понять все исторические причины, обусловившие создание большевистской партии, «сила и авторитет которой почти что неизмеримы» [1], только имея ввиду огромную работу гениев пролетарской организации, Ленина и Сталина, в течение десятков лет выковывавших нашу партию, равной которой не знает история.

Каждый Ленинский сборник показывает работу Ленина по созданию партии, по ее теории, стратегии, тактике и организации. Изучение этих сборников имеет огромное значение для теоретического роста партийных кадров.

Б. П.

---

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 334. 10-е изд.

„Четыре года работы Московского совета“

Издание Моссовета. 1934. 118 стр.

К выборам 1934 г. Московский совет издал два отчета о своей деятельности: один—полный, другой—сокращенный. Надо подчеркнуть особое значение выпуска сокращенного отчета, предпринятого по специальному указанию Московского комитета партии. Краткий отчет, написанный простым, ясным, хорошим языком, изданный большим тиражом, дает возможность самым широким кругам избирателей ознакомиться с той поистине громадной работой, которая проделана партией и советской властью за последние четыре года для превращения Москвы в образцовый социалистический город.

Четыре года, минувшие со времени предыдущих выборов в советы, преобразили Москву. В невозвратимое прошлое ушла не только дореволюционная «купецкая» Москва, не только полуразрушенная Москва суровых годин гражданской войны, но уже нет и той Москвы, какой мы ее знали всего четыре года назад. Отчет Московского совета за 1931—1934 гг. рисует картину изменений, которые произошли в Москве за это время.

Во всех концах города выросли корпуса новых предприятий. Москва создала первоклассную металлическую промышленность. Новые фабрики и заводы, которые составляют теперь честь и гордость пролетарской столицы, четыре года назад только начинали строиться. Завод автомобилей, завод шарикоподшипников, завод станков, завод инструментов, завод измерительных приборов и многие другие теперь построены, пущены и дают стране свою продукцию. Совершенно изменили свое лицо старые предприятия Москвы: они расширились, вооружились новой техникой.

Москва стала одним из крупнейших центров машиностроения, электротехники и авиационного строительства. И если Ленинград—наш старейший машиностроительный центр—по праву гордится тем, что в Советском Союзе нет уголка, где не работали бы те или иные машины с маркой «Сделано в Ленинграде», то теперь столь же широкое распространение получает и марка «Сделано в Москве». В отчете Московского совета приведена любопытная справка о выпуске различной продукции:

«В настоящее время московская тяжелая промышленность ежемесячно выпускает: 1700 грузовых автомобилей, 2280 моторов для трамваев, магистральных электровозов, троллейбусов, метро и т. д., 6000 тонн качественной стали, 1 400 000 подшипников, 385 станков для обработки металла, 2 270 трансформаторов, 60 компрессоров, 4 190 насосов, 10 400 карманных часов, 7 290 велосипедов, 4 470 000 электрических ламп, 3 830 арифмометров.

Даже из этого короткого перечня, охватывающего лишь небольшую часть имеющихся новых производств, видно новое лицо индустриальной Москвы» (стр. 17).

Достигнуты первые серьезные успехи в освоении новой техники и новых производств. Отчет Моссовета справедливо отмечает, что продукция московских предприятий начинает зарекомендовывать себя как первоклассная по качеству.

«Московские заводы строили самолеты, на которых советские летчики долетели до ледяного лагеря в далеком и холодном Чукотском море и спасли экспедицию «Челюскина», вызвав восторг и изумление всего мира. Московские заводы построили стратостат «СССР», установивший непревзойденный никем мировой рекорд высоты. Московские же заводы и московские научные институты создали самолет «РД», который побил мировой рекорд дальности полета без посадки» (стр. 18).

Эти три авиационные победы—достаточно хорошая рекомендация для всей московской промышленности, так как в строительстве воздушных аппаратов принимают участие почти все ее отрасли.

Легкая промышленность Москвы за эти годы расцвела, как никогда. Достаточно сказать, что текстильная продукция в текущем году превысит довоенный уровень в три раза.

«Каждый день легкая индустрия Москвы в настоящее время производит: 1 миллион 800 тысяч метров хлопчатобумажных тканей, 137 тысяч метров шерстяных и шелковых тканей, 65 тысяч пар резиновых галош, 48 тысяч пар обуви, 233 тысячи килограммов мыла, сотни видов других предметов широкого потребления» (стр. 20—21).

Правые оппортунисты, борясь против политики индустриализации страны, именно в Москве пытались создать себе базу, выступая с демагогическим лозунгом «защиты легкой индустрии». Уже давно разоблачена контрреволюционная сущность лозунгов правой оппозиции. Итоги развития московской промышленности за последние четыре года особенно ярко подчеркивают убожество и вредоносность этих лозунгов. Нет и не было у партии другого пути к расцвету легкой промышленности, как развитие в первую очередь тяжелой индустрии. Легкая индустрия Москвы, опираясь на всю мощь своей старшей сестры—тяжелой промышленности, поднялась на невиданную высоту.

Вместе с ростом промышленности Москвы растет и ее население. За четыре года число жителей в столице выросло почти на 1 миллион человек. Сейчас Москва насчитывает 3628 тысяч жителей. По количеству населения Москва заняла шестое место среди городов мира, если считать с пригородами, а без пригородов—третье место после Нью-Йорка (около 7 миллионов жителей) и Лондона (4 млн. жителей).

Особенно быстро растет в Москве численность пролетарского населения. Количество рабочих выросло за четыре года с 673 тысяч до 823 тысяч человек.

«Москва стала в полном смысле слова пролетарским центром в противовес буржуазным столицам, которые, несмотря на значительную часть пролетариата в них, приобретают все более паразитический характер». Эти слова тов. Л. М. Кагановича, сказанные в 1931 г., с еще большим основанием могут быть повторены сейчас.

Небезынтересно сравнить социальное лицо нынешней Москвы с дореволюционным временем.

По данным 1912 г., в Москве было 33 тысячи частных предпринимателей. Сейчас этой категории населения в Москве не существует вовсе.

В 1912 г. в Москве было 9 тысяч рантье. Революция ликвидировала эту социальную категорию начисто и бесповоротно.

В 1912 г. в Москве насчитывалось 7 тысяч служителей религиозных культов. В 1933 г. их оставалось около тысячи.

Зато в громадной степени выросли ряды рабочего класса, который после революции стал полным и безраздельным хозяином города. В 1912 г. в Москве было 142 тысячи рабочих крупной промышленности. Сейчас их свыше 450 тысяч. Число занятых по найму выросло с 700 тысяч человек до 1700 тысяч.

Состав московского пролетариата за последние четыре года подвергся значительным изменениям. Бросается в глаза резкое увеличение числа женщин среди рабочих и служащих. В 1931 г. среди рабочих и служащих Москвы насчитывалось 446 тысяч женщин. Сейчас их количество возросло до 710 тысяч, причем тогда женщины составляли 36,8% к общему числу трудящихся, а теперь они составляют 40,9%.

«Вовлечение женщины в производство является могучим средством под-

нятия благосостояния рабочей семьи, ибо чем больше работников в семье, тем лучше она материально обеспечена. И если в капиталистическом Берлине и в любой другой буржуазной столице десятки тысяч рабочих семей не имеют ни одного работающего, то в социалистической Москве нет ни одного трудоспособного, который не находил бы себе работы» (стр. 105).

Московскому совету в отчетный период пришлось приступить к выполнению высокой и почетной задачи—развернуть во всю ширь социалистическую реконструкцию красной столицы. По инициативе товарища Сталина, на июньском пленуме ЦК партии в 1931 г. был поставлен вопрос о реконструкции городского хозяйства Москвы. Доклад товарища Кагановича и резолюция пленума стали программой грандиозных работ по превращению Москвы в образцовый социалистический город.

Строится метрополитен. Под улицами Москвы на расстоянии почти 12 км—от Сокольников до Смоленской площади—проложен тоннель. Через несколько месяцев первая очередь метро будет сдана в эксплоатацию. Это огромное строительство требовало исключительного внимания, мобилизации больших сил и средств. Чтобы судить о размерах стройки метро, надо принять во внимание, что бетонные работы по первой очереди превышают бетонные работы Днепростроя. В старой московской городской думе не раз поднимался вопрос о постройке подземной железной дороги, ибо Москва и тогда в ней нуждалась. Но дума неуклонно отказывалась от постройки метрополитена. Столь грандиозное сооружение было не по плечу старым хозяевам Москвы. Оно оказалось под силу лишь пролетарской власти.

Строится канал Москва—Волга. Постройка этого канала превратит Москва-реку в мощную судоходную артерию, по которой будут свободно проходить самые большие волжские пароходы. Канал свяжет Москву водными путями с Балтийским, Белым, Каспийским и Черным морями. В то же время канал даст Москве в нужном количестве питьевую и промышленную воду. Уже в первые годы эксплоатации канала потребление воды в Москве будет увеличено со 165 до 250 литров на одного жителя, а в последующее время до 500 литров, т. е. Москва по потреблению воды выйдет в ряды наиболее благоустроенных в этом отношении городов мира. Канал представляет собой гигантское сооружение. Длина его—120 км, ширина—85 м, глубина—5,5 м. Воды канала будут подниматься вверх по ступеням шлюзов на 55 м, образуя по пути несколько огромных озер. Чтобы построить первую очередь канала, надо вынуть 134 миллиона кубометров земли. При строительстве Панамского канала земли было вынуто 160 миллионов кубометров. Работы на строительстве канала идут полным ходом. К настоящему времени уже вынуто 25 миллионов кубометров земли, что превышает все земляные работы Беломорстроя.

Начата новая планировка города. Приступлено к реконструкции площадей и улиц. Облик площадей и важнейших улиц за эти годы резко изменился. Асфальт стремительно наступает на булыгу. В старое время только 2% замощенных улиц приходилось на асфальт и брусчатку. Процент усовершенствованных мостовых сейчас поднялся до 25. За четыре года усовершенствованными мостовыми покрыты 255 важнейших улиц, площадей, проездов и рынков Москвы. Набережные Москва-реки одеваются в гранит. Разбиты новые скверы и бульвары. Созданы новые парки культуры и отдыха. Улицы Москвы по ночам перестали тонуть в темноте. Тусклое газовое освещение улиц заменено электрическим. За четыре года число уличных фонарей увеличено вдвое. Приступлено к сносу дряхлых строений, которые затрудняют движение и портят вид столицы. Убрана Сухаревская башня, тормозившая движение в одном из самых оживленных пунктов Москвы. От площади Ногина до площади Свердлова снесены

Китайгородская стена. Здесь возник новый широкий проспект, который мог бы украсить любой европейский город. Два огромных новых здания безукоризненной архитектуры (гостиница Моссовета и Дом Совнаркома) выросли по обеим сторонам Охотного ряда и превратили этот центральный участок города из скопления грязных лабазов в красивейшую улицу. Архитектурному оформлению площадей, улиц и отдельных домов уделяется исключительное внимание. Положен решительный конец экспериментам вагибщиков в архитектуре, которые одно время начали строить в Москве здания в виде уродливых коробок упрощенной формы. Лучшие архитектурные силы собраны в проектных и планировочных мастерских Московского совета. Москва становится красивым и удобным городом.

Широким фронтом развернуто новое жилищное строительство. За четыре года выстроено 2300 жилых домов. В новые дома вселено 500 тысяч человек. Совершенно прекращено строительство деревянных бараков и так называемых стандартных домов. Строятся исключительно капитальные дома. Ликвидировано наследие прошлого — пресловутые казармы на текстильных фабриках, построенные в свое время капиталистами. 72 казармы превращены в благоустроенные, чистые и светлые дома. 13 000 рабочих, преимущественно текстильщиков, переселены из общих «спален» в отдельные квартиры и комнаты.

Энергетическое хозяйство Москвы расширилось и окрепло. Потребление электричества в городе за четыре года удвоилось и в текущем году почти в 11 раз превосходит довоенный уровень. В солидную отрасль энергетики превратилась теплофикация. В ближайшие годы сотни и тысячи московских домов будут переведены на централизованное снабжение теплом, подобно тому как они снабжаются водой и электричеством.

Реконструировано хлебопечение. Москва имеет сейчас 12 хлебозаводов и 25 механизированных пекарен, которые выпекают в сутки 2½ миллиона кг хлеба. Механизация хлебопечения покончила с перебоями в выпечке хлеба, из-за которых сильно страдало снабжение трудящихся. Построен мясной комбинат. Кустарные городские бойни заменены мощной механизированной фабрикой.

«Проведенная за отчетные годы работа в области городского хозяйства Москвы является лишь началом его коренной реконструкции. Многое еще не сделано. Несмотря на это, достигнутые за истекшие годы результаты войдут в историю как крупнейшее завоевание партии и рабочего класса всей нашей страны» (стр. 9).

Впервые в истории победивший пролетариат приступает к реконструкции городов на научных основах и в интересах широких трудящихся масс. Москва, которая идет во главе этой реконструкции, уже сделала крупные шаги по пути превращения в образцовый социалистический город. Самым выдающимся достижением является ликвидация разницы между центром и окраинами города. Для старой Москвы, как и для всякого капиталистического города, характерным было резкое различие между условиями жизни в центре, заселенном привилегированными классами, и окраинами, где ютились рабочие семьи. В центре—роскошь, великолепные дома, все услуги городского благоустройства, на окраинах—грязь, темнота, низкие, мрачные, запущенные жилища, отсутствие всякого благоустройства и культурных учреждений. Такова типичная картина капиталистического города. Такой была и старая Москва.

В нынешней Москве нет больше темной и грязной окраины капиталистических времен. На месте прокопченных хибарок Симоновой слободы выросла многоэтажная, широкооконная Ленинская слобода с асфальтом улиц, с зеленью бульваров, с чистотой и порядком, достойными самых

лучших кварталов большого города. Усачевка, Дубровка, Дангауэровка—везде и всюду видна чудесная работа нашей революции, создающей новый, невиданный мир.

Строя метро, канал, разрешая генеральные задачи реконструкции городского хозяйства и планировки Москвы, Московский совет в то же время ни на минуту не забывает о текущих коммунальных нуждах населения.

За четыре года построено шесть новых бань. Проложены десятки километров новой водопроводной сети. До революции из каждой сотни москвичей только 40 человек обслуживались водопроводом, сейчас—95. Расширена канализация. Общее количество жителей в домах, присоединенных к городской канализации, до революции составляло 790 тысяч, четыре года назад—1780 тысяч, сейчас—2375 тысяч.

Гораздо меньше стало грязи на улицах Москвы. Количество дворников за четыре года увеличено с 5500 до 12 тысяч. Закрыты заражавшие город антисанитарией мусорные свалки Калужская, Алексеевская, Сукино болото и другие. На их месте разбиты огороды, устроены грибницы, парники.

Кардинально разрешен вопрос о снабжении населения дровами. Четыре года назад Москва испытывала острые затруднения с топливом. Сейчас «дровяная проблема» разрешена полностью.

Широким фронтом развернут ремонт домов. Построено 25 новых трамвайных линий, число трамвайных вагонов увеличилось с 1661 до 2478. Усилилось автобусное сообщение. На улицах Москвы появился новый вид городского транспорта—троллейбусы. Построены 23 фабрики-кухни. Из каждых трех жителей Москвы двое питаются в общественных столовых.

В центре внимания Моссовета за эти годы находились также вопросы развертывания товарооборота, вопросы народного здравоохранения и народного образования.

«Недостаток товаров, который ощущался в Москве четыре года назад, с каждым годом, с каждым месяцем устраняется, хотя возрастающие потребности и покупательная способность населения еще удовлетворяются далеко не достаточно. Увеличилось количество товаров в продаже и сильно расширился их ассортимент. Текстиль, белье, обувь, галоши, галантерея, мебель, хозяйственные товары, бакалейные и гастрономические изделия идут в торгующую сеть нарастающим потоком» (стр. 67).

Розничный годовой оборот торговых организаций Москвы четыре года назад составлял менее 3 миллиардов рублей. В 1934 г. он вырос почти до 6 миллиардов рублей.

По всей Москве четыре года назад было 2048 магазинов и 4090 палаток и ларьков. Сейчас имеется 3306 магазинов и 4930 палаток и ларьков.

За эти годы в Москве возникла и развилась колхозная торговля. Московский рынок потерял облик старой толкучки, на которой господствовал спекулянт. Моссовет перестроил все старые городские рынки и выстроил 22 новых рынка.

Громадная работа проделана за эти годы по бесперебойному снабжению Москвы овощами и картофелем. Москва сейчас полностью обеспечена картофелем и овощами на весь год.

Об успехах охраны народного здоровья в Москве лучше всяких слов говорит следующее сравнение.

Из всех столиц мира Москва дает наибольший естественный прирост населения—7 человек на 1 тысячу жителей в год. В Лондоне естественный прирост составляет только 2 человека. В Париже—0,5. Что касается Берлина, то там не только нет никакого естественного прироста, но смертность даже превышает рождаемость.

Одним из самых замечательных достижений здравоохранения является

организация поликлиник на крупнейших предприятиях Москвы. Например поликлиника на шарикоподшипниковом заводе им. Кагановича занимает четырехэтажное здание, имеет 15 отделений и свыше 40 кабинетов по всем специальностям. 60 врачей и 4 профессора-консультанта работают здесь. В течение дня поликлиника может принять до 2 тысяч человек.

В результате широкого развития мероприятий по народному здравоохранению заболеваемость и смертность среди населения столицы резко снизились. Вот один из ярких примеров, приводимых в отчете. В дореволюционной Москве было только 4 лечебницы по борьбе с туберкулезом, и те в годы империалистической войны закрылись. Сейчас Москва имеет 10 туберкулезных диспансеров, а также областной и городской туберкулезные институты.

Смертность от туберкулеза в дореволюционное время составляла от 26 до 46 человек на 10 тысяч населения в год. Сейчас смертность от туберкулеза составляет 14—15 человек на то же число населения.

Неизмеримо выросло за эти годы значение Москвы как культурного центра Союза. Опыт ее образцовых школ, детских садов и площадок, общеобразовательных школ для взрослых, парков культуры и отдыха широко распространяется по другим городам. Переезд в Москву Всесоюзной академии наук с ее институтами еще более поднял значение столицы как научного центра страны.

Отчет Моссовета, подводящий итоги большим достижениям, проникнут духом самокритики. Он указывает на неполное использование производственной мощности предприятий тяжелой промышленности, на низкое качество многих изделий легкой индустрии, на различные недостатки в обслуживании повседневных нужд широких масс населения. Но ведь Москва только начала реконструкцию своего огромного хозяйства! Недостатки эти будут устранены в кратчайший срок. Благоустройство столицы, ее культура, уровень жизни трудящихся будут расти с каждым годом и месяцем. Для этого созданы все необходимые условия и заложен прочный фундамент.

Таковы некоторые факты и цифры из отчета Моссовета о его деятельности за четыре года.

За каждым из этих фактов, за каждой из этих цифр стоит большая и кропотливая работа московской партийной организации и Московского совета.

«Взять, к примеру, такое дело, как снабжение Москвы картофелем. Чтобы успешно разрешить эту задачу, надо было, во-первых, организовать заготовки картофеля и провести большую массовую работу в районах области, развернув при этом решительную борьбу с кулацкими элементами; во-вторых, надо было организовать доставку заготовленного картофеля в Москву; в-третьих, разместить картофель по складам, сохранить его сухим и доброкачественным в течение всей зимы.

Между тем в Москве не было ни достаточного количества складов, ни кладовщиков, знающих дело хранения картофеля, не было хорошего, опытного заготовительного аппарата, не было транспорта для переброски картофеля от железнодорожных станций на городские склады.

В районы заготовок были брошены сотни руководящих работников. Для транспортировки картофеля были мобилизованы почти все автомашины города, вплоть до легковых. Под склады были приспособлены подвалы жилых домов. Одновременно развернулось строительство новых складов. Сотни коммунистов были сняты Московским комитетом партии с различных работ и назначены кладовщиками и заведующими картофельных складов. Руководящие работники Моссовета и районов были прикреплены к складам, и на каждого из них возложена личная ответственность за сохран-

ность картофеля. В результате всего этого картофельная проблема была быстро разрешена» (стр. 70).

Борьба за картофель—это лишь одна небольшая страничка борьбы московской партийной организации и Московского совета за обеспеченную, зажиточную, культурную жизнь трудящихся. Но и эта одна страничка с достаточной ясностью показывает, как были достигнуты большие победы.

Отчет обрисовывает громадную роль в строительстве социалистической Москвы вождя рабочего класса товарища Сталина и руководителя московских большевиков товарища Кагановича.

По инициативе товарища Сталина был поставлен вопрос о реконструкции городского хозяйства Москвы, при его постоянной помощи и руководстве проходила и проходит вся практическая работа. С именем товарища Сталина «непосредственно связаны строительство метрополитена и канала Москва—Волга, громадная работа по замощению улиц и сооружению гранитных набережных. Касается ли дело разработки генерального плана реконструкции Москвы или снабжения города дровами, трамвайного сообщения или общественного питания,—во всех коренных вопросах жизни города и его населения тов. Сталин принимает непосредственное участие. Руководство, помощь и внимание нашего великого друга, нашего вождя и учителя, нашего родного товарища Сталина—решающее условие достижений московского пролетариата и залог его дальнейших побед...» (стр. 9—10).

Непосредственным руководителем и организатором всей работы по реконструкции Москвы является Московский комитет партии и соратник великого Сталина тов. Каганович. Под руководством тов. Кагановича московские большевики боролись за генеральную линию партии, за линию Ленина—Сталина, разбивая беспощадно остатки контрреволюционного троцкизма, правый и «левый» оппортунизм.

«С трибуны областного с'езда советов и партийных конференций, на пленумах МК и Московского совета, изо дня в день, в тоннелях метро, на многочисленных промышленных и жилищных стройках Москвы, везде и всюду, где кипит бурная строительная работа, при встречах с сотнями и тысячами пролетариев тов. Каганович определял направление борьбы и поднимал на эту борьбу десятки и сотни тысяч людей. В этом—одно из решающих условий успехов Московского совета и большевистского авангарда московского пролетариата и трудящихся Москвы — московской партийной организации» (стр. 10).

Гордое имя Москвы, овеянное славой пролетарских побед, звучит во всех концах мира как символ побеждающего социализма. Миллионы трудящихся носят его в своем сердце с чувством величайшей любви и преданности. В красную столицу тянутся мысли, надежды и чаяния лучших людей трудящегося человечества. «...Как раньше Париж являлся убежищем и школой для революционных представителей подымающейся буржуазии, так и теперь Москва является убежищем и школой для революционных представителей подымающегося пролетариата»[1].

Высокое звание столицы Советского Союза обязывает Москву идти в первых рядах социалистического наступления, служить образцом и примером для других городов и пролетарских центров Страны советов.

Факты показывают, что Москва с честью выполняет эту свою великую обязанность. Отчет Моссовета в этом наглядно убеждает.

М. ИВАНОВ

---

[1] Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 208. 10-е изд.

Вредная путаница

Журнал «Поволжье», литературно-художественный и общественно-политический орган сталинградского краевого правления Союза советских писателей, № 4—5 за 1934 г.

На XVII с'езде партии товарищ Сталин говорил: «Врагов партии, оппортунистов всех мастей, национал-уклонистов всякого рода—разбили. Но остатки их идеологии живут еще в головах отдельных членов партии и нередко дают о себе знать».

Пережитки капитализма еще не преодолены ни в экономике, ни в сознании людей. «Понятно, что эти пережитки не могут не являться благоприятной почвой для оживления идеологии разбитых антиленинских групп в головах отдельных членов партии».

Примером такой вреднейшей путаницы в головах отдельных членов партии по основным принципам ленинизма является статья В. Руберт под названием «К десятилетию книги «Об основах ленинизма», помещенная в № 4—5 журнала «Поволжье» за 1934 г. (отв. редактор И. Макарьев).

В статье В. Руберт затрагиваются вопросы о пролетарской революции, о стратегии, тактике и разработке этих вопросов товарищем Сталиным. Основное внимание в статье уделяется теории о возможности победы социализма в одной стране.

Статья поверхностна, допускает путаницу по важнейшим вопросам марксизма-ленинизма и ни в коей мере не справляется с поставленными задачами.

Всякому коммунисту, изучавшему историю борьбы партии с троцкистской и зиновьевской оппозицией, известно, что Ленин еще в 1915 г. вел борьбу с Троцким по вопросу о возможности построения социализма в одной стране.

Ленин, сформулировавший тогда закон неравномерности развития капитализма в эпоху империализма, доказал —и это целиком подтвердила история,—что в эпоху империализма возможна победа социализма в одной, отдельно взятой стране.

Товарищ Сталин в своих работах с исчерпывающей полнотой показал всю историю борьбы Ленина с троцкизмом по этому важнейшему вопросу.

Учение о возможности построения социализма в одной стране является одним из важнейших новых вкладов, внесенных Лениным в сокровищницу марксизма.

Величайшая историческая заслуга товарища Сталина состоит в том, что он в новых исторических условиях отстоял ленинское учение о построении социализма, в беспощадной борьбе с троцкистами, зиновьевцами и правыми развил это учение дальше, обогатив его великим опытом борьбы пролетариата СССР за построение социализма. Развивая дальше учение Ленина о возможности построения социализма в одной стране, товарищ Сталин собрал воедино положения Ленина, высказанные в ряде трудов, приведя их в стройную систему.

Товарищ Сталин дал новое обоснование и доказательства правильности этой теории на основе всего опыта социалистического строительства. Он с исключительной теоретической глубиной разработал вопрос о путях победы социализма. Главнейшие моменты этого вопроса: индустриализация страны как основа всей политики построения социализма; разработка аграрной теории марксизма-ленинизма, в особенности учения о союзе рабочего класса с крестьянством и о коллективизации; о формах классовой борьбы в эпоху построения социализма и ликвидация кулачества как класса; учение о диктатуре пролетариата и задачи ее укрепления в период

социализма; учение о партии и ее роли в укреплении диктатуры пролетариата и в построении бесклассового общества; роль советской торговли и денег в эпоху построения социализма и т. д.

Все эти вопросы, разработанные товарищем Сталиным, вошли как основные моменты ленинской теории возможности построения социализма в одной стране и составляют дальнейшее ее развитие. Под гениальным руководством Сталина партия претворила в жизнь теорию о возможности победы социализма в одной стране.

Всякому мало-мальски грамотному коммунисту известно, что троцкисты, а с ними Зиновьев и Каменев пытались доказать, что теория построения социализма не принадлежит Ленину, что эта теория создана только в 1924—1925 гг. и т. д.

Статья В. Руберт, хотел или не хотел этого автор, по сути скатывается на подобную трактовку вопроса. Во всей статье В. Руберт мы не найдем даже беглого упоминания, что теория возможности построения социализма в одной стране создана была Лениным в 1915 г. и что до 1924—1925 гг. вокруг этой теории в партии велась борьба. Единственной датой, с которой В. Руберт связывает теорию возможности победы социализма в одной стране, является 1924—1925 гг. У читателя статьи может сложиться глубоко неверное представление, что теория возможности победы социализма в одной стране возникла лишь в период XIV партконференции.

Связывая постановку вопроса о возможности построения социализма в одной стране с 1924 годом и первой половиной 1925 года, В. Руберт замечает, что тогда «вопрос о возможности построения социализма внутри нашей партии открыто никем не оспаривался» (стр. 92).

Неверно, что вопрос о возможности построения социализма в нашей стране в этот период никем не оспаривался. Взять хотя бы статью Троцкого «Об уроках Октября». Мы не говорим уже об оппортунистических выступлениях в ЦК накануне XIV партконференции Зиновьева и Каменева, утверждавших, что мы погибнем из-за технической отсталости, если нам на помощь не придет международная революция.

Если же взять годы с 1915 по 1924, то здесь не раз возникали жестокие споры между ленинизмом и троцкизмом по вопросу о возможности победы социализма в одной стране. Об этом говорят полемика Ленина с Троцким в 1915 г., полемика товарища Сталина на VI с'езде партии с Преображенским, уже тогда отрицавшим возможность социалистического переустройства нашей страны до победы пролетарской революции на Западе, попытки Троцкого в 1922 г. в предисловии к книге «1905 г.» и к «Программе мира» протащить идеи перманентной революции и отрицания возможности построения социализма в одной стране.

Товарищ Сталин в речи на VII пленуме Исполкома Коминтерна, разобрав детально, шаг за шагом, историю ленинского учения о возможности победы социализма в одной стране и историю борьбы троцкистско-зиновьевской группы против этой теории, говорил: «Вы видите, таким образом, что вопрос о строительстве социализма в одной стране был выдвинут в нашей партии еще в 1915 году, выдвинут он был лично Лениным, с которым спорил по этому вопросу не кто иной, как Троцкий, обвиняя Ленина в «национальной ограниченности».

Вы видите, что с тех пор этот вопрос не сходил с порядка дня работы нашей партии вплоть до смерти тов. Ленина.

Вы видите, что этот вопрос несколько раз возбуждался в той или иной форме Троцким в виде скрытой, но совершенно определенной полемики с тов. Лениным, причем каждый раз трактовался этот вопрос у Троцкого не в духе Ленина и ленинизма, а против Ленина и ленинизма.

Вы видите, что Троцкий говорит прямую неправду, уверяя, что вопрос о строительстве социализма в одной стране не выдвигался никем до 1925 года».

В. Руберт утверждает, что «уже на XIV партконференции в апреле 1925 г. теория о возможности построения социализма в одной стране легла в основу всей политики партии, стала общепартийной директивой» (стр. 90).

Теория возможности построения социализма в одной стране лежала в основе нашей стратегии, в основе нашей политики и тогда, когда партия вела рабочий класс на взятие власти в октябре 1917 г., и в годы гражданской войны, и в 1921—1923 гг., когда партия после гражданской войны приступила к хозяйственному строительству, повела рабочий класс на восстановление разрушенного войной и интервенцией народного хозяйства.

Совершенно бесспорно, что вопрос о возможности построения социализма в одной стране приобрел исключительное значение, когда партия и рабочий класс ликвидировали хозяйственную разруху, восстановили промышленность и вступили в полосу перестройки всего хозяйства на новой технической основе.

«Строим ли мы для того, чтобы унавозить почву для буржуазной демократии, или для того, чтобы построить социалистическое общество, — в этом теперь корень нашей строительной работы», — указывал товарищ Сталин на VII пленуме Исполкома Коминтерна.

Из всей концепции В. Руберт вытекает, что только в 1924—1925 гг. был впервые поставлен вопрос о победе социализма в одной стране и что только с этого времени теория о возможности построения социализма в одной стране легла в основу всей политики партии. При этом надо еще раз подчеркнуть, что во всей статье ни слова нет о том, что эта теория Лениным была выдвинута в 1915 г. и что партия всегда с тех пор стояла на этих позициях.

Тот факт, что на XIV партконференции впервые вопрос о победе социализма в одной стране был записан в официальные решения партии, В. Руберт и И. Макарьев выдают за то, что будто бы вообще впервые в партии на XIV конференции был поставлен вопрос о возможности победы социализма в одной стране.

Четырнадцатая партконференция, давая официальное партийное выражение вопроса о возможности построения социализма в одной стране, в своих решениях целиком и полностью исходила из программных положений Ленина. Товарищ Сталин на VII пленуме ИККИ говорил, что «резолюция XIV конференции является точным изложением основных положений ленинизма в вопросе о возможности строительства социализма в нашей стране... Исходным пунктом решений нашей партии по вопросу о возможности строительства социализма в нашей стране являются известные программные труды тов. Ленина» [1].

Тот факт, что XIV партконференция впервые записала официально в решениях партии основные положения ленинизма в вопросе о строительстве социализма в одной стране, никоим образом не дает оснований говорить, что только с XIV партконференции теория о возможности построения социализма в одной стране легла в основу политики партии и стала общепартийной директивой.

Приведем еще только одно положение В. Руберт:

«Оппозиция, далее, пыталась дезориентировать партию в этом важнейшем вопросе, указывая на то, что у Ленина в его работах встречается ряд

[1] Стенографический отчет VII пленума ИККИ. Т. II, стр. 323 — 327.

указаний на невозможность построения социализма в одной стране... Ссылки оппозиции на Ленина являются покушением с негодными средствами, ибо в приводимых высказываниях речь шла об окончательной победе социализма, в смысле полной гарантии от интервенции, а не о возможности построения социализма, исходя из невозможности преодоления внутренних противоречий» (стр. 92—93).

Допустим, что «в приводимых высказываниях речь шла об окончательной победе социализма» (хотя известно, что оппозиция просто-напросто жульнически фальсифицировала взгляды Ленина). Ну, а в тех положениях Ленина, которые оппозиция не приводила, в них-то ведь (так же, как и в приводимых, хотя и искаженно, оппозицией положениях) прямо доказывается Лениным возможность победы социализма в одной стране!

Почему же об этом вы, автор и редактор, молчите?

Статья В. Руберт, несмотря на отдельные правильные положения, в целом допускает вреднейшую путаницу по вопросу о ленинской теории возможности победы социализма в одной стране, замалчивая, что этот вопрос был выдвинут в нашей партии Лениным еще в 1915 г. Эта идейная путаница идет по линии взглядов, которые защищала троцкистско-зиновьевская оппозиция.

Вся статья В. Руберт написана поверхностно. Чего стоит, например, такое признание самого автора, берущегося писать о книге товарища Сталина «Об основах ленинизма»:

«В статье совершенно не нашла отражения теоретическая разработка товарищем Сталиным таких проблем, как проблема диктатуры пролетариата и новые формы классовой борьбы в переходном периоде, национально-колониальный вопрос, учение о партии».

Помещение статьи В. Руберт в таком виде, как она есть, является серьезной политической ошибкой журнала «Поволжье» и его ответственного редактора тов. И. Макарьева.

П. ЮДИН

Уполномоченный Главлита № В—102123.
Тираж 450 000 экз.
В 1 п. л. 63 000 зн. 3 бум. листа.
Изд. № 1188.

Редакция: А. Стецкий (редактор), В. Кнорин, П. Поспелов, Б. Таль

Материал сдан в набор 25/XII-34 г., подписан к печати 29/XII-34 г. Заказ 666.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, ул. „Правды“, 8.

СПИСОК КНИГ,
ПОСТУПИВШИХ НА ОТЗЫВ В РЕДАКЦИЮ „БОЛЬШЕВИКА“

ИМЭЛ — ПАРТИЗДАТ

1. **ЛЕНИН. Избранные произведения.** 1934. Т. VI. 1934. 334 стр.

2. **КАРЛ МАРКС. Даты жизни и деятельности (1818—1883).** Под ред. тов. Адоратского. 1934. 442 стр. 5 р. 50 к. в перепл.

3. **Протоколы Первого с'езда РКСМ.** 1934. 126 стр. 2 р. 25 к. в перепл.

ПАРТИЗДАТ

1. **МОЛОТОВ, В. М. Об отмене карточной системы по хлебу.** Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 25 ноября 1934 г. 31 стр. 20 к.

2. **Резолюции пленума Центрального Комитета ВКП(б)** 25—28 ноября 1934 г. 15 стр. 10 к.

3. **О фашистской диктатуре в Германии.** Коммунистический интернационал в документах. 1934. 245 стр. 1 р. 75 к.

4. **БЛАГОЕВА, С. Георгий Димитров.** Очерк жизни и борьбы пролетарского революционера. 1934. 102 стр. 1 р. 20 к. в перепл.

5. **КАРПИНСКИЙ, В. Беседы о ленинизме.** Изд. 3-е. 1934. 411 стр. 2 р. 25 к. в перепл.

СОЦЭКГИЗ

1. **КАБО, Р., Очерки истории и экономики Тувы.** 1934. Часть 1-я. 202 стр. 3 р. 75 к. в перепл.

2. **СЕРЕБРЯННИКОВ, Г. Н. Женский труд в СССР.** 1934. 240 стр. 3 р.

3. **СПИНОЗА, БЕНЕДИКТ. Трактат об усовершенствовании разума.** 1934. 154 стр. 2 р. 35 к. в перепл.

4. **КАНТ, ИММАНУИЛ. Пролегомены.** 1934. 378 стр. 4 р. 75 к. в перепл.

5. **КЛАРК, Дж. Б. Распределение богатства.** Перевод с английского. 1934. 299 стр. 5 р. в перепл.

6. **ВИОЛИС, АНДРЕ. Япония и ее империя.** Перевод с французского. 1934. 143 стр. 1р. 75 к.

7. **«Тихий океан».** Политико-социально-экономический журнал № 1. Институт мирового хозяйства и мировой политики. 1934. 218 стр. 4 р.

ВОЕНГИЗ

1. **ДЕ-ЛАЗАРИ, А. Атлас «Мировая империалистическая война 1914—1918 гг.» в схемах с пояснительным текстом.** 1934.

ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ПОЛИТКАТОРЖАН

1. **БАКУНИН, М. А. Собрание сочинений и писем.** Т. II. 503 стр. 10 руб. в перепл.

2. **ЛАВРОВ, П. Л. Избранные сочинения на социально-политические темы.** 1934. Т. II. 430 стр. 8 руб. в перепл. Т. III. 417 стр. 8 руб. в перепл.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ АНТИРЕЛИГИОЗНОЕ ИЗД-ВО

1. **ГОЛЬБАХ, ПОЛЬ АНРИ ДИТРИХ. Избранные антирелигиозные произведения.** Т. I. 658 стр. 8 р. в перепл.

САРАТОВСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗД-ВО

1. **ФОКЕЕВ, Б. И. КРАУС, Э. Д. и другие.** Техника крекинга системы Винклер-Кох. 1934. 137 стр. 3 р. 60 к. в перепл.

ОНТИ

1. **ГЕРЧИКОВ, С. С.,** проф. **Основы организации производства в каменноугольной промышленности.** 1934. 507 стр. 7 р. 60 к. в перепл.

АКАДЕМИЯ

1. **РЫЛЕЕВ, К. Ф. Полное собрание сочинений.** 1934. 908 стр. 15 р. в перепл.

ГИХЛ

1. **ПРИШВИН, М. Колобок.** 1934. 262 стр. 3 р. 75 к. в перепл.

ГОСЛИТИЗДАТ

1. **ПУШКИН, А. С. Том четвертый.** 2-е изд. 1934. 813 стр. 5 р. в перепл.

2. **ПУЩИН, И. И. Записки о Пушкине.** Статья и редакция С. Я. Штрайха. 1934. 253 стр. 2 р. 75 к.

3. **ЧЕХОВ, А. Избранные произведения.** 2-е изд. 1934. 540 стр. 2 р. в перепл.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

1. **ЖИЖКА, М. Радищев.** 202 стр. 2 р. в перепл.

2. **ВЛАДИМИРОВ, В. Н. Франклин.** 1934. 218 стр. 3 р.

3. **ВОЛЬСКИЙ, СТ. Кромвель.** 1934. 303 стр. 3 р. в перепл.

4. **СУХОТИН, П. Бальзак.** 1934. 366 стр. 3 р. 50 к.